ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!
СКОТТ СИГЛЕР
Наполовину Стивен Кинг,
наполовину Чак Паланик.
Джеймс Роллинс
НОЧНАЯ ЖАЖДА
18+
КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Книга-загадка. Книга-бестселлер

Скотт Сиглер

Ночная жажда

«Эксмо»
2012

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

Сиглер С.

Книга-загадка. Книга-бестселлер / С. Сиглер — «Эксмо», 2012 — (Книга-загадка. Книга-бестселлер)

ISBN 978-5-699-87002-8

В Сан-Франциско началась череда серийных убийств – жестоких, кровавых и необъяснимых. После маньяка – или маньяков – остаются очень странные улики, которые не могут классифицировать самые опытные эксперты. Тогда же инспектор полиции Брайан Клаузер начинает видеть крайне реалистичные сны, наполненные страхом и жаждой охоты. Он видит жутких, пугающих существ – монстров, наделенных невероятной силой, – и ощущает себя одним из них. А наутро выясняется, что преступления из его снов до мельчайших деталей совпадают с преступлениями, происшедшими в реальности. Брайан понимает, что не будет ему покоя, пока он не разберется с кровавыми убийцами. А главное – с тем, каким образом он с ними связан…

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-87002-8

© Сиглер С., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

Часть первая 6
Епитимия 6
Доброе утро, солнечный свет 9
Утренние новости 18
Дела семейные 20
Робин 25
«Траттория Контадина» 28
Ложь Брайана Клаузера 34
То появится, то исчезнет… 36
Рекс просыпается 38
Эгги Джеймс, уточки и кролики 39
Ремень 41
Рисунок 43
Угол Ван-Несс и Ферн 45
«БойКо» 47
В кабинете начальника полиции 50
Белая комната 52
У Рекса неприятности 56
Шэрроу отправляет Брайана домой 57
Телефонный звонок 59
Засада охотника 62
Приятные сны 66
Брайан Клаузер: человек утра 67
Порция реальности Брайана Клаузера 70
Пукки и его напарник 73
Что бы это значило… 78
Робин и прокисшее молоко 81
Рекс получает хорошие новости 86
Черный Мистер Бёрнс 89
Визит к директору школы 94
Собачья шерсть 97
Пукки и Брайан беседуют с Алексом Пейносом 98
Бабушка в платочке 102
Показательная порка 105
Робин берет бразды правления в свои руки 109
Художник и его рисунок 114
Большой Макс 115
Телефонный звонок 119
Конец ознакомительного фрагмента. 120

Скотт Сиглер
Ночная жажда

Scott Sigler
Nocturnal
Copyright © 2012 by Scott Sigler
This translation published by arrangement with Crown Publishers, an imprint of the Crown Publishing Group, a division of Random House, Inc. and Synopsis Literary Agency.
© Найденов В.В., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Часть первая
Люди

Епитимия

– Вам здесь не рады, Пол…

В большинстве мест в мире подобное заявление показалось бы вполне нормальным. Не самым дружелюбным, наверное, но все же приемлемым.

В большинстве мест… но только не в одном из приходов католической церкви.

– Но меня преследуют, – дрогнувшим голосом проговорил тот, кого назвали Полом. – И к тому же на улице сейчас холодно.

Он судорожно озирался и выглядел напуганным.

Но отца Эстебана Родригеса сбивчивые объяснения позднего посетителя не трогали. Этому человеку, если его вообще можно было назвать таковым, отныне был запрещен доступ в собор Успения Пресвятой Девы Марии. Навсегда.

– Вам же сказали, – сурово произнес Эстебан. – Вы исключены из числа служителей Святой Церкви.

Глаза Пола сузились. На какое-то мгновение Эстебан заметил в них знакомый блеск, который когда-то делал стоящего перед ним человека таким популярным и привлекательным.

– А как же насчет прощения? – взмолился Пол. – Ведь мы все стремимся искупить свои грехи. Или вы лучше, чем наш Спаситель?

Эстебан начал злиться, что случалось с ним крайне редко, но быстро подавил в себе эти эмоции.

– Я – всего лишь человек, – сказал он. – И, наверное, не самый властный из смертных. Возможно, Бог сумеет простить вам ваши прегрешения, но лично я не в силах. Здесь вы не найдете себе убежища.

Пол опустил глаза. Он дрожал от холода. Эстебан тоже вздрагивал. Через приоткрытую дверь церкви ветер наполнял помещение пронизывающим холодом и влагой.

На Поле было провисшее синее пальто, которое когда-то выглядело превосходно на своем первоначальном владельце, кем бы тот ни являлся. Но сколько лет назад это было? Грязные и измятые штаны Пола были заляпаны пищей и жиром. Еще несколько лет назад этот человек помогал бездомным, а теперь сам стал похож на одного из них…

– Мне некуда пойти, – угрюмо произнес Пол.

– Церковь здесь ни при чем. И я – тоже.

– Но я же человек, святой отец!

Эстебан покачал головой. Неужели это отвратительное, демоническое существо, стоящее сейчас перед ним, всерьез считает себя *человеком*?

– Вы изгнаны отсюда. И ваше присутствие здесь крайне нежелательно. Это святилище; в стае овец не могут находиться волки. Почему бы вам не пойти туда, где вам самое место? Предупреждаю: если вы сейчас же не уйдете, я вызову полицию.

Пол отвел взгляд и посмотрел на улицу. Казалось, он пытался там что-то разглядеть. Нечто вполне определенное… То, чего там не было.

– Я уже был в полиции, – сдавленным голосом сказал Пол. – И сказал, что за мной кто-то гонится.

– Что же они ответили?

Пол посмотрел Эстебану в глаза.

– Почти то же самое, что и вы, святой отец.

– Что посеешь, то и пожнешь, – задумчиво проговорил отец Родригес. – В аду для таких, как вы, есть особое место. А теперь уходите. *Немедленно*.

Глаза Пола стали еще печальнее. Безысходность, отчаяние – возможно, окончательное понимание того, что эта часть его жизни *закончена*. Взгляд Пола скользнул мимо Эстебана через дверной проем. Печаль в его глазах сменилась нестерпимой тоской по тому, что уже безвозвратно потеряно. В этом здании он провел много лет.

Но те дни ушли навсегда.

Пол повернулся и спустился вниз по широким ступеням. Эстебан наблюдал, как он вышел на тротуар Гоу-стрит, затем перешел на противоположную сторону и удалился прочь по О'Фаррелл.

После этого отец Родригес закрыл дверь.

* * *

Пол Мэлоуни поднял повыше воротник и съежился, стараясь с головой закутаться в пальто. Ему так нужна шляпа. Ночью сейчас очень холодно. Ветер нагнал такого плотного тумана, что иногда в пяти шагах было трудно что-либо разглядеть. Он отправился по О'Фаррелл-стрит, через район стрип-клубов, торговцев наркотиками и шлюх, центр греха и деградации. Где-то в глубине души он знал, что теперь его место здесь. Но, с другой стороны, ему хотелось кричать что есть силы, хотелось раскрыть им глаза и сказать всем этим грешникам, куда они придут и что ждет их всех, если они не вспомнят об Иисусе Христе. Если навсегда забудут про своего Бога и Спасителя.

Отец Эстебан… Сколько желчи было в его словах! *В аду есть особое место?* Возможно, для Эстебана или для таких людей, как он, которые претендуют на то, что проповедуют Слово Божие, хотя до конца не понимают его. Бог все равно любил Пола Мэлоуни. Бог любит всех. Когда-нибудь их пути пересекутся – и тогда Эстебан окажется в его шкуре…

Эстебан и прочие – те, кто отнял у Пола его жизнь.

Пол повернул налево и вышел на Джоунс-стрит. Куда ему теперь податься? У него была постоянная, нестерпимая *потребность* в человеческом контакте, которая не переставала его удивлять. Нет, ему не требовалось круто менять свою жизнь, он просто нуждался в добром слове, в задушевной беседе. Он много лет провел в церкви. Очень много лет перед бесконечным потоком людей. Даже в долгие дни раздумий его уединение было во многом спровоцировано им самим; от людей его отделяло лишь несколько комнат. Если он хотел, то всегда можно было отыскать себе собеседника.

Но последние несколько лет никто не хотел разговаривать с Полом Мэлоуни. Ему приходилось везде быть начеку: кое-кто из грешников мог пустить в ход кулаки и ноги.

Два часа ночи. На улице все еще были люди, особенно в этой части города. Правда, их немного.

Сзади раздался неясный шум, похожий на звук металлического предмета, царапающего кирпич.

Пол обернулся. Никого…

Его сердце усиленно забилось. Он готовился увидеть перед собой человека с косматой черной бородой и в зеленой кепке «Джон Дир». Сколько раз Пол уже встречал этого человека? Четыре? Может быть, пять?

Прошу тебя, Отец Небесный, не позволяй этому человеку стать родителем.

Он снова услышал тот же звук.

Пол повернулся так резко, что даже пошатнулся. Что это за странный скрежет? Металлическая труба? Или, может быть, какая-нибудь бездомная с тележкой, у которой сломано колесо? Он искал взглядом бородатого человека, но его нигде не было.

Пол закрыл лицо окоченевшими руками. Он растирал ладонями щеки, стараясь встряхнуться и прогнать страх. Как это все произошло? Он ведь не совершил ничего дурного. Он просто сильно *любил*, и теперь это стало его жизнью: он окунулся в свое одиночество, и теперь ему, видимо, придется жить так всегда.

– Мне нужно быть сильным, – вслух проговорил Пол. – Не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твоя…[1]

Позади него раздался странный свист, смешанный со стуком подошв по влажному асфальту.

Пол начал оборачиваться, но прежде, чем он успел что-либо рассмотреть, чьи-то сильные руки схватили его за плечи…

[1] Пс. 22:4.

Доброе утро, солнечный свет

Когда солнце начало вставать, по улице Сан-Франциско медленно поползли тени – то сужаясь, то расширяясь, то причудливо скручиваясь.

Брайан сидел на выступе крыши многоквартирного дома и наблюдал за рассветом. Купальный халат, спортивные трусы, чашка кофе, ноги, болтающиеся на высоте шести этажей над тротуаром, – небольшой кусочек хорошей жизни. Он любил этот ежедневный ритуал на крыше, хотя обычно с восходом солнца его работа *заканчивалась*. На рассвете Брайан Клаузер чаще всего засыпал.

Ему редко приходилось работать днем. Эта привилегия досталась ему за определенные заслуги по службе. Кроме того, мало кому хотелось заниматься расследованием убийств с восьми вечера до четырех утра. Однако сейчас его любимой ночной смене пришлось подождать: дело Абламовича затягивалось, и шеф полиции Эми Зоу вынуждена была продемонстрировать хоть какое-нибудь движение, иначе журналисты сожрали бы ее с потрохами.

Когда тело местного, притом весьма состоятельного бизнесмена находят… в трех отдельных бочонках, плескающихся в заливе Сан-Франциско, СМИ начинают требовать ответ. Зоу мастерски сортировала информацию, скармливая репортерам то, что те хотели услышать. В итоге они постепенно теряли интерес к расследованию и переключались на какую-нибудь другую тему.

У шефа всегда наготове имелся план пресс-конференции, настолько предсказуемый, что полицейские, которыми она командовала, давно разбили его на отдельные этапы:

Этап I: Собрать информацию, но не делать никаких предположений.

Этап II: Подключить к делу опытных сотрудников.

Она уже потихоньку перешла к *Этапу III: Создание мультидисциплинарной целевой группы* и безудержно стремилась к убаюкивающему для СМИ *Этапу IV: Привлечь дополнительные ресурсы*.

В этом случае под *дополнительными ресурсами* понимались ребята из «ночной смены». Зоу отдавала приказы Джесси Шэрроу, руководителю отдела убийств, а Шэрроу, в свою очередь, отдавал приказы Брайану.

Итак, речь зашла о дневной смене.

Брайан потеребил пальцами свою короткую темно-рыжую бороду. Да, он уже подзарос; тоже неплохо, однако через пару дней бороду придется все же подстричь. Иначе вместо *крутого* парня он рискует приобрести имидж *начинающего бездомного*.

Брайан посильнее закутался в махровый халат. Становилось холодно. Потягивая кофе, он перевел взгляд на северную часть залива Сан-Франциско. Смотреть было особенно не на что: местечко размером с почтовую марку на дальнем конце Лагуны – полоска открытого моря, затем темная масса Эйнджел-айленд, а за островом далекое звездное мерцание сонного Тибурона. Из-за большого количества высоток отсюда не был виден знаменитый мост Золотые Ворота. Нет, красивые виды – это для богачей…

Копы, к сожалению, пока так и не разбогатели. И не вылезли из долгов.

Его должность называлась «инспектор по расследованию убийств», однако сам Брайан испытывал к ней несколько иные ощущения. Он не *инспектировал*, не расследовал, а скорее *охотился*. Охотился на убийц. В этом заключались его жизнь и смысл существования. Что бы ни происходило вокруг, он обо всем забывал, когда начиналась охота. Как бы банально это ни звучало, но город был его домом, а он – одним из его защитников.

Он родился здесь, в Сан-Франциско, но отец часто переезжал из одного города в другой. И так продолжалось все детство и подростковые годы Брайана. Начальная школа – в Индианаполисе, неполная средняя – в Атланте, первые два курса колледжа – в Детройте.

Брайан нигде не чувствовал себя как дома – до тех пор, пока не оказался в средней школе имени Джорджа Вашингтона. Хорошие были времена…

В кармане зазвучал сотовый телефон: пришло СМС-сообщение. Не было нужды проверять, от кого оно, потому что такой метод связи использовал только его напарник. Брайан поднял телефон к уху и вскоре услышал голос Пукки Чанга.

– Я готов, – сказал Брайан.

– Вряд ли, – усмехнулся Пукки. – Сейчас ты наверняка сидишь на своей крыше и потягиваешь кофе.

– Да нет же, – сказал Брайан, после чего сделал еще один глоток.

– Скорее всего, ты даже не удосужился одеться.

– Отчего же, я одет, – сказал Брайан.

– Ты просто – Л-З-Л.

В этом весь Пукки с его патологической тягой к аббревиатурам и акронимам!

«Что это, черт возьми, такое?» – быстро набрал Брайан в исходящем сообщении.

Вскоре раздался звук ответной эсэмэски, и на экране появилась надпись:

«Лживый Завравшийся Лгун. Живо одевайся, иначе я подниму на уши весь дом».

Брайан допил кофе и поставил кружку слева от себя. Там уже стояли три пустые кружки. Он мысленно решил убрать их следующей ночью. Обычно он не беспокоился о пустых кружках, пока их не набиралось пять или шесть. Получался своего рода керамический «календарь», из которого можно было определить тот знаменательный день, когда Брайан потрудился наконец за собой убрать.

Брайан поспешил к пожарной лестнице и стал спускаться вниз, к своей квартире. Он знал: если не успеет выйти на улицу к тому моменту, когда подъедет «Бьюик» напарника, то Пукки просто уляжется на руль и останется в таком положении вплоть до прихода Брайана. К великой радости всех жильцов. Соседи Брайана просто обожали Пукки Чанга.

Брайан, поеживаясь, ступал босыми ногами по холодным металлическим ступенькам. Через два пролета он спустился на небольшую площадку возле кухонного окна своей квартиры и через открытую ставню забрался внутрь.

Его кухня была настолько маленькой, что два человека в ней попросту не смогли бы развернуться. И тем более не смогли бы открыть дверцу холодильника. Но двух людей у него на кухне никогда не было. Шесть месяцев он прожил в спальне и до сих пор не распаковал большую часть коробок с вещами.

Оделся Брайан очень быстро. Черные носки, черные штаны и черная футболка. Затем черная плечевая кобура «Бьянки Таксидо» и нейлоновые ножны на предплечье. Он начал собирать оружие, сваленное на журнальном столике. В ножны на предплечье сунул тактический боевой нож «Томагавк». Складной нож «Твитч XL» от фирмы SOG пристегнул на внутренней части левой штанины; нож был скрыт от посторонних взоров, но всегда находился в пределах легкой досягаемости. Пистолет «ЗИГ-Зауэр P226» занял свое законное место в плечевой кобуре. Департамент полиции Сан-Франциско выдавал пистолеты 40-го калибра всем сотрудникам. Будь его воля, Брайан выбрал бы себе другое оружие, но приходилось мириться с тем, что есть. Плечевая кобура была оснащена отделениями, в которые Брайан вложил две дополнительные обоймы и наручники.

Многие полицейские носили ножи и пистолеты еще и на лодыжках, и Брайан не захотел обделять себя в этом вопросе. Дополнительное оружие вполне могли упустить из виду бандиты, окажись он у них в заложниках. Его выбор пал на крошечный пистолет «Сикамп LWS32» 32-го калибра, настолько маленький, что тот запросто помещался в бумажнике из искусственной кожи и, соответственно, в левом заднем кармане штанов. Однажды Брайан и в самом деле провел несколько дней в заложниках у одного негодяя, у которого закончилась наркота. Он никогда не захотел бы вновь испытать что-нибудь подобное.

Брайан надел черную толстовку с капюшоном и застегнул молнию, скрыв кобуру от посторонних глаз. Когда он быстрыми шагами прошел мимо не распакованных с момента переезда коробок, направляясь к выходу из квартиры, то услышал доносящийся снизу нудный автомобильный гудок.

Какой же он все-таки придурок, этот чертов напарник!

Брайан понесся вниз, перепрыгивая через две ступеньки. Через четыре пролета он оказался в холле, пол которого был выложен обшарпанной плиткой. Возле подъезда, почти перегородив переулок, его поджидал коричневый, как дерьмо, «Бьюик» Пукки Чанга.

Проезжающие мимо автомобили огрызались гневными гудками, но даже если Пукки и мог расслышать их на фоне непрерывного воя собственного автомобиля, то не обращал на них никакого внимания. За шесть лет совместной работы Брайан слишком хорошо узнал своего напарника. Тот был копом до мозга костей. Ну что с ним можно сделать – выписать штраф, что ли? Разве это поможет?

Брайан выскочил из подъезда на тротуар и обежал вокруг «Бьюика». Как всегда, пассажирское сиденье было завалено потрепанными папками.

Лоуренс «Пукки» Чанг не верил в научно-технический прогресс.

Брайан скреб папки в кучу, потом уселся, положил все себе на колени и захлопнул дверцу.

– Эй, Пукс! – Он протянул руку и погладил выпирающий живот напарника. – Как твой Будда отнесся к утренним пончикам?

– Слава богу, не у всех обмен веществ как у колибри, – ответил Пукки, выруливая на Вальехо-стрит. – Паровоз ведь не поедет, если в топку не подбросить угля, не так ли, приятель? А что касается *Будды*… Я мог бы натравить на тебя ребят из отдела внутренних расследований. Они быстро предъявили бы тебе обвинение в расовой дискриминации. Что, если я стану называть тебя ирландским картофельным обжорой?

– Замечу, что Клаузер – немецкая фамилия. Тоже мне, знаток!

Пукки рассмеялся.

– Да неужели у всех представителей «высшей расы» такие же рыжие волосы и зеленые глаза, как у тебя?!

Брайан пожал плечами.

– Темно-рыжие. А у ирландцев – ярко-рыжие. Я немец до мозга костей, в трех поколениях. Кроме того, пунктуальный. Я ведь говорил о твоем большом животе Будды, а не об узких глазах.

– Об *узких глазах?* О да, это, конечно, более политкорректно. К тому же я вовсе не толстый. Просто у меня кость широкая.

– Помню тот день, когда ты только купил себе это пальто, – подмигнул ему Брайан. – Примерно четыре года назад. Тогда ты еще мог застегнуть его на пуговицы… А сейчас?

Пукки повернул на юг, на Ван-Несс-стрит, затем без очевидных причин резко перестроился на дальнюю полосу. Брайан машинально прижал ноги к полу и схватился за ручку дверцы. Сзади раздались раздраженные гудки и визг тормозов.

– Нам, простым жителям Чикаго, очень нравится кушать, – продолжал Пукки. – Вот ты, парень из Калифорнии, довольствуешься какими-то тофу и ростками фасоли. Я же не готов к таким истязаниям. Кроме того, мой живот обожают дамы. Именно поэтому в нашем полицейском шоу ты – задумчивый, недооцененный бунтарь-одиночка, а я – симпатичный парень, который пользуется большой популярностью у разных классных малышек. А по большому счету, я на девятьсот уровней выше.

– Ну, это ты загнул, приятель…

Пукки кивнул.

– Не сомневайся!

– Ну, и как поживает твой сценарий?

Последнее время Пукки увлекся сочинительством и уже несколько месяцев писал сценарий сериала для полицейского шоу. Он ни разу в жизни никого не играл, никогда не участвовал в шоу-бизнесе, но это его ни капельки не останавливало. За все дела он брался с таким же напором, с каким принимался за еду.

Пукки пожал плечами.

– Так себе. Я думал, что драма про копов пойдет как по маслу. Оказывается, нет. Но не волнуйся, я все подчищу и вылижу, так что получится как надо!

– Название-то хоть придумал для своего шоу?

– Естественно! *Полуночная стража*. Как тебе? Ласкает слух, не правда ли?

– Как неудавшиеся суши, – поморщился Брайан. – *Полуночная стража?* Неужели так и называется?

– Да, ведь в нем персонажи – это такие же копы, как мы с тобой, и они работают в ночную смену, и еще…

– Да я все понял, Пукс. Название как название. Только скучно как-то и банально.

– А ты хотел бы развлечься?!

Пукки резко отвернул, нарочно подрезав «Тойоту Приус» в соседнем ряду.

– Пукс, тебе никто не говорил, что ты дерьмово водишь машину?

– Я уже слышал об этом, Брай-Брай. Хотя я все-таки придерживаюсь собственной теории о том, что придуркам вообще не по зубам сдать экзамен на водительские права.

Когда сигнал светофора поменялся с желтого на красный, он надавил на газ.

– Не бери в голову, ведь я у Бога в любимчиках.

– То есть ты хочешь сказать, что твой воображаемый небесный папочка убережет тебя от неприятностей?

– Вот именно, – ответил Пукки. – Я ведь один из избранных. Правда, если с нами произойдет несчастье, я не могу сказать, что то же самое он сможет сделать и для тебя. Ведь вы, атеисты, расположены на несколько уровней ниже…

Пукки неожиданно сбросил скорость и свернул на О’Фаррелл. Они вообще-то собирались начать свой день на Брайант, 850, в родном отделении полиции. А вместо этого проехали по Ван-Несс еще четыре квартала.

– Куда это мы направляемся?

– Утром здесь обнаружили тело, – объяснил Пукки. – Номер пятьсот тридцать семь, Джоунс-стрит. Похоже, предстоит непростая работа. Помнишь типа по имени Пол Мэлоуни?

– Хм… Кажется, что-то знакомое, но никак не могу вспомнить.

– Ну, хорошо, а как насчет *отца* Пола Мэлоуни?

– Ты серьезно?! Тот, которого осудили за растление малолетних?

Пукки кивнул.

– Ну, осужденный за растление – слишком мягко звучит для такого парня. То есть *звучало*. Вчера вечером он был убит. И лучше называть вещи своими именами: он был самым настоящим насильником.

Сан-Франциско тоже не избежал волны обвинений, обрушившихся на католическую церковь. Сначала Мэлоуни попал в поле зрения, когда помогал отвести обвинения, предъявленные другим священникам, вина которых представлялась вполне очевидной. Появлялось все больше взрослых, которые рассказывали о том, что произошло с ними в детстве. Причины странных поступков Пола Мэлоуни потихоньку стали ясны; он не только защищал педофилов, но и сам оказался одним из них. В результате начатых расследований догадки подтвердились, и Мэлоуни наконец лишили духовного сана…

Брайана, в принципе, не удивило, что кто-то прикончил этого человека. В любом случае это, конечно, не выход, но происшествие явно никого не шокировало.

– Минуточку, – спросил Брайан. – А точное время смерти известно?

– Лишь приблизительно: три или четыре часа утра.

– Так почему же нас не вызвали сразу?!

– Мне тоже хотелось бы об этом узнать, – ответил Пукки. – Нас временно переводят на дневные дежурства и все такое, но убийство Мэлоуни не менее громкое, чем убийство Абламовича. Пресса уже занимается коллективным онанизмом по этому поводу.

– *Коллективный онанизм* – не самая лучшая метафора, дружище…

– Жаль, мистер Щепетильность, – усмехнулся Пукки. – Ладно, воздержусь от сексуальных инсинуаций.

– И кому же досталось это дело?

– Ричу Верде. Кому же еще?

Брайан понимающе кивнул. Неудивительно, что Пукки хотел поскорее добраться до места преступления.

– Полиэстер Рич… Замечательно. Твой любимец.

– Просто обожаю его!

– Итак, мы направляемся к месту преступления, к которому не имеем никакого отношения, чтобы стать занозой в заднице у Верде.

– Ты поразительно догадлив, – сказал Пукки. – Ты должен был стать именно копом. Кем же еще?

Итак, их ждет сцена убийства, причем в дневном свете. Это могло создать неловкую ситуацию, которой Брайан отчаянно хотел избежать.

– А известно, кто назначен туда судмедэкспертом?

– Понятия не имею, – сказал Пукки и прищурился. – Но ты же не сможешь все время избегать этой девчонки, Брайан. Она – судебный медик, а ты коп из отдела по расследованию убийств. Подобные вещи идут бок о бок, это как арахисовое масло и шоколад. Лишь по какому-то невероятному стечению обстоятельств она за полгода ни разу не попалась нам на глаза. Сейчас, возможно, нам все-таки повезет, и над очередным трупом мы увидим милое личико Робин Хадсон.

Брайан покачал головой, прежде чем понял, что делает.

– Я не назвал бы это *везением*.

– Но тебе все же стоило бы ей позвонить.

– А тебе, приятель, лучше не лезть не в свое дело, – отмахнулся Брайан. Ему не хотелось думать о Робин. Пора было сменить тему разговора. – Верде все еще работает с Бобби Пидженом?

– Да, они напарники. К сожалению, это *было бы* симпатичным сочетанием для полицейского шоу. Но Верде – довольно мерзкий тип, к тому же, кажется, балуется наркотиками. А подобные персонажи – не для вечерних драм про полицейских.

Пукки повернул налево на Джоунс-стрит. Эта часть города представляла собой мешанину зданий высотой от двух до пяти-шести этажей, с наклонными эркерами. Построены они были в 1930-е или 1940-е годы. Примерно в половине квартала от них Брайан заметил три черно-белые патрульные машины, частично перегородившие дорогу. Пукки опустил стекло, вытянул руку и поместил на крышу «Бьюика» портативную «мигалку». Подъехав поближе, он припарковался рядом с ближайшим полицейским автомобилем, полностью перегородив движение, и проворчал, выходя из машины:

– Дело должны были передать нам. Особенно если здесь опять замешаны чертовы мстители.

– Знаю, знаю, – сказал Брайан. – Верховенство закона и все такое прочее.

Дом номер 537 по Джоунс-стрит представлял собой двухэтажное здание, зажатое в промежутке между многоуровневым гаражом и пятиэтажным многоквартирным комплек-

сом. Половину дома занимала слесарная мастерская, а другую половину – почтовое отделение.

Внутри здания Брайан заметил какое-то движение. Наверху кто-то ходил.

Пукки перехватил его взгляд.

– Что, на *крыше*? – спросил он.

Брайан кивнул.

– С каждой секундой дело становится все интереснее.

Порыв ветра донес до Брайана какой-то странный запах. Через мгновение он улетучился.

Они нырнули под полицейскую ленту. Чанга копы встречали улыбками и дружно кивали Брайану. Пукки приветственно махал каждому из них, называя по имени. Брайан помнил только лица, а вот имена у него в голове надолго не задерживались.

Они вошли в здание, быстро отыскали лестницу, поднялись наверх и вышли на плоскую крышу, местами заляпанную светло-серой грязью. Утренний бриз обдувал их сзади, подхватывая полы одежды. Около трупа стояли Рич Верде и Бобби Пиджен[2] по прозвищу «Орнитолог».

К счастью, судмедэкспертом оказалась не горячая азиатская красотка с длинными темными волосами, закрученными в тугой клубок. Это был седой мужчина, который двигался с подчеркнутой медлительностью, характерной для своего возраста. Опустившись на корточки, он внимательно осматривал тело погибшего.

Светлые крыши служили не слишком удачным дополнением к разбрызганной повсюду крови. Длинные коричневые подтеки, капли и полосы на сером фоне рубероидной кровли создавали душещипательную картину в стиле абстрактного экспрессионизма Джексона Поллока.

Тело было странно изогнуто и лежало в неестественной позе. Ноги погибшего выглядели сломанными – и внизу, и в бедрах.

– Ничего себе, – выдохнул Брайан. – У кого-то, видимо, был большой зуб на этого парня.

Лоуренс Чанг надел огромные солнцезащитные очки и откинул назад густые темные волосы. Он начал так делать с тех пор, как приступил к своему полицейскому сценарию. Из Голливуда, правда, никто так и не позвонил, но Пукки Чанг не отчаивался и знал, что всегда готов к встрече с видным продюсером.

– Зуб на детского насильника, говоришь? Да ну тебя, в самом деле, Брай-Брай, лично я здесь никакой связи не улавливаю. А что это там, под штормовкой?

Пукки указал на место справо от трупа. Синяя непромокаемая полицейская куртка колыхалась от ветра, ее края удерживались на поверхности крыши липкой лентой. Из-под куртки ничего не выпирало, под ней явно не было места для чего-либо размером с тело или его часть.

Некоторые полоски высохшей коричневой жидкости вели прямо к этому месту. Порывом ветра край куртки немного приподняло и завернуло. Словно в танце с веерами, Брайан на мгновение заметил, как под курткой что-то блеснуло. Какой-то непонятный рисунок… Или он ошибался?

– Эй, – позвал его Пукки. – А судмедэкспертом сегодня случайно не старик Метц?

Брайан кивнул сразу же, как только Пукки назвал имя.

– Да, это Серебряный Орел. За последние пять лет я впервые вижу его за пределами департамента.

---

[2] *Pigeon* (*англ.*) – голубь.

– Вот это-то меня и бесит, – раздраженно сказал Пукки. – То есть даже больше, чем раньше. Известно ли тебе, что Метц был консультантом во время съемок «Грязного Гарри»[3]? Его знают в Голливуде. И такому, как Верде, удается с ним работать? Хитрый жук…

Метц носил синий форменный пиджак – с золотистой тесьмой вокруг манжет и двумя рядами начищенных до блеска медных пуговиц. Большинство специалистов из отдела судебно-медицинской экспертизы надевали на выезды обыкновенные ветровки, но только не Метц. Он все еще чтил служебный дресс-код, принятый в ведомстве много лет назад.

Старик Метц возглавлял отдел судебно-медицинской экспертизы без малого тридцать лет и успел стать легендой. Когда он входил в зал суда, адвокаты обеих сторон дружно вздрагивали. Любого из них Метц мог поставить в неловкое положение. Он стал автором нескольких учебников. С ним консультировались самые видные авторы детективных романов. Правда, некоторых вещей Метц уже давно *не* делал. Например, давно не выезжал лично на место преступления. Ему ведь уже было далеко за шестьдесят. Даже у великих имеются какие-то рамки…

– Ей-богу, обхохочешься, – сказал Пукки. – Тебе приходилось видеть Метца в зале суда? Он – само хладнокровие. И он – единственный, у кого прозвище все-таки лучше, чем у тебя.

Некоторые люди в отделе называли Брайана «Терминатором».

– Но я ведь жалкая половина Шварценеггера и нисколько на него не похож, – оправдывался он.

– Дело не во внешности, придурок, а в том, что ты убиваешь людей, – объяснял ему Пукки. – И плюс к этому эмоциональная реакция использованной батарейки «Дюраселл». Не будь таким щепетильным. Люди говорят так только потому, что уважают тебя.

Пукки действительно так думал. Он смотрел на мир через розовые очки и, наверное, не слышал тот снисходительный тон, с которым люди произносили это прозвище. Некоторые парни в отделе считали, что Брайан слишком агрессивен и легкомыслен в обращении с оружием. Что он из разряда тех полицейских, которые стреляют сразу, без разбора, а не используют табельное оружие как последнее средство утихомирить преступника.

– Только ты, пожалуйста, эту кличку ко мне не применяй, ладно?

Пукки пожал плечами.

– Хорошо, вкалывай себе дальше, как Метц, стань седым, и, может быть, тебя тоже начнут называть Серебряным Орлом вместо него. Но только сдается мне, что его хваленая седина – не от того, что он пашет как лошадь. Я подозреваю, дело тут в правильном выборе шампуня, который помогает ему сохранять нужный имидж.

В этот момент Метц оторвал взгляд от трупа. На долю секунды он уставился на Брайана и Пукки, коротко кивнул – и снова вернулся к своей работе.

– Как же все-таки он спокоен, – с восхищением проговорил Пукки. – Хотел бы и я быть таким невозмутимым, когда мне стукнет столько же. Только мне кажется, что в семьдесят лет я буду с трудом натягивать на себя штаны и пускать слюни.

– У каждого в жизни должна быть какая-то цель, Пукс, – сказал Брайан. – Ладно. Давай ближе к делу. Что же, черт возьми, скрыто там, под курткой?

В этот момент Рич Верде отошел от трупа и встретился взглядом с Брайаном и Лоуренсом. И тут же сокрушенно покачал головой. То, что он тихо произнес, было нетрудно разобрать по его губам: *опять здесь эти олухи*.

Пукки весело помахал ему рукой:

– Доброе утро, Рич! Неплохой сегодня выдался денек, не так ли?

Рич направился к ним. Орнитолог последовал за ним, медленно покачивая головой и закатывая глаза.

---

[3] «*Грязный Гарри*» – культовый «полицейский» фильм с Клинтом Иствудом в главной роли (1971).

Более странную парочку копов было трудно себе представить. Ричу Верде перевалило за шестьдесят. Когда Брайан и Пукки еще писались в пеленки, он уже держал нос по ветру и выслеживал бандитов. Верде по-прежнему носил дешевые костюмы из полиэстера, которые были в моде, когда в свои тридцать лет он впервые застрелил человека. Его мерзкие тонкие усики так и кричали всем, что их обладатель – редкая сволочь. Орнитолог всего несколько недель назад был переведен к нему в напарники из отдела нравов. Со своей жидкой коричневой бородкой, в коричневой вязаной шапочке, джинсах и коричневом пиджаке от «Кархартт» он скорее походил на человека, которого вот-вот арестуют, а не на полицейского.

Верде подошел к Пукки так близко, что они едва не соприкоснулись носами.

– Чанг, – сказал Верде, – какого *черта* вы, два придурка, здесь делаете?

Пукки улыбнулся, сунул руку в карман и вытащил оттуда маленький пластиковый пакет.

– Хочешь «Тик-Так»?

Глаза Верде сузились.

Пукки наклонился влево и кивнул в сторону Бобби.

– Эй, как дела, Орнитолог?

– Не жалуюсь, – криво улыбнувшись, ответил Пиджен. Одна из его золотых коронок сверкнула в лучах утреннего солнца.

– Бобби, придержи язык, – рявкнул Верде. – Клаузер, Чанг, ну-ка живо уносите отсюда свои задницы!

Пукки рассмеялся.

– И этим ртом ты целуешь свою жену?

– Естественно, – ответил Верде. – И еще причмокиваю. Ты свои шуточки брось, я ведь тебе в отцы гожусь.

– Если так, то я благодарю Бога, что хронический галитоз не передается по наследству. – Пукки наклонился вправо и выглянул через плечо Верде. – Вижу, Серебряный Орел тоже вышел на тропу войны. Это хорошо, Рич. Это значит, что когда возьмемся за дело мы с Брайаном, то все будет в лучшем виде.

Верде указал на выход с крыши:

– Исчезни!

Ветер изменил направление, и вокруг запахло… мочой.

Мочой… и чем-то еще…

– Отлично, – сказал Пукки и принюхался. – Кто-то, видно, забыл поменять нижнее белье, ребята?

Орнитолог кивнул в сторону трупа.

– Наверное, описался, бедняга.

– Закрой пасть, Бобби! – рявкнул на него Верде.

Пиджен развел руками и отправился обратно к телу Пола Мэлоуни и склонившемуся над ним Метцу.

– Эй, – насторожился Брайан. – А вы чувствуете запах? Не моча… это что-то другое…

Пукки и Верде дружно зафыркали, задумались ненадолго, затем покачали головами.

Ну неужели они не могут понять, что это совсем другой запах!

Пукки снова предложил Верде «Тик-Так». Тот лишь сердито хмыкнул в ответ.

Пукки пожал плечами и убрал пакетик.

– Послушай, Полиэстер, сделай одолжение, заканчивай поскорее с отчетом, ладно? Как только шеф увидит имя убитого, дело сразу же передадут нам. А нам не хотелось бы потом дергать вас понапрасну, если вдруг не будет хватать какой-то информации.

Верде улыбнулся и покачал головой.

– На этот раз не выйдет, Чанг. Зоу специально прикрепила нас к этому делу. И на твоем месте я бы не совал сюда свой длинный нос.

Вездесущая снисходительная усмешка ненадолго исчезла с лица Пукки. Он пристально следил за Верде, стараясь понять, говорит тот правду или блефует.

Крыша вдруг задвигалась; Брайан покачнулся влево, пытаясь сохранить равновесие. Пукки удержал его и помог прийти в себя.

– Брай-Брай, с тобой все в порядке?

Брайан заморгал, потом протер глаза.

– В общем, да. Голова что-то закружилась.

Верде усмехнулся.

– Хочешь небольшой совет, Терминатор? Не пей спиртного до окончания смены.

С этими словами он повернулся и двинулся обратно к трупу. Брайан провожал его взглядом.

– Терпеть не могу эту кличку.

– Она звучит забавно только из моих уст, – сказал Пукки. – Брай-Брай, я хочу публично заявить, что недоволен подобным распределением кадров.

– Так решила Зоу, – вздохнул Брайан. – Ты же знаешь, что, хочешь не хочешь, нам придется принять его.

Пукки отказывался понимать такие вещи. Он все равно собирался лезть в это дело, что бы по этому поводу ни думал Брайан.

– Пошли, – сказал тот. – Нам нужно в управление.

Пукки поправил темные очки и пригладил волосы.

– Я в полном порядке, Брай-Брай. Вот только не могу наверняка сказать, кто же из них обоссался.

Брайан начал спускаться первым, но непонятный запах до сих пор не давал ему покоя. На всякий случай он крепко держался за металлические перила.

Утренние новости

Рекса Депровдечука разбудил монотонный гул будильника. Ему приснился отличный сон, от которого на душе стало легко и свободно. Он попытался уцепиться за него, сохранить в памяти, но все куда-то пропало. Приятные ощущения исчезли, на смену им пришла знакомая боль по всему телу. Особенно в области груди.

Рексу нездоровилось. И хотелось спать. Вообще-то, желание прилечь в течение дня не таило в себе ничего сверхъестественного – его обычно тянуло в сон на втором часу занятий по тригонометрии, – но сейчас все было по-другому. Боли длились уже много дней. Мать не разрешила ему оставаться дома. Ему стоило больших усилий заставить себя выбраться из постели. Он высморкался в засохший носовой платок «Клинекс», который уже использовал прошлой ночью, после чего, едва волоча ноги, перебрался из крошечной спальни в гостиную.

Коридор был длинный, слева – глухая стена, справа – пять дверей. На стене висели старые фотографии в рамочках – еще из тех времен, о которых Рекс помнил с трудом. Это были снимки его папы, самого Рекса, когда он и в самом деле был маленьким, даже снимки улыбающейся мамы. Он радовался, что у него есть эти фото, потому что никогда вживую не видел ее улыбки…

Рекс зашел в туалетную комнату. Помещение казалось лишь немногим больше самого унитаза. Нет, это была не *ванная* с унитазом, потому что здесь располагались только унитаз и небольшая раковина. В следующей комнате уже находилась ванна, но не было унитаза, так что Рекс называл ее душевой.

Голос диктора из телевизора заставил его остановиться. Не сам голос, а имя, которое произнес этот голос, – имя из почти забытого сна Рекса и его незабываемого прошлого. Он вытер рукой нос, развернулся и пошел по коридору, направляясь мимо душевой к гостиной.

И тихо вошел в гостиную, где в кресле перед телевизором сидела его мать, Роберта.

Рекс стоял, ожидая, пока снова услышит имя, потому что совсем недавно оно приснилось ему. Не только имя, но и сам человек, носивший его. И как раз вчера вечером, ложась в постель, он четко представил себе этого человека… нет, должно быть, он ослышался и диктор произнес чье-то другое имя.

Но он все-таки не ослышался.

– …Мэлоуни долгое время служил священником в соборе Успения Пресвятой Девы Марии в Сан-Франциско, пока не был уличен в скандале о сексуальных домогательствах и смещен со своего поста. Мэлоуни отсидел год в тюрьме и находился на испытательном сроке. На утренней пресс-конференции начальник департамента полиции Сан-Франциско Эми Зоу сообщила, что ее сотрудники собирают информацию по убийству Мэлоуни и делать сейчас какие-либо предположения о мотивах убийцы слишком преждевременно.

– Отец Мэлоуни убит?

Рекс произнес это не задумываясь. Если б он сказал это про себя, то смог бы спокойно повернуться и уйти.

Роберта обернулась и, оперевшись о подлокотник кресла, впилась в него взглядом. Свет от телевизора тускло освещал ее рябое лицо. Тощими пальцами она сжимала дымящуюся сигарету.

– Что ты делаешь рядом с телевизором?

– Гм, я лишь… услышал имя отца Мэлоуни, – робко ответил Рекс.

Роберта искоса смотрела на него. Она делала так всегда, когда о чем-нибудь задумывалась. Потом едва заметно кивнула.

– Помню-помню ту ложь, которую ты рассказывал о нем, – проговорила она. – Грязную, *отвратительную* ложь.

Рекс стоял неподвижно, мысленно спрашивая себя, возьмет ли мать в руки ремень.

– Иди и учи уроки, – сказала она. – Ты вообще слышишь, что я с тобой разговариваю?

– Да, Роберта.

Ей не нравилось, когда он называл ее *мамой* или *матерью*. Когда Рекс был совсем маленьким, то обращался к ней именно так, но в какой-то момент после смерти отца она запретила ему это делать.

Рекс быстро вышел из гостиной, не дожидаясь, пока Роберта передумает, и быстро убежал в спальню. В его комнате находились кровать, небольшой телевизор с видеоприставкой, комод с зеркалом и маленький стол с табуретом. Именно эти вещи и определяли его нынешнее существование. Он быстро оделся, схватил рюкзак, не забыв поднять с пола тетрадь по английскому. Для душа времени не осталось; нужно было выйти из дома до того, как Роберта придумает очередную причину разозлиться на сына. Рекс надеялся, что от него не воняет: какой-то придурок регулярно, каждый вечер, мочился под окном Рекса. Хотя какая разница, ведь иногда Роберта вообще не разрешала ему принимать душ…

Прежде чем покинуть квартиру, Рекс взял со стола рисунок, который сделал вчера вечером. На рисунке был тоже Рекс, но уже выросший, повзрослевший, с развитыми мускулами и большой грудью; он держал отца Мэлоуни за ногу. Теперь отец Мэлоуни мертв. Рисунок выглядел забавным. Забавным и *неправильным*.

Рекс сунул рисунок в ящик стола. Закрыв его, убедился, чтобы из ящика ничего не торчало.

Пора отправляться в школу. Рекс мысленно молил Бога о том, чтобы тот уберег его от встречи с задирами из «Бой-Ко».

Отец Пол Мэлоуни умер, и это было потрясающе. Возможно, на этот раз Рексу удастся благополучно, без пинков, добраться до школы, а значит, и весь день пройдет намного лучше.

Дела семейные

Здание суда Сан-Франциско занимает без малого два городских квартала. В длинном семиэтажном сером здании, расположенном по адресу Брайант-стрит, 850, размещается большинство подразделений полицейского управления Сан-Франциско – отдел по борьбе с бандитизмом, отдел по расследованию убийств, отдел по борьбе с наркотиками/нравов, отдел по борьбе с мошенничеством, оперативный отдел и, конечно, администрация. Отдел спецназа и розыска пропавших размещаются в других местах города, но, по большому счету, все, что так или иначе связано с деятельностью полиции, происходит именно здесь.

Брайан выложил оружие и ключи на ленточный конвейер, затем прошел через стойки металлодетектора. Он узнал пожилого человека в мундире на противоположном конце конвейера. Узнал по лицу – с именами у Брайана в голове была просто каша.

– Клаузер, – кивнул ему седовласый полицейский.

Брайан кивнул в ответ, после чего забрал с конвейера свои вещи. Следующим шел Пукки.

– Чанг, – приветствовал его полицейский.

– Привет, Лоренс, – улыбнулся Пукки. – Как искусственное бедро, сильно тебя донимает?

– Есть подозрение, что разболтались винты на шарнире, – ответил пожилой полицейский. – При каждом шаге такие ощущения, как будто кто-то ковыряется в бедре ножом.

– Ужас, – поддакнул Пукки, сочувственно качая головой. – Не пробовал подать на иск на этих горе-врачей?

– Да ну их к черту! – сказал Лоренс. – Я лишь хочу, чтобы все наладили как следует, и всё. Ходить трудно.

Пукки похлопал старого полицейского по плечу.

– Ты слишком добрый. Смотри, если передумаешь, сразу же брякни мне. У меня на примете есть парочка отличных адвокатов… Да, ведь у твоей дочери годовщина. Передай Маргарет, что я искренне поздравляю ее с… сколько ей, двадцать три?

Суровое лицо Лоренса расплылось в улыбке, которая продержалась несколько секунд, пока он не повернулся к следующему посетителю.

Брайан и Пукки направились к лифтам.

– Тебя нужно отправить на телевикторину «Рискуй»[4], – удивлялся Брайан. – Как, черт возьми, ты умудряешься столько всего запомнить?

Пукки нажал кнопку вызова лифта, после чего пожал плечами.

– Не все же такие замкнутые и необщительные личности, как ты, мой маленький приятель в черном.

* * *

Тедди Абламович был одной из видных финансовых фигур города. Многолетний спонсор местных оперы, балета и благотворительных учреждений для сексуальных меньшинств, Абламович был известным филантропом и имел немалый вес в Сан-Франциско.

Кроме того, он занимался отмыванием денег. Его убийство – и одновременное исчезновение жены – всколыхнули все сообщество организованной преступности.

---

[4] *«Jeopardy!»* – телевикторина «Рискуй!». Заключается в отгадывании вопроса к данному ответу и требует от участников высокой эрудиции. Идет с 1974 г. как синдицированная передача. Создатель – М. Гриффин. На российском телевидении выходит под названием «Своя игра».

Брайан и Пукки шли в конференц-зал на утреннее совещание. Их коллеги по отделу уже были на месте. Поскольку отмывание денег относилось к сфере финансовых преступлений, в группу расследования вошел также Кристофер Кирни из отдела экономических преступлений. Кирни был неплохим парнем, но за ним водился один маленький грешок. Он постоянно надевал жилеты и походил на выпускника Лиги плюща[5], но при этом настаивал на том, чтобы все называли его *Кристофером*. Стоит ли удивляться, что его называли просто Крисом.

Расследование подобного масштаба также требовало участия представителя окружного прокурора, поэтому здесь присутствовала его помощник, Дженнифер Уиллс. Пока никому никаких обвинений не предъявили – поскольку не было даже ни одного подозреваемого. Поэтому Уиллс находилась здесь просто так, чтобы не упускать из виду расследование. В основном она отмалчивалась и вмешивалась лишь тогда, когда чувствовала, что совместные планируемые действия могут спугнуть потенциального преступника.

Главную роль здесь взял на себя отдел по расследованию убийств. Всю практическую работу вели инспекторы Стивен Кенинг и Стив Бойд – также известные как Братья Стивы. Спокойный и подтянутый Кенинг всегда был готов броситься в самое пекло. Бойд, полная его противоположность, казалось, не обращал внимания на тот факт, что своим видом производит весьма отталкивающее впечатление: он был вечно потный, неопрятный и чем-то озабоченный.

Вел совещание Шон Робертсон, заместитель начальника полицейского управления Сан-Франциско. Брайану он нравился. Робертсон проводил жесткую линию, но при этом был справедлив и не злоупотреблял властью. Все прочили Робертсона в будущие шефы. Зоу ведь уже было под шестьдесят. Еще пять или шесть лет, и полновластным хозяином всего управления полиции мог стать Робертсон.

Всех присутствующих Брайан уже не раз видел раньше. Сегодня, однако, он заметил в толпе новое лицо. Это был парень в костюме-тройке, который беседовал о чем-то с Робертсоном. Брайан пихнул Пукки в бок.

– Пукс, посмотри-ка: новенький костюмчик! Из федералов?

Тот взглянул на незнакомца и коротко кивнул.

– Да, скорее всего, но тертым калачом его назвать нельзя. Видимо, кто-то из отдела налоговых преступлений… Минутку, Брай-Брай, папочка должен позаботиться о предстоящем свидании.

Пукки изобразил на лице свою лучшую улыбку и подошел к Уиллс, единственной даме в этом зале. Та, воспользовавшись суетой перед началом совещания, не спеша перелистывала плотно исписанный блокнот.

– Джен-Джен, – мягким голосом проговорил Чанг. – Ты, как всегда, элегантна. Классный прикид!

Уиллс не удосужилась даже повернуть к нему голову.

– Я не твой типаж, Чанг. Но верно подмечено – прикид, действительно, совсем новый.

– Конечно, так и есть. Разве можно быстро забыть такую очаровашку? И обувь ты подбирать тоже умеешь, она выгодно почеркивает твой наряд… А почему это я не твой типаж?

Дженнифер подняла голову, смахнула светлые волосы с лица, затем подняла левую руку и покрутила у него перед носом.

– Видишь? Здесь нет обручального кольца. Ходят слухи, что тебе нравятся только замужние дамы.

Пукки отпрянул назад, приложив руку к груди.

---

[5] *Лига плюща* – ассоциация восьми частных американских университетов с высоким статусом, расположенных в семи штатах на северо-востоке США. Считается, что члены лиги отличаются высоким качеством образования.

– Помощник окружного прокурора Уиллс, я обижен и оскорблен вашими инсинуациями на тему того, что я потакаю супружеской неверности.

Она вновь склонилась над своим блокнотом. Пукки вернулся к Брайану.

– Душевно, – отметил тот.

– Сексуальный стресс, – задумчиво произнес Чанг. – Жизненно важный элемент любой хорошей полицейской драмы, – он похлопал себя по лбу. – Все это хранится здесь и когда-нибудь будет разыграно в моих блестящих сценариях.

К Брайану и Пукки подошел Стив Бойд. В левой руке он держал кружку с кофе. Если верхняя губа Полиэстера Рича делала его похожим на кинозлодея 1950-х, длинные свисающие усы Бойда были настолько густыми, что во время разговора движения губ казались почти неразличимыми.

– Клаузер, Чанг, – приветствовал их Бойд, слегка наклонив голову. – Ходят слухи, что новое дельце выведет нас на крупную дичь.

Пукки вздохнул.

– Я смотрю, ты опять насмотрелся гангстерских боевиков из «Американ муви классикс»[6]?

– Не упустите свой шанс, – сказал он. – Надеюсь, там что-то проклевывается. Мы провели обыски у всех клиентов Абламовича, и везде – полный голяк.

Робертсон хлопнул несколько раз в ладоши, чтобы привлечь всеобщее внимание.

– Давайте начинать, – сказал он.

Толстые каштановые волосы Робертсона недавно стали седеть на висках, и этот новый цвет хорошо сочетался с его очками. Он всегда выглядел несколько «взъерошенным»: его нельзя было назвать ни неряшливым, ни чересчур опрятным. Голубой галстук и еще более голубая рубашка уже не могли скрыть растущий живот. Вот что с человеком делает работа…

– Поскорее закончим с этим, – сказал он. – Хочу вам представить агента Тони Трайена из ФБР.

Человек в «тройке» широко улыбнулся.

– Доброе утро. Я пришел сюда потому, что пять лет следил за Фрэнком Ланцой.

Бойд рассмеялся.

– *Ланцой*? Это как в фильме «Клан Ланца из давно минувших дней»?

Агент ФБР кивнул.

Крис Кирни скрестил руки на груди и впился взглядом в агента ФБР. Брайан подумал, что Кирни не доверяет этому человеку или просто завидует его прекрасному костюму.

– Этой банды не существует здесь с тех пор, как умер Джимми Шляпа, – сказал Кирни. – Их вытеснили китайцы и русские.

Дженнифер постучала ручкой по столу.

– Минуточку, – вмешалась она. – Вы говорите «Шляпа»? Так называлась его банда? Не слишком страшное название, не правда ли?

Трайен улыбнулся ей. Она улыбнулась в ответ. Брайан успел заметить, как нахмурился Пукки, перехватив взгляд агента ФБР.

– Джеймс Ланца умел запугать людей, – сказал Трайен. – Он почти сорок лет возглавлял итальянских мафиози в Сан-Франциско. А основал местную «коза-ностру» его папаша, Франческо. Еще во времена «сухого закона».

Трайен поднял со стола папку и подошел к пробковой информационной доске. Он вытащил черно-белые фотографии и начал прикреплять их. На главном снимке был человек чуть старше сорока лет, с короткими темными волосами, аккуратно зачесанными налево.

---

[6] *«Американ муви классикс»* (Эй-эм-си) – кабельная телесеть, специализирующаяся на показе классических голливудских фильмов. Была создана в 1984 г.

Брайан подумал, что даже на фотографиях этот человек выглядит самодовольным и снисходительным.

Трайен похлопал пальцем по фотографии.

– Франческо Джозеф Ланца, или просто Фрэнк. Сын Джимми Шляпы, внук первого Франческо. Многие годы мы знали о том, что Фрэнк собирался прибрать к рукам Сан-Франциско. Похоже, теперь он этого добился. По всей видимости, он околачивается здесь уже с полгода или дольше.

– Ерунда, – перебил его Бойд. – Мы бы узнали, если б негодяй появился в городе.

Трайен покачал головой.

– Как и его отец, Фрэнк старается не привлекать к себе внимания. Он ведь сюда явился не ради супа из моллюсков, если вы понимаете, что я имею в виду.

Агент ФБР улыбнулся остальным полицейским, как будто ожидая, что те посмеются над его шуткой. Но никто не засмеялся. Улыбка растворилась. Он пожал плечами.

– Так или иначе, Фрэнк Ланца находится здесь около шести месяцев. Он привез с собой несколько крутых парней, – Трайен указал на фотографии, расположенные ниже снимка Ланцы. – Большой бритоголовый парень – Тони Гиллум по кличке «Четыре Яйца», правая рука и телохранитель Фрэнка. Парень со сломанным носом в центре – Паули Капризе по кличке «Топор». А вот это Томми «Малыш» Козимо. И не в последнюю очередь – кстати, именно по этой причине я нахожусь здесь, – он похлопал по четвертому снимку, – это джентльмен с сонными глазами, Пит Голдблюм по кличке «Гребаный Еврей».

Пукки поднял руку:

– Прозвище этого парня – *Гребаный Еврей*?

– По крайней мере, это лучше, чем *Шляпа*, – вставила Дженнифер.

– Голдблюм – личность крайне неприятная, – сказал Трайен. – Если за убийством Абламовича стоит Ланца, можете быть уверены: без Голдблюма здесь не обошлось.

– Но почему именно Абламович? – спросил Пукки. – Убрать *бухгалтера*? Но кто такой бухгалтер, если вдуматься? Дерьмо, мелкая сошка. Без обид, Крис.

– Меня зовут Кристофер, – подчеркнул Кирни.

Пукки шлепнул себя по лбу ладонью:

– Ай, да! Черт! Прости.

Кирни посмотрел на Пукки, затем средним пальцем принялся тереть себе левый глаз. Пукки рассмеялся.

– Этот, как ты говоришь, *бухгалтер* управлял потоком наличности для нескольких крупных преступных организаций, – пояснил Кирни. – Абламович работал на одесскую мафию, триаду «Ва-Чин» и на Джонни Йи из банды «Шуай синся тон». Не так давно Абламович переводил огромные суммы на счета Фернандо Родригеса, главаря калифорнийских «Нортеньос».

Все эти группировки представляли собой серьезную опасность, но Брайану как сотруднику отдела убийств приходилось чаще сталкиваться с представителями последней – «Нортеньос». Долгие десятилетия эта банда почти все силы тратила на борьбу со своим главным конкурентом – «Сурьеньос». Однако, имея такого главаря, как Фернандо, «Нортеньос» существенно активизировались. Фернандо славился не только хитростью, но и смелостью – он мог нанести неожиданный удар в любом месте и в любое время.

– Абламович управлял деньгами, – сказал Кирни. – Если кому-то хотелось провернуть сделку с наличностью в Сан-Франциско, то он в этом смысле был хорошей стартовой площадкой.

Трайен снова указал на снимок Фрэнка Ланцы.

– Возможно, Ланца предложил Абламовичу какое-то крупное дело. А тот отказался.

Робертсон встал и поправил галстук.

– Спасибо, агент Трайен. Вы помогли нам лучше представить общую картину. У Трайена есть копии этих фотографий. Вам всем их раздадут. Кроме того, он любезно согласился передать нам адреса проживания, притонов и мест, где чаще всего ошиваются люди Фрэнка Ланцы. Братья Стивы, попытайтесь поговорить с Паули Капризе и Малышом Козимо. Клаузер и Чанг, а вы разыщите Голдблюма и тоже попробуйте вытянуть из него все, что можно.

Все дружно начали собирать вещи и покидать помещение, но Пукки явно не торопился. Брайан, заметив это, решил подождать и выяснить, что задумал его напарник.

– Эй, шеф, – сказал Чанг. – Есть минутка?

Робертсон кивнул, затем обменялся рукопожатием с агентом Трайеном. Тот вышел, оставив Робертсона наедине с Пукки и Брайаном.

– Что у тебя, Пукс? Какие-то соображения по поводу Ланцы?

– Нет, – ответил Чанг. – По поводу Пола Мэлоуни.

Робертсон кивнул и поправил очки на носу.

– Ах да, мне следовало об этом догадаться.

Брайан почувствовал, что в горле у него пересохло. Нужно было поскорее выпить хоть немного воды. Он надеялся, что скулеж его приятеля продлится недолго.

– Мы хотим забрать это дело себе, – сказал Пукки. – Отдайте его нам, шеф! Ведь парня завалили посреди ночи. В *нашу* смену.

Робертсон покачал головой.

– Никак не получится, парни. Этим делом уже занимается Рич Верде.

– Не поймите меня превратно, – не унимался Пукки. – Я ничего не имею против Рича. И мой дедушка мне тоже нравится. Он пускает слюни и гадит под себя. Нет, я, конечно, не провожу никаких аналогий, упаси боже…

Робертсон рассмеялся.

– То, что наш босс Зоу хочет прикрепить вас к делу Абламовича, наоборот, делает вам честь. Это своего рода дань уважения вашему опыту и способностям. Так что радуйтесь. А теперь отправляйтесь и поговорите с Голдблюмом. Раскопайте хоть что-нибудь. Вы же способные ребята!

С этими словами Робертсон вышел из конференц-зала.

Пукки покачал головой.

– Ты видел?! Тех, кто *должен* заниматься этим делом, намеренно держат от него подальше. Так ведь? Судебный медик, который полтора десятка лет не покидал свою лабораторию, вдруг выехал на место преступления и, стоя на корточках, с лупой в руках, старательно исследует каждый квадратный дюйм трупа… Странные здесь творятся вещи, Брай-Брай.

У Пукки, в целом, конечно, имелись основания для раздражения, но несколько *странностей* отнюдь не означали, что здесь плетется заговор. Иногда руководство принимает решения, которые вам не по душе, вот и все.

– Забудь об этом, – успокоил приятеля Брайан. – Пошли, и чем скорее мы отыщем Голдблюма, тем скорее нам вернут ночную смену.

Робин

Робин Хадсон поставила свой мотоцикл «Хонда» на Харриет-стрит – на парковке рядом с отделом судебно-медицинской экспертизы полицейского управления Сан-Франциско. Там уже стояло несколько мотоциклов, некоторые из них принадлежали ее коллегам. Парни предпочитали мотоциклы с двигателями объемом 1200 кубиков, у женщин были, главным образом, скутеры.

Спецфургон из морга уже находился в разгрузочном доке. Наверное, выдалась веселая ночь, подумала Робин. Она прошла мимо таблички с надписью: «ТОЛЬКО ДЛЯ МАШИН «СКОРОЙ ПОМОЩИ» и поднялась по эстакаде в отделение погрузки-разгрузки. Хадсон привыкла ежедневно приходить на работу тем же путем, каким это делали ее подчиненные, – через двери, в которые на тележках вкатывались тела погибших.

Робин с удивлением заметила, как из спецфургона не спеша вышел ее босс и направился к лестнице.

– Доктор Метц, здравствуйте! Как поживаете?

Метц остановился и посмотрел на нее. Потом, как всегда, коротко кивнул. Это было его фирменное приветствие.

– Доброе утро, Робин.

– Вы, что же, сами выезжали на место преступления?!

Когда она только начала здесь работать семь лет назад, Метц выезжал на вызовы по три-четыре раза в неделю – всякий раз, когда происходило громкое убийство или на теле погибшего обнаруживали что-нибудь необычное и интересное. Шли годы, и он стал выезжать все реже и реже. Сейчас Метц почти не покидал офис. Тем не менее он все еще руководил отделом, ожидая, что его подчиненные будут проявлять то же рвение и профессионализм, которые проявлял он сам на протяжении почти четырех десятков лет.

– Да, пришлось, – ответил шеф. – Сейчас сделаю рентген, затем несколько часов поработаю в лаборатории. И не хочу, чтобы мне мешали. Не возражаешь, если я попрошу тебя на это время заменить меня в отделе?

– Конечно, док, никаких проблем, – Робин попыталась сохранить свой голос нейтральным, хотя не могла не ощутить легкое волнение от его просьбы – это был еще один верный признак того, что он видел в ней свою преемницу. Ей предстояло еще многому научиться, чтобы как можно лучше зарекомендовать себя в его глазах, но все знали, что пост главного судебного медика, по сути, у нее в кармане. – Буду только рада.

– Спасибо. И еще мне понадобится этот аппарат… «РапСкан». Ты ведь уже научилась с ним обращаться, не так ли?

Робин кивнула. Прибор быстрого анализа ДНК явился настоящей революцией для органов правопорядка. Образцы ДНК обычно брались в морге, затем их отправляли по различным лабораториям для последующей обработки. В зависимости от анализа, для получения результатов могло понадобиться несколько недель – а иногда этот процесс растягивался на месяцы. Новые же портативные аппараты можно было брать с собой прямо на место происшествия и в считаные часы получать отпечаток ДНК. Прибор «РапСкан-2000» фирма-производитель вручила отделу судебно-медицинской экспертизы Сан-Франциско бесплатно – за признанные заслуги доктора Метца в этой области.

В свое время шеф просил, чтобы Робин освоила этот прибор. Обладая удивительными фукциональными возможностями, тот до сих пор поражал Робин своей компактностью, будучи по размерам не больше обыкновенного кожаного портфеля. Ввод и маркировка данных осуществлялись на встроенном сенсорном экране. На нем же отображались и резуль-

таты. Картриджи с образцами были размером со спичечный коробок, причем аппарат мог обрабатывать одновременно до четырех образцов.

– Это просто, – ответила она. – Вы же знаете, что прибор можно взять с собой на место происшествия. Он компактен и поместится в любом месте фургона. В этом-то и суть, док, – если вы активировали процесс, находясь на месте преступления, то уже сейчас, вероятно, он начнет выдавать результаты.

Метц на секунду задумался, затем медленно кивнул.

– Это было бы полезно. Позвони в фирму-производитель и скажи, что мне нужен второй прибор. Но только *после того, как* ты научишь меня им пользоваться.

– Естественно, доктор Метц.

Странно, почему он так спешит? Робин посмотрела на тележку, которую Метц только что выкатил из фургона. Белый похоронный мешок скрывал любые детали, хотя очертания трупа выглядели слегка неестественными. И еще она ощутила запах мочи. В том, что из трупа могло вытечь немного мочи, не было ничего необычного, однако какое-то время он пролежал где-то, потом был упакован в плотный мешок. Она не должна была почувствовать подобный запах через плотную ткань. Робин кивнула в сторону мешка с трупом:

– Что-нибудь интересное?

Метц смотрел на нее в течение нескольких секунд, как будто раздумывал, ответить ей или нет. Он заговорил на долю секунды раньше, чем возникшая пауза стала неловкой.

– Возможно. Увидим. Это дело… довольно деликатное. Возможно, я расскажу тебе об этом. И довольно скоро.

– Хорошо, босс, буду ждать с нетерпением.

– Да, кстати… Я видел твоего друга, когда был на выезде. Как поживает Брайан?

Улыбка с лица Робин исчезла.

– Мы с Брайаном… расстались.

Глаза Метца сделались печальными.

– Когда же это вы успели? Недавно?

– Уже полгода назад.

Он посмотрел на нее, затем отвернулся. Возникло неловкое молчание.

– Да-да, припоминаю. Ты уже говорила мне об этом раньше. Прости.

Не зная, что делать, Робин лишь кивнула. Метц медленно покатил тело в морг. Даже будучи в возрасте, он любил все делать сам.

Было тяжело осознавать, что этот человек потихоньку утрачивает былую память. А ведь это настоящая беда для него, человека, жизнь и профессиональная деятельность которого были напрямую связаны с интеллектуальной деятельностью, видеть первые признаки старости.

Робин прошла через приемный отсек, где трупы освобождались от одежды, взвешивались и фотографировались. Она вошла в офис, состоявший из десятка небольших серых кабинок, на фоне которых старый желтый ковер выглядел еще ярче. Повсюду были развешены распечатки и газетные вырезки из разделов криминальных новостей. Любая фотография, на которой красовался кто-нибудь из работников отдела судебно-медицинской экспертизы, немедленно признавалась ценным трофеем и вешалась на видное место.

Шлем и куртку Робин положила в шкаф, затем повторно связала в хвост свои длинные волосы, попутно бросив взгляд на настенную доску. Именно так в отделе судебно-медицинской экспертизы Сан-Франциско отслеживались вновь поступающие тела – не на компьютерах, а на зеленой классной доске размерами шесть футов высотой и три фута шириной. Доска была разделена на три секции три на три фута. В верхней части перечислялись происшествия за прошлую ночь; десять имен, небрежно нацарапанных мелом, возле каждого –

время поступления в морг, фамилия и имя назначенного судмедэксперта и особая отметка «ЕП» – в случае, если смерть произошла от *естественных причин*.

В нижней части отмечалась работа за текущий день. Были заполнены уже четыре строчки. Двое умерли от естественных причин, в то время как два других были помечены вопросительными знаками, что могло означать убийство.

Робин отыскала строчку, в которой в качестве судебного медика значилась фамилия ее босса, доктора Метца. Ей соответствовала фамилия погибшего – *Пол Мэлоуни*.

Робин тихо присвистнула от неожиданной догадки. Это же преподобный Пол Мэлоуни. Личное участие Метца предполагало, что преступлению присвоен высокий статус и оно взято под контроль свыше. Не потому ли она и встретила Метца у фургона? Скорее всего. И все же она чувствовала, что босс хотел сказать ей что-то еще, хотя под конец, наверное, решил, что она пока к этому не готова. Что это такое, оставалось лишь догадываться…

Так или иначе, пока не стоило забивать себе голову, поскольку, согласно записям на доске, Робин требовалось срочно заняться вновь поступившими трупами. *Джон Синглтон*, умерший от *естественных причин*, и *Мишель Куарри*, напротив которой красовался *вопросительный знак*.

«Траттория Контадина»

Пукки остановил свой «Бьюик» на Юнион-стрит, рядом с Вашингтон-Сквер-парк. Когда он вышел из автомобиля, то машинально похлопал себя руками в четырех местах: по левому карману штанов, куда положил ключи от машины; по правому карману штанов, чтобы проверить, там ли мобильник; по левой части груди – убедиться, что пистолет находится в плечевой кобуре; и по заднему правому карману штанов – туда он обычно клал бумажник. Все было на месте.

Брайан тоже вышел из машины и встал, опираясь на капот «Бьюика».

– Брай-Брай, что с тобой?

Тот пожал плечами.

– Кажется, чем-то заболеваю. Как-то нехорошо.

– Вот так дела! Ты же никогда ничем не болел, дружище.

Брайан поднял голову. На фоне косматых темно-рыжих волос его лицо выглядело немного бледным.

– А ты ничего не чувствуешь, Пукс?

– Ничего, кроме сожаления о том, что у нас из-под носа увели интересное дело… – Он прищурился. – Думаешь, подхватил какую-то заразу на месте происшествия, рядом с трупом Мэлоуни?

– Возможно, – проговорил Брайан.

Даже если он действительно что-то подцепил, они с Пукки были там всего несколько часов назад. Гриппом он не мог заболеть так быстро. Возможно, всего лишь устал. Многие дни уединенно жил в сумрачной квартире, словно ночное существо… Три дневные смены подряд, по-видимому, полностью нарушили формулу сна Брайана Клаузера.

Они направились по Юнион-стрит к месту ее пересечения с Мейсон-стрит, где располагался ресторан «Траттория Контадина». Согласно информации, полученной от агента Трайена, там несколько раз был замечен некий Пит Голдблюм по кличке «Гребаный Еврей».

– Брай-Брай, знаешь, что меня достает?

– Что наше дело забрал себе Полиэстер Рич?

– Да ты просто экстрасенс, – воскликнул Пукки. – Мог бы запросто стать гадалкой.

– Мой тебе совет: не лезь ты в это дело.

Но Пукки, естественно, не мог так просто опустить руки. Почему босс решила не передавать дело Мэлоуни в руки двух своих лучших детективов? Какой смысл? Возможно, это было как-то связано с тем, что скрывалось под той синей курткой на крыше…

Пол Мэлоуни, конечно, натворил немало гадостей, но он не заслуживал смерти. Его убийство нельзя было считать *справедливым*, независимо от того, какие преступления совершил он сам. Мэлоуни осудило жюри присяжных из числа его бывших коллег – и вынесенный судом приговор не предусматривал казни.

Брайан закашлял, затем сплюнул отвратительный шарик желтой мокроты на тротуар.

– Замечательно, – сказал Пукки. – Похоже, ты и в самом деле болен.

– Возможно, – вздохнул Брайан. – Молодец, догадался! Не зря стал детективом…

Они миновали здание Евангелистской церкви. После прибытия из Чикаго десять лет назад Пукки несколько раз посетил ее, но потом оказалось, что это место не в его вкусе. Он перепробовал несколько церквей, прежде чем отыскал то, что ему по душе. Это была Объединенная методистская церковь «Глайд Мемориал». Пукки предпочел, чтобы проповеди читались под музыку и желательно – с оттенком любимого им ритм-энд-блюза.

Чанг вдруг понял, что опять идет один, и оглянулся. Брайан остановился, закрыв лицо руками и медленно качая головой, словно желая отделаться от назойливой мысли.

– Брай-Брай, ты уверен, что с тобой всё в порядке?

Брайан поднял голову и заморгал. Откашлялся, сплюнул, затем кивнул.

– Да, все хорошо. Пойдем.

Ресторан «Траттория Контадина» располагался всего в квартале от Вашингтон-сквер. Консьержи отелей знали этот ресторан и посылали туда туристов, но все же большую часть посетителей составляли местные жители. Простые белые буквы на темно-зеленой, обильно заляпанной птичьим дерьмом вывеске разъясняли название заведения пешеходам и водителям как на Юнион-, так и на Мейсон-стрит.

Когда Брайан и Пукки вошли внутрь, над дверью приветственно зазвенел колокольчик.

Запахи мяса, соусов и сыра так защекотали в носу у Пукки, что тот на время забыл, по какому поводу явился сюда с напарником. Чанг мысленно решил, что в это заведение нужно непременно вернуться в будущем и отвести наконец душу: закуски из баклажанов были так хороши, что в животе начинало урчать уже у входной двери.

Примерно половина накрытых скатертями столиков была занята, посетители тихо разговаривали и смеялись под аккомпанемент звенящей посуды. Пукки уже собирался вытащить фотографии, переданные агентом Трайеном, однако в этот момент Брайан слегка толкнул его локтем и кивнул в направлении дальнего угла. Пукки понадобилась секунда, чтобы узнать полуприкрытые глаза Пита Голдблюма, который сидел там в компании еще двух мужчин.

Пукки направился к их столику, Брайан следовал в шаге позади. Именно так они обычно и делали. Несмотря на то, что Брайан был меньше, он нес на себе основную «тяжесть» их партнерства. Пукки брал на себя переговорную часть, а когда все словесные возможности исчерпывались, в дело вступал Брайан. Терминатор обладал хладнокровием и равнодушием, которые невозможно было игнорировать.

Пукки остановился у столика.

– Питер Голдблюм?

Все трое подняли головы и посмотрели на него взглядом, который, казалось, говорил: *мы знаем, что ты – коп, а мы копов не любим*. На каждом красовался весьма приличный костюм. Это было необычно; эра безупречно одетого мафиози в основном прошла. В настоящее время одеваться с иголочки могли только полные идиоты: большинство парней, обладавших реальной силой, предпочитали все-таки держаться неприметно, не выделяться.

Голдблюм наконец закончил жевать и покосился на Пукки.

– А ты кто такой?

– Инспектор полиции Чанг, – Пукки показал свой значок. Потом кивнул в сторону Брайана: – А это инспектор Клаузер. Мы из отдела по расследованию убийств и сейчас занимаемся делом Тедди Абламовича.

Брайан обошел столик с другой стороны. Все трое не сводили с него глаз, их внимание было приковано к более опасному на вид полицейскому.

Первым заговорил человек, сидящий напротив Голдблюма:

– *Клаузер?* Уж не Брайан ли Клаузер?

Пукки сразу же узнал двух других собеседников Голдблюма: одним из них – с высокомерным выражением лица – был Фрэнк Ланца, а другим – широкоплечим и бритоголовым – Тони Гиллум.

Брайан кивнул:

– Правильно, господин Ланца. Я, признаться, удивлен, что вы знаете меня по имени.

Тот пожал плечами:

– Кто-то рассказывал мне о вас. Из того, что я слышал, могу сделать вывод, что вы выбрали себе неправильное место работы. Вам следовало бы стать одним из… – он искоса посмотрел на Брайана и закатил глаза к потолку, делая вид, будто усиленно вспоминает что-

то. – Тони, подскажи-ка! Как называют крутых парней из тупых фильмов про гангстеров? Ну, тех, которые убивают людей?

– Киллерами. Наемными убийцами, – усмехнулся Тони. – Он бы подошел на роль наемного убийцы, мистер Ланца.

– Правильно, – сказал Ланца. – Наемный убийца, вот именно! – Он посмотрел на Брайана. – Я слышал, вы уже укокошили четырех человек, не правда ли?

– Пока четырех, – кивнул Брайан.

Шутка, видимо, удалась. Наступила пауза. Черт возьми, Пукки должен это записать себе на будущее – такой материал для его сценария!

– Послушайте, мистер Голдблюм, – сказал Пукки, – нам хотелось бы задать вам парочку вопросов о Тедди Абламовиче.

– Никогда с ним не встречался, – ответил Голдблюм. – Кажется, о нем писали в газете?

– Сразу в *трех* газетах, – засмеялся Ланца. – Парня разнесло на куски. По крайней мере, так я слышал.

Ланца взял кусочек хлеба и обмакнул в соус на тарелке. Он отрицательно покачал головой, словно Пукки и Брайан являлись для него источником раздражения, с которым пока приходилось мириться.

Они что, хотят запудрить им мозги? Сидят все трое в итальянском ресторане, ни от кого не скрываются, одеты с иголочки… Возможно, полгода они вели себя тише воды и ниже травы, но теперь шапки-невидимки сняты и им самим хочется, чтобы все видели их и знали, что они снова в городе.

– Но здесь ведь не Нью-Джерси, – сказал Пукки. – Не знаю, как вы проворачиваете свои делишки на Востоке, но, наверное, вы просто не понимаете, на кого работал Абламович и что сейчас происходит.

Брайан впился глазами в Ланцу, затем взял со столика кусок хлеба и откусил.

– Он хочет сказать, что вы подло лжете, мистер Ланца. Не подобает так себя вести там, где это может вам очень больно аукнуться.

Ланца пожал плечами.

– Мы просто зашли поесть. И не совершили ничего плохого. Или вы считаете, что мы что-то нарушили?

Брайан улыбнулся. Эта улыбка оказалась еще более зловещей, чем его пристальный взгляд.

– Что я считаю, не имеет никакого значения, – сказал он. – Сейчас куда важнее то, что подумает Фернандо Родригес.

– А кто, черт побери, этот Фернандо Родригес?

Пукки потребовалась секунда, чтобы понять, что Ланца не шутит. Возможно, по каким-то причинам бог благоволил Фрэнку Ланце, поскольку иначе никак не объяснить, что этот идиот прожил так долго…

– Это босс «Нортеньос», – спокойно сказал Пукки. – На местном уровне, так сказать. Вам следовало бы понимать такие вещи. Фернандо – человек, который добивается того, чего хочет, мистер Ланца. Если он решит, что вы связаны с убийством Абламовича, то ждите гостей. Притом очень скоро.

Голдблюм взял салфетку с коленей и швырнул на тарелку с недоеденным ужином.

– Пошли вы все к черту, – сказал он спокойно. – Я – законопослушный гражданин и исправно плачу налоги. Думаете, меня волнует шайка какого-то недобитого нелегала?

Да, эти ребята, похоже, ничего не усвоили. Недооценивать «Нортеньос» – значит заработать себе досрочный пропуск в морг. Пукки чувствовал, что Пита надо поскорее арестовать – для его же собственной безопасности.

– Мистер Голдблюм, – сказал Чанг, – думаю, вам придется проехать с нами.

Тот поднял брови, но глаза его так и остались наполовину прикрытыми.

– Ты что же, решил меня арестовать, узкоглазый?

Пукки покачал головой.

– Я не из Вьетнама, уважаемый, а из Чикаго. И сейчас мы не арестовываем вас, к чему так все усложнять? Знаете, рано или поздно у нас все равно должен был состояться душевный разговор, поэтому лучше мы не будем тянуть время.

Ланца рассмеялся.

– Да уж, конечно! Вы, ребята, совсем не такие, как копы на Восточном побережье. Уж слишком вы нетерпеливы.

Пукки услышал звон колокольчика над входом. Глаза Брайана метнулись в сторону звука, затем сузились.

О боже…

Пукки быстро повернулся. В ресторан вошла парочка латиносов и быстрым шагом направилась прямо к ним. Оба в толстых неприметных куртках и вязаных шапочках. Один – в красной, с большой белой буквой «N»[7], обозначавшей футбольную команду «Небраска Корнхаскерс»; другой – тоже в красной, но с логотипом «Сан-Франциско фортинайнерс»[8]. Татуировки, виднеющиеся из-под воротников их футболок, доходили почти до ушей.

Правую руку каждый из двоих держал в кармане куртки.

Войдя в ресторан, оба тут же отыскали взглядами Фрэнка Ланцу и не сводили с него глаз.

Господи Иисусе, убийство? *Здесь?*

– Пукс, – ледяным голосом проговорил Брайан, – приготовься, сейчас будет *жарко*.

Пукки быстро обошел вокруг стола и сунул руку в куртку, чтобы достать «ЗИГ-Зауэр», но чужаки оказались проворнее. У каждого в руке уже блеснуло оружие – у одного полуавтоматический пистолет, у другого обрез помпового ружья.

Однако прежде, чем они успели выстрелить, Брайан левой рукой уже выхватил «ЗИГ-Зауэр», а правой схватил за воротник Фрэнка Ланцу. Одновременно он ударом ноги опрокинул столик, с которого на пол с грохотом полетела посуда и вилки с ложками, и с силой пихнул Ланцу вниз, под перевернутый столик.

В этот момент парень с обрезом выстрелил, и заряд вонзился в столешницу, вырвав из нее несколько острых щепок.

Пистолет Брайана рявкнул дважды, и бандит с помповиком пошатнулся. Менее чем через секунду Клаузер выстрелил еще раз. Голова киллера резко качнулась назад, и он как подкошенный рухнул на пол.

Зал наполнился криками. Пукки наконец нащупал трясущейся рукой свое оружие. Второй нападавший попятился обратно, беспорядочно стреляя в сторону перевернутого стола. Пукки прицелился, но в голове его тут же сработало: *слишком много людей вокруг, движение транспорта и пешеходов снаружи*, – и он не решился выстрелить.

Справа от Чанга раздался хлопок. Это пальнул Тони Гиллум, когда бандит выбегал из ресторана.

Брайан подскочил к Тони сзади и схватил его за правую руку, одновременно ударив левой ногой по правой ноге Гиллума. Тони, вскрикнув, опустился на колено. Брайан резко вывернул руку, и здоровяк уткнулся лицом в заляпанный едой пол.

Забрав у Тони пистолет, Брайан извлек обойму и передернул затвор, затем подбежал к мертвому бандиту и отпихнул от него подальше обрез.

---

[7] *«Корнхаскерс» («Кукурузники»)* – футбольная команда Небрасского университета.

[8] *«Сан-Франциско фортинайнерс» («Золотоискатели из Сан-Франциско»)* – американская футбольная команда из Сан-Франциско, шт. Калифорния. Входит в Западное отделение Национальной конференции НФЛ. Тренируется на стадионе «Кэндлстик-парк».

– Пукс, надень на Тони наручники и оформи изъятие огнестрельного оружия.

Пукки наконец пришел в себя. Все произошло за какие-нибудь четыре секунды или, самое большее, за пять. Пукки ткнул пистолетом Тони в спину:

– Не двигаться! Руки за голову!

– Расслабься, – подчиняясь, сказал Тони. – У меня есть разрешение на ношение оружия.

Пукки подтолкнул Тони коленом в спину:

– Не дергайся. Брайан, ты собираешься в погоню за вторым бандитом?

– Не стоит, – ответил его напарник. – Дождемся, пока пришлют подкрепление. Первый, кто высунет голову на улицу, может запросто схлопотать пулю.

Потом он крикнул, обращаясь к напуганным посетителям ресторана:

– Полиция Сан-Франциско! Всем оставаться на своих местах! Есть раненые?

Посетители начали переглядываться между собой, ожидая, что кто-нибудь заговорит первым. Никто не издал ни звука. Все закачали головами, как бы отвечая на вопрос Брайана.

– Вот и хорошо, – сказал он. – Никому не расходиться, пока не прибудут наряды полиции. Расслабьтесь и успокойтесь. *Не* пытайтесь покинуть заведение, бандит может находиться поблизости.

Десять секунд паники сделали свое дело. Посетители, конечно, не расслабились – об этом не могло быть и речи, но покорно согласились не покидать свои места.

Пока Пукки надевал на Тони Гиллума наручники, Брайан присел рядом с потенциальным убийцей и расстегнул его куртку. Бросив взгляд в его сторону, Чанг заметил на футболке бандита два расползающихся красных пятна, сливающихся в «восьмерку». Из головы, ниже левой ноздри, также медленно сочился ручеек крови.

Два попадания в грудь, одно – в голову.

Пукки вызвал подкрепление. Заодно он вызвал «Скорую помощь», на тот случай, если кто-то из посетителей поранился осколками стола. В остальном медикам здесь делать было нечего: «подопечный» Брайана был уже мертв.

– Вот блин! – прохрипел Ланца.

Брайан вздохнул и застегнул куртку бандита. Затем оглянулся, посмотрел на Фрэнка Ланцу и сказал:

– Эти субчики явились сюда за тобой, приятель. Как я уже говорил, вероятно, тебе придется либо залечь поглубже на дно, либо признать свое поражение и убраться в Нью-Джерси.

Ланца, глаза которого были широко раскрыты, кивнул:

– Да. Залечь…

Брайан подошел к нему, помог подняться и произнес:

– Ты мой должник.

Пукки пристально посмотрел на него. Брайан только что убил человека – и все-таки вел себя так, как будто только что открыл холодильник и обнаружил, что кто-то без его ведома выпил остатки пива. Его быстрота и ледяное хладнокровие, казалось, потрясли Ланцу не меньше, чем сама перестрелка.

– Ты мой должник, – повторил Брайан. – Ты ведь понимаешь это, не так ли?

Ланца вытер пот с лица, затем кивнул:

– Да. Вот дерьмо.

– Имя, – сказал Брайан. – Нам нужно имя человека, связанного с убийством Абламовича.

Ланца оглянулся на мертвого бандита, лежащего на полу у ног Брайана, затем кивнул.

Пит Голдблюм оказался на полу, как только началась стрельба. Теперь он стоял, вытирая остатки соуса и спагетти со своего дорогого костюма.

– Мистер Ланца, вы ничего не должны этим копам.

– Заткнись, Пит, – отрезал Ланца. – От меня сейчас могло остаться мокрое место. Ты и Четыре Яйца ни черта не сделали бы.

– Эй, – подал голос обиженный Тони Гиллум. – Я ведь успел выстрелить.

– Ну, конечно, Тони, – поддакнул ему Ланца. – Как я мог забыть! Ты у меня почти как «зеленый берет». Опора и надежда!

Пукки услышал, как сам только что облегченно выдохнул: ситуация, кажется, была взята под контроль. Он уже не впервые наблюдал Брайана Клаузера в деле, но всякий раз надеялся, что это будет в последний раз…

Ложь Брайана Клаузера

Солнце скрылось за очертаниями жилых домов. От столь желанной постели Брайана отделяли считаные минуты. Обычно Клаузер с трудом засыпал ночью, но только не сегодня. Сегодня он отключится, как только голова коснется подушки.

– Просвети-ка меня, Брай-Брай…

Лоб Брайана покоился в ладони правой руки; локоть опирался на внутренний выступ дверной накладки «Бьюика». Какой бы вирус он ни подхватил, ему становилось все хуже и хуже: охватывала усталость, возникали боли в теле, начинался насморк, в горле появлялись острые рези, голова раскалывалась.

Брайан откинулся назад и зевнул. С тех пор, как они уехали из ресторана, Пукки болтал без остановки. Раньше он где-то вычитал, что после перестрелки, где есть погибшие, нельзя давать напарнику опомниться, нужно постоянно чем-то занимать его. Человек не должен уйти в себя.

Пукки, естественно, имел самые добрые намерения, но Брайану сейчас хотелось тишины. Почему, он объяснить не мог. Некоторые вещи понять очень трудно. Они уже почти доехали до дома, в котором жил Брайан, и Клаузер с облегчением осознавал, что очень скоро болтовня Пукки наконец прекратится…

– Брай-Брай? Слышишь меня?

– Да, конечно. О чем ты спрашивал?

– Почему у такого взрослого мужика, как ты, нет автомобиля?

Прежде чем ответить, Брайан вынужден был откашляться.

– На кой черт он мне нужен? Я и так неплохо без него обхожусь.

– Машина тебе не нужна потому, что такой придурок, как я, везде тебя таскает за собой.

– Тоже, кстати, одна из причин.

Пукки остановился перед домом Брайана. Как всегда, посреди улицы. Сзади тут же раздались гудки раздраженных водителей.

– Брай-Брай, тебе нехорошо? Если хочешь, я могу остаться с тобой сегодня.

Брайан изобразил на лице мрачную мину.

– Спасибо, не нужно. Это со мной не впервые. Кроме того, мне нужно побыть одному.

Пукки кивнул.

– Ладно, приятель. Но если начнешь расклеиваться, сразу же позвони!

– Спасибо, друг.

Брайан с трудом выбрался из автомобиля и, чувствуя себя на редкость опустошенным, с трудом поплелся к дому. Ну и денек… Перестрелка, труп, опрос очевидцев, составление отчета, предварительный анализ происшедшего – проклятье! А впереди его ждут еще более долгие и нудные дни. Предстоят допросы, масса всякой писанины… Уже, кстати, назначили комиссию по расследованию этого происшествия, где их с Пукки будут тщательно расспрашивать на предмет правомерности предпринятых действий. Веселенькое предстоит время, нечего сказать! А кому сейчас легко?

На месте происшествия, прежде чем он смог уехать, состоялась обязательная для таких случаев беседа с полицейским психиатром. Тот спрашивал, всё ли с ним в порядке? Как он чувствует себя после перестрелки? Сможет ли он, по его мнению, нормально провести эту ночь? Ну, и так далее.

Брайан отвечал то же, что и всегда: что чувствовал себя ужасно, когда убивал человека.

И, как всегда, это было ложью.

Нравилось ли ему убивать людей? Нет. Может быть, ему, наоборот, становилось плохо от этого? Нисколько. Брайан знал, что *должен* что-то чувствовать, но, как и в предыдущие четыре раза, когда он убивал, ничего такого не произошло.

Парень выстрелил из помповика. Если бы Брайан не уложил его, то в похоронном мешке мог оказаться Фрэнк Ланца. Или Пукки. Или он сам, Брайан Клаузер.

Этот Ланца, конечно, полный идиот. Может быть, на Восточном побережье люди уважают мафию и дают ей полную свободу действий, но только не здесь. Джимми Шляпа был хитрым котярой. А его сынок? С точностью до наоборот. Начать с того, что Фрэнк и его приятели вырядились так, будто решили, что к ним внезапно вернулся золотой век преступности. Ну, теперь-то они точно опустились на землю…

Адреналин не давал Брайану расслабиться с момента начала не слишком приятного разговора с мафиози вплоть до перестрелки. А как только все закончилось, он сразу почувствовал себя полностью разбитым и истощенным.

Брайан нажал кнопку вызова лифта. Вместо привычных щелчков и скрипа, он ничего не услышал. Черт возьми: лифт снова сломался!

Клаузер поплелся вверх по лестнице, с каждым шагом чувствуя, что поднимает чью-то очень большую и тяжелую ногу. Он с трудом добрался до четвертого этажа и остановился передохнуть. Боль в мышцах можно перетерпеть или проигнорировать. Обычно можно. Тупые, острые, пульсирующие боли… но теперь он чувствовал какую-то новую боль, которая привлекла его внимание.

Боль в груди.

Брайан проскрежетал зубами, затем с силой растер рукой грудь. Может быть, у него сердечный приступ? Да нет, не похоже… Боли ощущались чуть *выше* области сердца. Но что Брайан знал о сердечном приступе? Может быть, именно так он и начинается…

Затем внезапно боль исчезла. Он сделал глубокий вдох. Наверное, стоило все-таки вызвать врача… Нет, только не сейчас. Сейчас у него просто не было на это сил.

Может быть, ничего страшного, обойдется, подумал Брайан. Какой-нибудь грипп с небольшими отклонениями, обусловленными особенностями его организма. У всех ведь болезнь протекает по-разному. Возможно, сегодня он перевозбудился из-за перестрелки. Вот если эти ощущения сохранятся и на следующий день, придется, наверное, обратиться к врачу.

Брайан зашел в квартиру и начал избавляться от оружия. Ножи и пистолеты свалил в одну кучу. Ему удалось снять с себя бóльшую часть одежды, прежде чем он бессильно рухнул на кровать и заснул прямо на покрывале.

То появится, то исчезнет…

Заплесневелая сырость гниющей ткани… Зловоние мусорных куч…

Пульсирующий кайф от охоты.

Два противоречивых чувства, постоянно борющихся за господство, – подавляющий, электрический привкус ненависти в сочетании со щемящим, покалывающим ощущением подстерегающего где-то зла.

Когда он сам выходил на охоту, кто-то охотился и на него…

Брайан стоял неподвижно, глазами отслеживая добычу.

Одно начало…

Они причиняют ему боль. Точно так же, как и тот, другой.

Мы так долго ждали…

Даже сквозь расплывчатые и бессмысленные образы он узнал эту улицу: Ван-Несс-стрит. Черты людей с неразличимыми, полуразмытыми лицами; расплывчатые ряды движущихся автомобилей; тускло сияющие фары и уличные фонари.

Брайан наблюдал за своей целью, составленной из абстрактных темно-красных и неярких золотистых образов, чьих-то широких плеч и мягких светлых волос, нахмуренных глаз, источающих злобу…

Нет, это не мужчина, а скорее… *мальчик*. Уже подросший, но все еще юный. У мальчика была определенная походка и определенный… *запах*.

Брайан хотел, чтобы этот мальчик… умер.

Он хотел, чтобы они *все* умерли.

Одно начало…

Охотники, но за ними тоже кто-то… охотится. Брайан устремил взгляд вдаль, стараясь различить там движение. При этом он где-то глубоко в душе стал понимать, что, скорее всего, не заметит, как к нему самому подкрадутся. Он должен был сделать метку, которая убережет его от монстра…

Брайан почувствовал, как кто-то прикоснулся к его плечу. Он вздохнул, раздосадованный, что не может добраться до своей добычи, раз кругом еще столько людей. Но у него ведь есть и другая работа, поэтому его цель может пока подождать.

Теперь нужно повернуться. Перед глазами все расплывалось. Потом изображение снова стало резче. То исчезнет, то появится. Надо протереть глаза. Он смотрит вдоль переулка. Это где-то высоко. Опустив глаза, он видит обшарпанный синий мусорный контейнер. Позади мусорного контейнера что-то есть, оно скрыто от его глаз, но зато явственно ощущается *запах*.

Брайан узнал этот запах. Не так хорошо, как того мальчика. Он… *старый*, но все еще достаточно хороший, чтобы у него заурчало в животе. Брайан пригляделся поближе – позади мусорного контейнера лежал какой-то предмет. Красный с желтым пятном. Одеяло. Красное одеяло. А желтое пятно… это что-то очень знакомое…

То появится, то исчезнет. Постепенно сон растворился.

Брайан перевернулся в кровати, открыл глаза и сначала не понял, где находится. Окружающая темнота комнаты казалась живым существом, готовым впиться в него почерневшими клыками. С лица каплями стекал пот, уже изрядно пропитавший простыни.

Его простыни. *Его* кровать. Он находился у себя дома, в своей собственной квартире!

Брайан перестал думать о сне, но страх перед монстром, который охотился на него, остался. Грудь изнывала от боли, и сейчас он чувствовал себя намного хуже, чем в тот момент, когда поднимался к себе наверх по лестнице. Была ли эта боль как-то связана с ужа-

сом, который он испытал во сне, или все-таки причина его болей и обильного потоотделения – обыкновенный грипп?

Брайан протянул руку и включил ночной светильник. Некоторое время он щурился от света, но это быстро прошло.

Ему нужно отыскать бумагу и ручку.

Он должен был нарисовать…

Рекс просыпается

Рекс Депровдечук проснулся в холодном поту.

Он был взволнован. И до смерти *напуган*.

Некоторое время он оставался во власти своего сна; сердце отчаянно колотилось, дыхание сделалось прерывистым и частым. Затем начались боли, которые, словно тиски, медленно сдавливали все части его тела. Боль, лихорадка… ему еще никогда не было так плохо.

Со штанами творилось что-то странное. Рекс опустил вниз руку и нащупал что-то *плотное*. Отдернул руку – что это там, внизу? Он вдруг смутился, и его снова бросило в жар.

У него… *встал член*.

Он, конечно, уже знал, что это такое. Дети в школе только и болтали об этом. По телевидению тоже часто поднимали эту тему. Рекс часто видел член на порносайтах в Интернете. Он все это видел не раз, но у него самого никогда такого *не было*. Когда он смотрел порно, у него не вставало. Девчонки в школе тоже не вызывали у него эрекции. Рекс всегда знал, что у него *должна* наступить эрекция, но она не наступала. Ничто прежде не могло ее вызвать.

Но вызвал… сон.

Странный сон, приятный. Он выслеживал Алекса Пейноса, самого большого задиру и драчуна, который превратил жизнь Рекса в настоящий ад. Он преследовал его, как лев преследует зебру. Запахи из сна все еще щекотали нос Рекса – гнилая ткань, мусор, грязь – и противоречивые чувства: жгучая ярость против громилы и цепенящий ужас перед тем, что скрывалось в ночной тьме…

Одно начало...

Какой замечательный сон. Он спрыгнул откуда-то и приготовился напасть на этого придурка Алекса. Разве это не здорово?

Во сне Рекс видел и других людей – тех, которые охотились бок о бок с ним. Двое… двое со странными лицами. Такие сумасшедшие сны…

Его член пульсировал и напрягался так, что ему становилось больно. Это был другой вид боли, чем недуг, охвативший все его тело. *Невралгические боли детского возраста*, говорила ему Роберта. Боли начались всего несколько дней назад и возникли из ничего. Но, возможно, она была права – у него просто впервые встал член, поэтому, наверное, он действительно растет, становится взрослее. Может быть, он вырастет настолько, что перестанет быть самым маленьким новичком в школе.

Возможно… он вырастет и сможет проучить этих хулиганов…

С первой эрекцией пришла огромная волна облегчения. Значит, он по крайней мере не отличался от других мальчишек.

Рекс встал с постели, стараясь ступать как можно тише, чтобы скрипучие доски на полу не разбудили мать. Если Роберта сейчас проснется, ему придется очень плохо.

Он поднял руку и потрогал нос. Все еще болит. Вчера Алекс ударил его по лицу. Даже не ударил, а так, слегка пихнул, но этого оказалось достаточно, чтобы Рекс рухнул как подкошенный. А если б Алекс саданул Рекса изо всех сил…

Рексу не хотелось даже думать об этом. Он подошел к столу и включил лампу. Он должен был нарисовать символ, который увидел во сне, то, что, как ему казалось, прогонит его страхи. Он нарисует этот символ, а потом еще кое-что… одно из тех странных лиц, которые видел во сне, – лицо, которое должно было напугать его, но не смогло этого сделать.

А потом Рекс наконец нарисует Алекса. Алекса и все то, что Рекс хотел бы с ним сделать.

Его ждал чистый блокнот.

Рекс начал рисовать.

Эгги Джеймс, уточки и кролики

Эгги Джеймс подтянул за край грязный спальный мешок. Две сложенные картонные коробки, служившие ему матрасом, мало помогали: снизу сильно тянуло холодом. Он разместился позади мусорного контейнера, который хотя бы частично спасал от ветра, но вечерний туман Сан-Франциско просачивался сквозь одежду, проникал в каждый вдох и даже в спальный мешок, который ему посчастливилось отыскать. Спальный мешок был красным, с множеством цветных уточек и кроликов. Он нашел его возле урны неподалеку отсюда.

Эгги чувствовал холод и сырость, но они были лишь далеким и слабым эхом того, что хоть как-то могло его волновать. Погода не имела значения, потому что он наконец-то добился своего. Кроме того, он почувствовал действие героина еще до того, как вытащил шприц из руки.

Это было его любимое место для сна, у запасного выхода старого мебельного магазина на Ферн-стрит, совсем рядом с Ван-Несс. Они назвали это *улицей*, но на самом деле это был *переулок*. И его здесь никто не беспокоил.

По всему телу, охватывая даже пальцы ног, растекалось приятное тепло. На улице холодно, ну так что же? Эгги согревался тем способом, какой считал для себя нужным.

Он услышал легкий удар, затем какой-то скрежет. Как будто что-то стукнулось о мусорный контейнер.

– Пьер, недоумок чокнутый, не можешь потише?

– Лучше заткнись.

Первый голос дребезжал, напоминая звук наждачной бумаги на грубой доске. Второй был звонким. А еще глубоким и *растянутым*. Звуки эхом отозвались в голове у Эгги. Он надеялся, что эти ребята просто пройдут мимо. Эгги погружался в сон, которому было трудно противостоять. *Проклятье*, все-таки сегодня он раздобыл сильное зелье…

– Это он? – спросил дребезжащий голос.

– Угу, – ответил третий голос. А этот казался высоким, даже пронзительным. – Нам нужно с ним разобраться, только его наверняка не будет.

Кто-то зашмыгал носом, и этот звук все приближался и приближался. Когда Эгги услышал это, то почувствовал прохладное дуновение на щеке. Неужели его кто-то *обнюхивает*?

Эгги попробовал открыть глаза. Веки лишь слегка приподнялись. Он увидел перед собой расплывчатые очертания головы ребенка или подростка.

Подросток улыбнулся.

Глаза Эгги закрылись, и он снова погрузился в прежний, столь приятный сумрак. Он понизил счет? Странно, но раньше героин никогда не вызывал у него галлюцинаций. Ну, хорошо, возможно, что-то и было, но *не так, как сейчас*. Должно быть, туда подмешали кислоту. Только из-за кислоты он мог увидеть подростка с большими черными глазами, кожей фиолетовой, как виноградный сок, и улыбчивым ртом с большими акульими зубами.

Нет уж, к черту галлюцинации…

– Я следил за ним, – проговорил высокий голос.

– Он выглядит больным, – сказал глубокий голос. В нем ощущалось что-то влажное и жидкое. Это напомнило Эгги кота Сильвестра из мультсериала «Веселые мелодии»[9]. Тот вечно шепелявил и плевался. Вот и парень говорил так, будто его язык просто не находил себе места.

– Нет, он не болен, – сказал пронзительный голос.

---

[9] *«Веселые мелодии»* – анимационный сериал компании «Уорнер бразерс», а также группа мультипликационных персонажей, которые первоначально являлись пародией на мультфильмы Диснея.

– А похож на больного. Попробуй, может быть, больной?

– Да не знаю я, – отозвался дребезжащий голос.

Пронзительный, кажется, обиделся.

– Он не болен. Просто он сейчас под кайфом. Мы можем привести его в порядок.

– Лучше б он не был больным, – сказал наждачный голос. – У последнего, которого вы подобрали, должно быть, был грипп. Я неделю срал непонятно чем.

– Я уже говорил, что очень сожалею об этом, – сказал пронзительный.

Наждачный голос вздохнул:

– Ладно, Пьер, берем его. Нужно возвращаться.

Эгги почувствовал, как его подхватили чьи-то сильные руки и куда-то понесли.

– Сегодня вечером меня не будет, – сказал пронзительный голос. – До рассвета еще много времени. Мне надо закончить свои дела.

– Хруп, тебе нужно возвращаться вместе с нами, – снова сказал наждачный голос.

– Нет. Эти видения. Я… почти *ощущаю* его.

– Да, мы тоже, – сказал наждачный голос. – Я же просил тебя не говорить об этом. Хочешь, чтобы Первенец снова избил тебя?

– Нет. Не хочу. Но эти кретины *причиняют* ему *боль*, я это чувствую.

Ему. Кем бы он ни являлся, это была важная птица.

– За ним кто-то следит, – сказал наждачный голос. – Держись подальше, может быть, это монстр. Тогда тебе крышка…

Пауза. Эгги почувствовал, что весит всего пять фунтов. Возможно, даже меньше, потому что на самом деле человек ничего не весит, когда просто парит в воздухе…

– Я буду держаться подальше, – сказал высокий голос. – Но домой не пойду.

– Только постарайся никому не попадаться на глаза, – сказал наждачный. – И *держись подальше* от короля. Хиллари сказала, что он еще не готов. Если нас поймают, Первенец нас прикончит. Пьер, идем, нам пора возвращаться.

– Хорошо, Слай.

Эгги чувствовал, что падает, но через секунду снова поднялся. Да так быстро… как будто кто-то очень бережно нес его, перескакивая через две-три ступеньки – именно так человек несет два десятка яиц, только что купленных на рынке.

Эгги с трудом открыл глаза. Он понял, что находится где-то на крыше. Далеко внизу он видел Ван-Несс-стрит, его внимание сразу привлекла до боли знакомая зеленая вывеска «Старбакс». Да и не только «Старбакс», знакомые ориентиры виднелись повсюду…

А затем мир под ним закачался. Вверх-вниз, вверх-вниз.

Несмотря на это движение, героин – этот чертовски отличный героин – наконец-то «накрыл» его. Эгги Джеймс окунулся в тепло и темноту – в единственное место, где воспоминания не преследовали его.

Ремень

– Но я же чувствую, что болен…

Роберта Депровдечук скрестила руки на груди и насмешливо взглянула на сына.

– Ну-ка, поднимайся! И живо в школу.

От одного только слова *«школа»* Рексу становилось плохо. Плохо внутри, и от этого жуткого ощущения ему хотелось заползти в какую-нибудь дыру и скрыться навсегда.

– Ну, честно, я и в самом деле плохо себя чувствую.

Она закатила глаза.

– Ты что же думаешь, я вчера родилась? Ничем ты не болен. В школе все тычут в тебя пальцем, потому что ты всем уже надоел. Оставь их в покое, и от тебя тоже отстанут. Вставай и отправляйся в школу. И не вздумай прогулять! Ты прогуливаешь школу, как будто там делать нечего, а потом сидишь здесь и целый день что-то рисуешь. И я еще разрешаю тебе развешивать свои дурацкие рисунки на стенах, не так ли? А теперь все, *поднимайся*.

Она схватила одеяло за край и сбросила его с кровати. Рекс на время замер, испугавшись за свой член, проступающий через трусы, и свернулся калачиком.

– *Отвратительный* мальчишка! Ты… его трогал?

Мальчик отрицательно замотал головой.

– Рекс, ты *трогал себя… там*?

– Нет!!!

Парень услышал знакомый свист, который издает кожа, скользящая через петли в джинсах. Он закрыл глаза, со страхом ожидая боли.

– Роберта, я не дотрагивался до него! Честное слово!

Его перебил у*дар* кожаного ремня по спине.

– Маленький лгунишка!

Второй *удар*, на этот раз по ногам. Несмотря на жгучую боль, Рекс все-таки стерпел. Он понимал, что лучше не кричать и не пытаться сбежать.

– Я же говорила, чтобы ты *никогда* не вел себя как остальные грязнули! Так или нет?!

Еще удар, и ему обожгло плечо.

– Прости меня! Я больше никогда не буду!

Удар – по участку тела, прикрытому тонкими трусиками. Рекс изогнулся от боли, и его тело отчаянно завыло, словно прося: «Беги!» Но он силой заставил себя снова свернуться калачиком.

Если б он попытался убежать или начал сопротивляться, стало бы еще хуже.

– Вот, – сказала Роберта. – Я помогу тебе, Рекс. Ты должен наконец уяснить эти вещи. Если ты не будешь готов к школе через пять минут, получишь еще. Слышишь меня?

Она вышла, хлопнув за собой дверью.

Боль немного поутихла, но холодок в груди так и остался.

Все-таки ему придется пойти в школу.

Рекс присел на кровати. Эрекция прошла. Роберта всегда говорила ему, что когда у него встает, это очень плохо, и ноющие боли в спине, в ногах и на заднице подтверждали ее правоту…

Ему снова приснился сон, и на этот раз Рекс запомнил гораздо больше. Он следил за Алексом Пейносом, ожидая, когда же подвернется шанс *убить* его. От этого Рексу становилось весело. Эрекцию вызывали у него не девочки и не мальчики – а именно *охота*. Рекс-охотник чувствовал себя *возбужденным*, но сон принес с собой и мрачные предчувствия о том, что кто-то исподтишка наблюдает за ним и поджидает в темноте, чтобы *причинить боль* или даже *убить*.

Во сне Рекс несколько отвлекся. Вместо Алекса они с друзьями схватили какого-то бездомного парня. Схватили и *потащили*, но куда? Рекс никак не мог вспомнить.

Он встал. Страх засел у него в животе, словно кусок льда, и не исчезал. Рекс поднял с пола джинсы. Когда он натягивал их на ноги, его взгляд скользнул на стол. Он увидел свой последний рисунок, на котором был ненавистный Алекс и другие хулиганы.

Рисунок не был закончен.

Возможно, он сможет закончить его на уроке истории. Рекс прочитал весь учебник за первую неделю занятий и получил 100 процентов за каждый тест: учителю, мистеру Гартусу, было все равно, чем занимается Рекс, лишь бы вел себя тихо. Времени закончить рисунок не было, но Рекс чувствовал нестерпимое желание снова сделать набросок того символа… Он *должен был* сделать это прямо сейчас…

Когда он вывел карандашом заключительный полукруг, страх, который преследовал его, наконец исчез. Однако осталось знакомое, вездесущее беспокойство. Роберта была не права; сует он туда нос или нет, хулиганы все равно доберутся до него…

Рекс вздрогнул. Ему хотелось прогулять школу, но он никак не мог решиться. Духу не хватало. Даже если хулиганы и поколотят его, это все равно нельзя сравнить с тем, что может учинить Роберта, если вдруг перейдет с ремня на палку…

Рекс, морщась, потер синяки. Затем закончил одеваться и, собрав учебники, сунул их в сумку вместе с карандашами и альбомом для рисования.

Может быть, сегодняшний день пройдет лучше…

Рисунок

Брайан открыл дверцу «Бьюика», убрал груду папок и уселся рядом с Пукки.

– Слушай, Пукс, ты когда-нибудь убираешь мусор из своей колымаги?

Пукки откинулся назад с оскорбленным видом.

– Боже мой! Кто-то опять встал не с той ноги?

Брайан захлопнул дверцу. Пукки надавил на газ.

– У меня выдался какой-то сумасшедший и очень беспокойный сон, – сказал Брайан. – Я так и не смог выспаться.

– А-а… Вот почему ты сегодня похож на собачье дерьмо.

– Спасибо, друг!

– Не стоит благодарности. Нет, серьезно, ты и в самом деле выглядишь ужасно. И подстриги наконец свою бороду. Ты начинаешь походить на хиппи. В моей жизни нет места для подобной ерунды.

Сильная боль в груди у Брайана потихоньку утихла, превратившись из острой в ноющую – как от порезанного пальца или от ушиба. Правым кулаком он с силой растер себе область грудины.

Пукки недоверчиво покосился на него.

– Что, изжога замучила?

– Похоже на то.

– Не спишь… Сам весь бледный, как призрак, теперь еще и боли в груди, – проговорил напарник. – Если б мы сейчас не встречались с боссом, я бы отвез тебя домой и посоветовал взять больничный.

В распоряжении их босса Эми Зоу наверняка уже находилось заключение комиссии, которая занималась расследованием инцидента в итальянском ресторане. Расследование шло полным ходом. Это была стандартная процедура, но предварительное заключение позволит определить, мог ли Брайан оставаться на текущей работе, или его нужно снять с оперативной работы до окончания расследования.

Зоу вполне могла временно отстранить его от работы. Для большинства копов это не стало бы проблемой. Однако у большинства копов не имелось за плечами пяти трупов…

– Не волнуйся, я скоро приду в норму, – сказал Брайан.

Но это была ложь. За ночь лихорадка усилилась. У него был жар. До сих пор кружилась голова, он чувствовал себя перегруженным, а на фоне всего прочего усилились боли в теле. Казалось, что колени и локти, запястья и лодыжки, а заодно и все суставы набиты камнями. Его мускулы пульсировали, и возникало ощущение, словно кто-то много часов колотил его отбивалкой для мяса.

– Не дыши на меня, – поморщился Пукки. – Не вздумай меня заразить! Ну-ка расскажи о своих сумасшедших снах. Наверное, опять гонялся за какими-нибудь негодяями? Или выслушал исповедь скромной монашки, которая хотела бы сделать тебя своим тайным покровителем?

Брайан засмеялся, но его тут же разбил кашель.

– Хотелось бы. Но мне снилось другое.

– Кошмары?

Брайан кивнул.

– Приснилось, будто я нахожусь в компании каких-то людей. Не знаю, кто они такие. Мы охотились за парнем, который шел по Ван-Несс-стрит, но в то же самое время кто-то или что-то охотилось на нас. Я так и не смог понять, что это было. Затем мы собирались что-

то сделать со старым бомжом. Когда я проснулся, внутренний страх не прошел. Мне нужно было нарисовать кое-что из этого сна.

Брайан вытащил из кармана сложенный листок бумаги, развернул его и передал Пукки. Пукки внимательно посмотрел на картинку: незаконченный треугольник с наложенным на него кругом и маленьким кружком в самом центре.

– Ничего себе, – присвистнул Пукки. – Твой папочка просто горд за тебя, и мы повесим это на холодильник рядом с отчетом комиссии по расследованию. Итак, быстро признавайся: что это?

– Понятия не имею.

– А… что с тобой произошло после того, как ты это нарисовал?

Брайан пожал плечами.

– Страх прошел. Впрочем, б*о*льшую часть сна я забыл. Но мне кажется, я вспомню, *где* именно происходили события этого сна.

– Ты узнал место?

– Угу. Почти уверен, что где-то на углу Ван-Несс- и Ферн-стрит.

– Точно сумасшедший. И что же? Хочешь теперь все проверить?

Брайан покачал головой.

– Нам же нужно к боссу.

– У нас в запасе еще пятнадцать минут, – сказал Пукки. – Давай, это может стать хорошим материалом для нашего полицейского шоу. Я даже вижу бегущую строку: *бунтарь-полицейский не может избавиться от синдрома наемного убийцы*.

– Но мне не снился наемный убийца.

– Допустим, что это сценарный вымысел, – сказал Пукки. – Ну же, Брай-Брай, это для меня большая находка, может получиться целый эпизод. Или даже три эпизода. Согласен?

Брайан вспомнил ощущение крадущейся смерти – страх, который пропитывал его с головы до ног, даже когда он бросился на бомжа. Но теперь он больше не чувствовал этого страха. И, кроме того, это был всего лишь сон…

– Естественно, – ответил Брайан. – Давай проверим.

Пукки снова перестроился в другой ряд. Отовсюду слышались сердитые гудки, и – как обычно – он не обращал на них никакого внимания.

Угол Ван-Несс и Ферн

Брайан осматривал переулок. Все до боли знакомо. Кажется, он был здесь раньше… Да нет: он *точно* был здесь раньше! Ведь не могло же ему все присниться в таких деталях…

Пукки поднял крышку старого синего мусорного контейнера и заглянул внутрь. Не увидев ничего интересного, он опустил крышку, отряхнул руки и поправил солнцезащитные очки. Затем снова бросил взгляд в переулок.

– Так. Значит, ты увидел бомжа. И еще какого-то парня в темно-красной одежде с золотистыми рисунками…

– Не уверен, – поморщился Брайан. – Парень, или ребенок, наверное, сам *был* темно-красным и золотым. Это ведь сон, Пукс.

– Да, но это довольно круто. Почти готовая сцена для шоу. Вообще это редкая штука – задумать определенное место и не найти никакой связи.

– Тебе это известно потому, что ты – доктор сонологических наук?

– Хоть бы раз посмотрел канал «Дискавери», придурок, – укоризненно заметил Пукки. – Там куда больше из жизни, чем в любом реалити-шоу… – Он вытащил сотовый телефон и проверил часы. – Ну, ладно, нам пора. На беседу с Зоу опаздывать не стоит. Возможно, Братья Стивы уже разыскали Джо-Джо. Стивы находят убийцу Абламовича, и мы возвращаемся к своей любимой ночной смене. Возможно, в этом случае нам удастся вырвать дело Пола Мэлоуни из цепких лап Полиэстера.

По требованию Брайана Фрэнк Ланца все-таки назвал имя. Джозеф «Джо-Джо» Ломбарди, еще один парень из Нью-Джерси. Брайан и Пукки немедленно передали эту информацию Братьям Стивам. Был ли это фактический убийца Абламовича? Брайан не мог сказать наверняка, но в любом случае сейчас в их распоряжении имелось куда больше информации, чем сутки назад.

– Ладно, прочь отсюда, – сказал Брайан. – А то у меня в животе черт знает что творится. Если я надышусь этим дерьмом, меня просто вырвет.

Они вышли из переулка и отправились обратно к «Бьюику».

– Пукс, тебе придется смириться с реальностью и понять: Зоу не отдаст нам дело Мэлоуни.

– Черта с два!

– Полиэстер Рич и Зоу очень давно служат в полиции. Я слышал, что инспекторами они стали почти одновременно.

Пукки сел в машину и завел двигатель.

– Попомните мои слова, юный Брайан Клаузер: мы с тобой получим это дело. А когда это произойдет, прищучим убийцу Пола Мэлоуни. Я просто не потерплю в своем городе каких-то одержимых линчевателей.

Брайан скользнул на пассажирское кресло. Он снова посмотрел в сторону мусорного контейнера и увидел то, что вначале не заметил.

Под мусорным контейнером… что это? Одеяло?

Красное одеяло…

С рисунками коричневых кроликов и желтых утят.

…небольшая птичка…

Когда Пукки отъезжал, ночной кошмар холодным эхом вновь отозвался в памяти Брайана. Он вздохнул, пытаясь забыть об одеяле. Ему ведь приснилось не красное одеяло с утятами и кроликами, он всего лишь по-другому представил это. Сейчас ему предстояло ломать голову о куда более важных вещах – о том, как их начальник, шеф полиции Сан-Франциско, отнесется к предварительному заключению комиссии по расследованию.

Но, может быть, когда это будет сделано, Брайан сможет отыскать тихое местечко, чтобы снова нарисовать эту странную, фантастическую картину и избавиться от тревожных ощущений.

«БойКо»

Рекс бежал.

Его преследователи были быстрее, но он все равно бежал, надеясь, что ему повезет и он все-таки сумеет скрыться.

Иногда они почти настигали его, иногда отставали. Время от времени ему везло – он выбегал на улицу, где было много пешеходов. Либо он замечал полицейский автомобиль или что-нибудь еще, что могло заставить его извечных преследователей прервать погоню и ждать другого шанса.

Сегодня Рексу не повезло.

Они дожидались его прямо у школы. Они знали, каким путем он обычно ходит домой. Иногда Рекс проходил лишних пятнадцать или двадцать кварталов, сворачивая на различные улицы и в переулки, но сейчас ему хотелось поскорее вернуться домой.

Его рисунок увидела та толстая уродина, Эйприл Санчес. У Алекса Эйприл покупала себе наркотики. Денег у нее, видно, было много. Рекс терпеть ее не мог. Она сразу узнала изображенных на рисунке людей и предупредила, что все расскажет Алексу. Рекс сразу понял, что ему грозят крупные неприятности. Эйприл хотела стать подругой Алекса. И этот рисунок был для нее шансом как-то втереться к нему в доверие.

Последний час занятий Рекс еле высидел, с испугом ожидая звонка, чтобы поскорее уйти домой. Ему следовало бы, наоборот, отклониться от маршрута и укрыться в одном из многих потайных мест – хотя бы в его любимом парке, – но от страха он почему-то направился прямиком домой.

И совершил большую ошибку…

Пройдя всего два квартала, Рекс увидел всю ненавистную четверку на углу Франсиско и Ван-Несс-стрит. Их темно-красные, золотистые и белые куртки ярко выделялись на солнце. Рекс не задумываясь развернулся и бросился по Ван-Несс, мимо футбольного поля, к Аквапарку. Ему нужно было оказаться среди большого скопления людей, но он не думал об этом и просто бежал куда глаза глядят.

Они бросились за ним. И смеялись.

Четыре подростка. Всегда одни и те же.

Джей Парлар… Айзек Моузес… Оскар Вуди…

И худший из всех, Алекс Пейнос.

Они настигли его сразу за автомобильной парковкой, у того места, где Ван-Несс-стрит из трехполосной дороги превращалась в двухполосную. Чья-то рука крепко схватила его за плечи, а другая – зажала рот. Подростки плотно обступили его, схватили и куда-то поволокли.

Рекс хотел было позвать на помощь, но не смог выдавить из себя ни звука. Залив находился далеко справа, а зеленый массив, ведущий к культурно-выставочному центру Форт-Мейсон, остался справа, и при этом – ни единой души вокруг. Хулиганы потащили его куда-то влево, в затененное место, а потом бросили в грязь.

Рекс попытался встать, но подростки окружили его плотным кольцом. Кто-то сильно пихнул его в бок, и он снова упал. Потом они поволокли его мимо грузового фургона, оставленного под деревом с широкой кроной, подальше от посторонних глаз, хотя в этом месте и так не было пешеходов. Рекс перевернулся на спину. Кто-то стукнул его по лицу, потом еще раз. Его нос гудел от боли. Глаза наполнились слезами, и мир вокруг он видел через жидкую мерцающую пелену. Рекс раскрыл рот, чтобы позвать на помощь, но получил удар ногой в живот, и у него перехватило дыхание.

Кто-то уселся ему прямо на грудь, буквально пригвоздив к земле.

– Я слышал, ты рисуешь на меня какие-то дешевые карикатуры, недоделок.

Рексу не нужно было даже на него смотреть; он сразу же узнал голос Алекса Пейноса. Глубокий голос, намного глубже, чем обычно бывает у второкурсника колледжа.

Рекс попытался что-то сказать, извиниться, но не смог вдохнуть в легкие воздуха, чтобы хоть что-то произнести.

– Эй, вот он, этот рисунок! – раздался голос Джея Парлара. – Взгляни-ка, Алекс. Я тут тоже есть… Ха-ха! Наблюдаю, как тебе надирают задницу.

– Ну-ка, дай сюда, – потребовал Алекс.

Рекс отчаянно заморгал, пытаясь избавиться от подступивших слез. Теперь он снова мог видеть. На его грудь навалился Оскар Вуди. Курчавые темные волосы Оскара выбивались из-под белой бейсболки с золотистыми буквами «ВС». Рядом с Оскаром стоял Алекс Пейнос и злобно поглядывал вниз.

У Алекса была светлая шевелюра, как у кинозвезды, и большое крепкое тело, такое, которое Рексу *никогда* не светит. Он держал в развернутом виде лист из альбома для рисования и что-то искал взглядом. Его глаза сузились. Он перевернул рисунок, чтобы Рекс тоже мог его видеть.

Вообще, Рекс рисовал все лучше и лучше. Алекса на картинке нельзя было не узнать. Рядом с ним стоял очень мускулистый Рекс Депровдечук и держал в руках цепную бензопилу, которой только что отрезал своему обидчику руки.

Алекс улыбнулся.

– Так ты думаешь, недоносок, что действительно можешь прикончить меня?

Рекс отчаянно затряс головой, растерев затылком смесь мелких камней, листьев и прутьев.

Джей заглянул через плечо Алекса. В свои шестнадцать лет он уже имел козлиную бородку, такую же жидкую и рыжую, как и волосы у него на голове.

– Сам-то рисунок неплохой. Серьезно, Алекс! Вылитый ты!

– Джей, – проговорил Алекс, – лучше закрой свою пасть.

Джей сразу сник, его плечи опустились.

– Да я ничего, – пробормотал он. – Прости, Алекс…

Пейнос продолжал сверлить взглядом Рекса. Наконец он скомкал лист с рисунком, отшвырнул в сторону и приказал:

– Ну-ка, ребята, держите ему руки.

Рекс пробовал вырваться, но Оскар был слишком тяжел.

– Лежи тихо, киска, – прошипел он.

Кто-то схватил правое запястье Рекса и сильно дернул. Рекс повернул голову и увидел, что это голубоглазый Айзек Моузес прижал руками его предплечье.

– Джей, – сказал Алекс, – возьми-ка вон там две деревяшки и принеси сюда.

Рекс наконец смог выдавить из себя несколько слов:

– Я… я не буду больше рисовать…

– Слишком поздно, приятель, – проговорил Алекс. Он посмотрел направо. – Да, да, вот эти, Джей. Подложи одну деревяшку ему под локоть, а вторую – сюда, под запястье.

Рекс почувствовал, как что-то засунули ему под локоть, приподняв его над грязной, усыпанной листьями землей на несколько дюймов. Он увидел, как Джей засунул деревяшку ему под запястье, затем перехватил удивленный взгляд на лице Айзека Мозеса.

– Эй, зачем? Не нужно, – воскликнул Айзек. – Ты что это задумал? Будет слишком больно.

Злобная улыбка с лица Алекса исчезла. Он бросил мрачный взгляд на Айзека и процедил сквозь зубы:

– Закрой лучше рот и держи его покрепче. А если отпустишь, будешь следующим.

Айзек открыл рот, чтобы что-то ответить, но спустя мгновение закрыл его и опустил голову.

Алекс шагнул вперед, переступив через приподнятую руку Рекса. Его свисающие вниз светлые волосы мерцали в лучах дневного солнца, пробивающихся через ветви дерева.

– Сейчас я хорошенько проучу тебя, Рекс. И ты узнаешь, что такое боль.

Потекли слезы. Рекс ничего не мог с этим поделать.

– Вы и так все время причиняете мне боль!

Улыбка Алекса стала шире.

– О, это были лишь намеки на боль, дебил. Тебе, наверное, это даже нравилось. А теперь? Теперь ты узнаешь, что такое *настоящая* боль.

Алекс весил больше восьмидесяти килограммов и был крупнее большинства учителей в школе. Он поднял ногу на высоту колена, и его тяжелый военный ботинок завис над предплечьем Рекса. Алекс улыбнулся, затем резко опустил ногу и встал на нее. Рекс услышал приглушенный *хруст*, затем почувствовал, как его рука впечаталась в грязь, в то время как запястье и локоть остались наверху, на высоте добрых двух дюймов…

А потом он почувствовал боль.

Прежде чем закричать, он успел это увидеть. Его рука теперь выгнулась вниз в форме неглубокой буквы «V», как будто между запястьем и локтем появился дополнительный сустав. Оскар слез с груди Рекса. Он молча встал, а его черные кудри болтались из-под бейсболки.

По щекам Рекса ручьем лились слезы, стекая вниз по подбородку и смешиваясь с кровью, текущей из носа. Ему было *очень* больно. Его рука… она была *согнута* там, где никогда не сгибалась.

Алекс наступил на живот Рекса.

– Если только заикнешься кому-нибудь об этом, считай, что ты покойник, – злобно проговорил он. – Я знаю сотню надежных мест, куда можно спрятать труп в этом городе. Ты понял меня, придурок?

Не в силах совладать с болью, униженный и беспомощный, Рекс только плакал. Никто так и не пришел ему на помощь. И никогда не придет.

Он тоже хотел сделать им больно.

Он хотел *убить* их.

Тяжелый солдатский ботинок сильно ударил ему по ребрам.

– Я спрашиваю, ты понял меня, Рекс?

Мысли о ненависти и мести исчезли, уступив место вездесущему страху.

– Да! – сквозь слезы и боль крикнул Рекс. – Да, я все понял!

Алекс снова поднял свой ботинок. Рекс успел закрыть глаза, прежде чем Алекс пяткой заехал ему в лицо…

В кабинете начальника полиции

Когда Брайан и Пукки вошли в кабинет начальника, там уже находились четверо. Шеф Зоу сидела за своим столом, в идеально наглаженном синем мундире. Ее заместитель Шон Робертсон стоял позади и немного слева. Справа от стола, в креслах у стены, сидели Джесси Шэрроу, начальник отдела по расследованию убийств, и помощник окружного прокурора Дженнифер Уиллс. Безупречный синий костюм Шэрроу резко контрастировал с его густыми белыми бровями и зачесанными назад белыми волосами. Уиллс сидела, закинув ногу за ногу, отчего ее юбка казалась еще короче. На ноге вызывающе болталась черная туфелька.

Зоу была не слишком озабочена внутренней обстановкой. Главное место в кабинете занимал большой стол из темного дерева. На стенах в рамочках были развешаны благодарности от различных организаций, а также несколько фотографий, на которых Зоу обменивалась рукопожатиями с полицейскими и чиновниками. На двух снимках она позировала с нынешним и бывшим губернаторами штата Калифорния. На самой большой фотографии пожимала руку вечно улыбающемуся Джейсону Коллинсу, мэру Сан-Франциско. За креслом Зоу на деревянных древках стояли государственный флаг США и «Медвежий флаг» штата Калифорния.

Ее рабочий стол выглядел очень просторным, потому что на нем почти ничего не было, кроме рамки с тремя фотографиями – двух дочерей-близняшек и мужа – и еще закрытой папки.

Брайан присутствовал здесь не впервые. В прошлый раз он тоже глазел на папку вроде этой… Сейчас в кабинете Зоу он чувствовал себя более неуютно, чем тогда. В воздухе явно витала какая-то угроза. Тут и думать было не о чем: могла в одночасье рухнуть его карьера. Возможно, убийство Карлоса Смита – так звали одного из киллеров – будет признано правомерным. Но, так или иначе, на чаше весов лежала его четырнадцатилетняя карьера полицейского…

Зоу жестом указала на два пустующих кресла.

– Инспектор Клаузер, инспектор Чанг, присаживайтесь, пожалуйста.

Брайан подошел к креслу справа, не сводя глаз с папки на столе. Она лежала строго параллельно краям стола.

Брайан сел. То же самое сделал Пукки.

Клаузера уже подташнивало. Он понимал, что концентрацию терять нельзя. Особенно сейчас. Его уже начинало трясти, но с этим он еще мог справиться. А вот что делать, если из-за этого заседания он был вынужден пропустить свой завтрак?..

Робертсон кивнул Пукки, затем улыбнулся Брайану. Интересно, что бы это значило?

Эми Зоу занимала пост начальника городской полиции уже двенадцать лет – по меркам Сан-Франциско срок очень длительный. В то время как Брайан уже был научен горьким опытом и не поддавался на женскую внешность, он не мог отрицать, что Зоу все еще выглядела весьма привлекательно. Несмотря на свои пятьдесят с лишним.

Зоу взяла папку, открыла ее на секунду, затем положила на то же место, убедившись, что та лежит так же ровно, как раньше. Очевидно, она уже знала результаты; повторная проверка была не более чем лишней нервотрепкой.

Она пристально посмотрела на Брайана. Он старался сидеть неподвижно. Шеф Зоу все-таки открыла эту чертову папку! Наклонившись вперед, она зачитала вслух:

– Относительно инцидента, имевшего место первого января, – сказала она. – Применение оружия против Карлоса Смита, жителя Южного Сан-Франциско, согласно результатам предварительного расследования, признано правомерным. Инспектор Брайан Клаузер дей-

ствовал целиком в соответствии со сложившейся обстановкой. Действия инспектора Клаузера помогли спасти жизни людей.

Она закрыла папку, затем пристально посмотрела на Брайана.

– Нам еще придется подождать официального завершения расследования, но я не думаю, что здесь будут какие-то проблемы. Основываясь на свидетельских показаниях, с которыми я внимательно ознакомилась, я сообщу комиссии свое мнение по поводу этой ситуации.

Брайан не смог сдержать вздох облегчения. Он соскочил с крючка.

– Это здорово, шеф.

Робертсон обошел вокруг стола и похлопал Брайана по спине.

– Ну вот, Клаузер, – сказал он. – Ты знал, на что шел. И сделал правильный выбор, открыв огонь по преступнику.

Брайан пожал плечами, пытаясь подыграть:

– Просто я все время оказываюсь не в том месте и не в то время.

Робертсон покачал своей головой:

– Нет, нет. Ты сделал именно то, что нужно, и это не в первый раз. Ты спас жизни людей. У тебя попросту не было выбора.

Зоу повернулась к Дженнифер:

– Мисс Уиллс, есть какие-нибудь замечания со стороны окружного прокурора?

– Нет, шеф Зоу, – сказала Дженнифер. – Тем более учитывая послужной список этого Смита. Мы, конечно, готовы к тому, что его семья подаст иск, но, судя по показаниям свидетелей и записям с камер наблюдения, наши полицейские вне всяких подозрений.

Зоу удовлетворенно кивнула, затем повернулась к Брайану:

– У меня есть еще кое-какие хорошие новости. Стив Бойд обыскал квартиру Джозефа Ломбарди, также известного как Джо-Джо Ломбарди. Бойд обнаружил там свидетельства, которые сделали Ломбарди главным подозреваемым по делу Абламовича. И все это – благодаря тебе и Чангу.

Брайан кивнул. Джо-Джо сдал им Фрэнк Ланца. Что правда, то правда. Но много ли дадут теперь за жизнь этого Ломбарди? Ланце требовался козел отпущения, чтобы показать «Нортеньос», что кровь смывается кровью. Теперь шансы Ломбарди выжить приблизились к нулю…

Со своего места поднялся беловолосый Шэрроу.

– Шеф Зоу, следует ли привлечь инспектора Клаузера к службе в офисе – до окончания расследования?

– Нет, – ответила Зоу. – Здесь, кажется, все предельно ясно. Инспектор Клаузер и вы, инспектор Чанг, можете продолжать работу в группе по делу Абламовича. Вы, парни, очень нужны нам прямо сейчас. Все, с этим покончено. За работу.

Брайан чувствовал такое облегчение, что почти забыл о пустом желудке. Ему было наплевать на Карлоса Смита, но его очень волновала собственная работа. В процессе расследования могло произойти все, что угодно. Невзирая на свои многочисленные недуги, Брайан встал, поблагодарил всех за поддержку, после чего вышел из кабинета шефа полиции. Он был счастлив, что пока остался копом…

Белая комната

Тепло.

Уютно и тепло. Одеяла. Мягкие одеяла, *сухие* одеяла. Чистая одежда, которая мягко скользит по коже… По коже, которая впервые за многие месяцы отмыта, очищена от грязи и пота…

Эгги перевернулся… и услышал какой-то металлический звук.

Проснувшись, он несколько раз моргнул. На нем… *пижама*? Он вспомнил свою детскую кроватку в Детройте, вспомнил о матери, которая ласково будила его и гладила по голове. Вспомнил манящий запах блинчиков в их маленьком доме. Но здесь пахло не блинчиками…

Это был запах краски. Или, скорее, отбеливателя.

Одеяла сбились в кучу. Эгги лежал на боку, и матрац под ним был настолько тонкий, что он ощущал под ним твердый пол. Перед глазами по-прежнему все плыло и качалось, но из своего опыта Эгги знал, что это от героина. Он открыл глаза и моргнул – да, он еще под кайфом…

Неужели все это происходит на самом деле?

Всего в нескольких дюймах от его лица находилась стена из кирпичной крошки и скругленных камней, покрытых толстым слоем ярко-белой эмали.

Он почувствовал, что шею оттягивает что-то тяжелое.

Руками Эгги нащупал железный хомут. Он прилегал так плотно, что между ним и шеей едва можно было просунуть палец, но внутри оказалась мягкая кожаная прокладка.

Снова металлический звон.

К хомуту крепилась металлическая цепь…

Эгги привстал и потянул руками за цепь: она была из нержавеющей стали, в ее хромовом блеске отражался флуоресцентный свет, и в каждом звене этой цепи он видел крошечное искривленное отражение своей черной кожи и изумленного лица. Эгги посмотрел, куда тянется эта цепь. Она вела к вмонтированному в стену кольцу.

Вот дерьмо! Не повезло, такой облом…

– *Ayúdenos*[10], – сказал ему кто-то.

Эгги повернул голову на голос и увидел перед собой целое семейство: маленького мальчика, вцепившегося в мать, и отца, заботливо обнявшего их обоих.

Женщина и мальчик выглядели сильно напуганными, в то время как во взгляде мужчины сквозила угроза. Он словно обещал убить любого, кто к ним приблизится. У всех троих были темные волосы и смуглая кожа; они походили на мексиканцев.

Все трое были одеты в пижамы: мужчина – в светло-голубую из хлопка, женщина – в шелковую, а мальчик – в розовую фланелевую. Одежда выглядела чистой, но уже не новой – точно такой же, как в магазине Армии спасения[11] на Саттер-стрит.

Как и у Эгги, на шее у всех троих были металлические хомуты, прикованные цепями к стене. Эгги встал и начал медленно прохаживаться туда-сюда, грохоча цепью.

– *Por favor, ayúdenos*, – сказал мужчина. – *Ayúde a mi familia*[12].

– Я не понимаю по-испански, – сказала Эгги. – Вы говорите по-английски?

---

[10] Помоги нам (*исп.*).

[11] *Армия спасения* – евангелистская организация, ставящая своей целью распространение идей и догматов Евангелия через проповеди и оказание социальной, медицинской, консультативной, моральной и иной помощи, включая помощь в чрезвычайных ситуациях. Содержит столовые, ночлежные дома, молодежные клубы, работает с осужденными и т. д.

[12] Пожалуйста, помогите нам. Помогите моей семье (*исп.*).

Человек покачал головой.

Черт бы их побрал, этих эмигрантов. Понаехали тут, а сами не в состоянии даже пары слов выучить!

– Что это за место? – спросил Эгги. – Где мы? Что, черт возьми, мы здесь делаем?

Мужчина снова покачал головой.

– *No entiendo, señor*[13].

Эгги осмотрелся. Стены мерцали, двигались – героин все еще действовал, и было трудно сосредоточиться. Эгги не был уверен в реальности всего происходящего, но, по-видимому, круглая комната имела выгнутый потолок, наподобие купола, который составлял в поперечнике около тридцати футов, а в высоту – пятнадцать. Пол выглядел таким же, как стены: камни и кирпичи, уложенные в грубом, плоском рисунке, покрытом несколькими слоями эмалевой краски. Казалось, будто он внезапно очутился в большой ледяной хижине эскимосов, *иглу*.

В дальнем конце комнаты Эгги увидел дверь из ярко-белых брусьев: вход в тюрьму…

На полу были разложены десять матрацев: по одному для каждого из десяти круглых колец, которые Эгги насчитал на стенах. К четырем кольцам были прикреплены цепи, которые тянулись к Эгги и трем другим людям. На каждом из матрацев лежало по несколько одеял. Эти одеяла, как, впрочем, и одежда, казались уже не новыми. Но вместе с тем все вокруг – одежда, одеяла, матрацы и даже стены – выглядело *чистым*.

В центре комнаты, на полу, стояла какая-то угловая полка из нержавеющей стали. Эгги заметил рядом три рулона туалетной бумаги. Неужели это был их общий туалет?!

Нет, здесь действительно происходило что-то странное, и Эгги хотелось поскорее убраться отсюда. Да, он бездомный бродяга и, наверное, никому не нужный человек, жизнь его не стоит ни цента… Но оказаться прикованным к стене и томиться в неизвестности в этой чертовой комнате было выше всяких сил.

Женщина начала плакать. Маленький мальчик посмотрел на нее, тоже заплакал и снова уткнулся головой ей в грудь.

Мужчина продолжал неотступно смотреть на Эгги.

– Понятия не имею, что здесь происходит, – пробормотал тот. – Если хочешь добиться помощи, попроси кого-нибудь еще.

Металлический шум эхом отозвался в маленькой комнате. Три головы повернулись почти одновременно: Эгги, мужчина и женщина машинально искали взглядами источник шума. Маленький мальчик не поднял головы. Снова лязг, и Эгги понял, что он исходил из отверстий в стене.

Затем послышался грохот цепей: хомут Эгги потянулся назад. Он пошатнулся и упал, ударившись локтем, потом стал задыхаться, когда цепь натянулась и поволокла его по каменному полу. Он вытягивал руки, пытаясь за что-нибудь ухватиться, но пальцы натыкались только на одеяла, которые не могли служить опорой.

Глаза женщины расширились, и она покрепче прижала ребенка к груди. Ее цепь натянулась, и женщина тоже заскользила по полу.

– *Jesus, nos ayúda!*[14]

Мужчина пытался сопротивляться, но цепь тащила его так же легко, как и женщину.

Маленький мальчик заплакал. Стальные цепи быстро разлучили их с матерью. Их руки еще пытались уцепиться, но они были бессильны перед грубой механической силой.

Эгги почувствовал, что его спина уткнулась в стену, а край хомута впился в нижнюю челюсть и сдавил горло, перекрывая доступ воздуха. Ему удалось выпрямиться как раз в

[13] Не понимаю, сеньор (*исп.*).

[14] Помоги нам, Иисусе! (*исп.*)

тот момент, когда цепь подтянула хомут к настенному кольцу и, лязгнув в последний раз, остановилась. Рывки прекратились. Эгги сделал глубокий судорожный вдох. Схватившись за хомут, он попытался наклониться вперед, но цепь не поддалась.

Все четыре узника теперь находились в одинаковом положении: их хомуты были плотно прижаты к стальным кольцам, торчащим из стены. Руками люди хватались за шеи, ноги упирались в белую стену, но ни один из них не мог сдвинуться с места.

Все замерли в тревожном ожидании.

– Мама! – завизжал мальчик, к которому наконец вернулся дар речи. – *Qué está pasando?*[15]

– *No sé*[16], – ответила она. – *Sea valiente. Lo protegeré!*

До Эгги почему-то вдруг дошел смысл последней фразы мексиканки. *Будь храбр. Я не дам тебя в обиду*.

Только что она могла сделать? Эта женщина была столь же бессильна, как и ее сынишка.

Послышался звон ключей и громкий лязг открываемого замка. Когда дверь распахнулась, все четверо замерли.

В это было трудно поверить! Неужели это не страшный сон? Все вокруг, казалось, поплыло; стены засверкали нереальным белым светом. *Чертов героин… Я в отключке*.

Когда Эгги увидел, *что* появилось в их камере заточения, у него моментально сработали природные инстинкты. Теперь уже не имело значения, находится ли он все еще под кайфом, спит, бредит или, наоборот, остался в холодном и здравом уме. Он дернулся изо всех сил, едва не задушив себя… но хомут так и остался на месте.

В комнату вошли люди в длинных белых мантиях с капюшонами. Мантии были подпоясаны веревками. Только они не являлись *людьми* — у них были лица чудовищ. Свинья, волк, тигр, медведь, гоблин. Кривые, злобные улыбки и мигающие бусинки глаз. Этот ужас пробудил в Эгги ранее не известные инстинкты и эмоции. Волосы встали дыбом, душа завопила об избавлении. Монстр со свиным рылом нес деревянный шест длиной больше десяти футов. На конце шеста был крюк из нержавеющей стали.

Пятеро монстров в мантиях медленно направились к мальчику.

Мальчик, их ребенок… Он такой же ребенок, как и моя дочь, с кожей такой же гладкой, как расплавленный шоколад. Моя дочь… Пожалуйста, не убивайте мою дочь!…

Яростно сверкнув глазами, мексиканец дико закричал. Эгги заморгал, пытаясь отбросить воспоминания, которые, как ему казалось, уже остались далеко позади.

Женщина тоже закричала, охваченная ужасом.

Мальчик увидел приближающихся к нему чудовищ. Он забился в истерике, как эпилептик, брызгая слюной и кровью, а его глаза настолько расширились, что даже Эгги, находящийся от него на расстоянии в добрых пятнадцать футов, увидел их коричневые радужные оболочки. Мальчик цеплялся руками за свой металлический хомут, царапая ногтями мягкую кожу на шее.

Мужчина продолжал что-то угрожающе кричать по-испански, и его бессильный рев отзывался гулким эхом от белых стен.

Но облаченные в белое люди со звериными головами не обращали на него никакого внимания.

Они остановились всего в нескольких шагах от мальчика. Один из них достал какой-то прибор, с виду напоминающий пульт дистанционного управления, и нажал на кнопку. Натяжение цепи, к которой был прикован мальчик, ослабло. Он рванулся вперед, но успел

---

[15] Что происходит? (*исп.*)

[16] Не знаю (*исп.*).

сделать лишь три или четыре шага, прежде чем цепь снова дернулась, и он резко повалился на спину. Обхватив руками ноги, мальчик весь сжался от страха, закричал, пытаясь встать, но эти пятеро уже оказались рядом. Из белых рукавов высунулись руки в черных перчатках и крепко схватили его. Свинорыл взял свой шест и подцепил мальчика за кольцо в задней части хомута.

Человек с пультом нажал еще одну кнопку. Цепь, удерживающая мальчика, совершенно ослабла и полностью вышла из отверстия в стене. Она звонко ударилась о пол. Один конец цепи все еще был прикреплен к металлическому хомуту на шее мальчика, другой – абсолютно свободен.

Свинорыл ухватился за шест и направился к двери, волоча мальчика позади. Свободная цепь болталась сзади, словно дохлая змея, и ее звон отдавался леденящим эхом на каменном полу.

Эгги хотел очнуться. Очнуться *прямо сейчас*. Он все еще думал, что находится в бреду…

Мать молила о помощи.

Отец захлебывался в бессильной злобе.

Стиснутые пальцы мальчика оставляли тонкие красные полосы и пятна на белом полу. Свинорыл вышел. Повернув направо, он исчез из виду. Мальчик скользил за ним по полу. Трое узников увидели, как цепь, извиваясь по полу, в последний раз мелькнула перед ними и, стукнувшись о стену кольцом, исчезла.

Остальные монстры стали выходить из комнаты. Один за другим, они повернули за угол и исчезли. Последним вышел человек с мордой гоблина. Он повернулся и закрыл за собой дверь. Раздался металлический лязг, звуки поворачивающегося ключа, утонувшие в плаче и криках безутешной матери…

У Рекса неприятности

Рекс сидел в приемной больницы имени Святого Франциска. На сломанную правую руку был наложен гипс. Гипс начинался чуть выше локтя и захватывал все предплечье и даже ладонь. Наружу выглядывал лишь большой палец. И эту штуку предстояло носить не меньше четырех недель.

Ощущение ужаса до сих пор не покидало его, и в голове то и дело всплывали страшные картины недавних событий. Рука его, конечно, находилась в очень плохом состоянии, но скоро должна была приехать Роберта…

Алекс Пейнос – это ничто по сравнению с матерью.

Рекс едва сдерживал слезы. У них на это совсем не было денег. У них даже не имелось страховки. Но Алекс *сломал ему руку*… что теперь делать?

Она вошла в приемную, сразу же увидела сына и бросилась прямо к нему. Роберта… эти тонкие, противные жесткие волосы, пропахшие табаком, и такая же отвратительная кожа…

Она встала рядом. Рекс втянул голову в плечи, не ожидая ничего хорошего. А она впилась в него взглядом.

Ему захотелось просто умереть.

– Значит, ты снова подрался?

Рекс покачал головой, но знал, что это бесполезно.

– Не лги мне, мальчишка! Только взгляни на свой разбитый нос. Ты опять ввязался в драку…

Рекс чувствовал, что к глазам подступают слезы. Он ненавидел себя за то, что плачет. Он ненавидел мать за то, что она вызывала у него слезы. Он ненавидел Алекса. Ведь все слезы и синяки – из-за него.

Он ненавидел свою жизнь…

– Но они напали на меня, мама, и…

– *Не смей меня так называть!* – Громкий голос Роберты звонким эхом прокатился по приемному отделению. Она увидела, что в ее сторону стали оборачиваться, и понизила голос до привычного отвратительного шипения. – Прекрати немедленно, Рекс. Ты вообще представляешь, во что это все мне обойдется?!

Рекс снова затряс головой. По его лицу потекли слезы.

Тяжело дыша, Роберта подошла к стойке выписки счетов. Она обменялась парой фраз с женщиной за стойкой, после чего та вручила Роберте счет.

Роберта пробежала его глазами. Затем она повернулась к сыну, и под ее грозным взглядом Рекс съежился еще сильнее…

Мальчик прикрыл лицо здоровой рукой, и его пальцы быстро намокли от слез. Он качался взад-вперед. Он не хотел никуда идти, но деваться ему было некуда.

У него никого не было…

Шэрроу отправляет Брайана домой

– Клаузер.

Кто-то похлопал его по плечу. Брайан, не оборачиваясь, попытался ответить что-нибудь вроде: «Оставь меня в покое, или я тебя убью», но смог пробормотать лишь что-то нечленораздельное.

Его снова похлопали по плечу.

– Клаузер!

Это был голос капитана Шэрроу. Брайан заморгал и очнулся.

– Клаузер, здесь не место для сна.

Проклятье… Выходит, он заснул за столом.

– Простите, капитан.

Джесси Шэрроу неодобрительно покосился на него. Белые волосы и густые белые брови лишь подчеркивали его угрюмый взгляд. Брайан начал вставать; едва приподнявшись, он ощутил ноющие боли в мышцах и костях и снова бессильно упал в кресло.

– Боже милостивый, – проговорил Шэрроу. – Вытри-ка свой подбородок…

Брайан потрогал щеки: что-то мерзкое и липкое. Ничего не скажешь: представил себя перед боссом в самом выгодном свете… Он вытер слюну.

Шэрроу указал на кучу бумаг на столе Брайана:

– Перепечатай это.

Слюна, как назло, просочилась и на отчет Брайана…

– Простите, – растерянно проговорил тот.

– Отправляйся-ка домой, инспектор Клаузер. Ты совершаешь большую глупость, болтаясь здесь и разнося повсюду свои микробы. Хочешь весь отдел уложить наповал?

– А я ни с кем… не общался, капитан. За исключением вас, естественно.

– Все, уноси отсюда свою задницу, – сказал Шэрроу. – Ты сейчас настолько уродлив, что даже моя благоверная рядом с тобою выглядит красоткой. Тебе это хоть о чем-нибудь говорит?

– Конечно, конечно.

Нагнувшись к Брайану, Шэрроу сердито проворчал:

– Вот что, Клаузер, не говори плохо о моей жене.

– Да-да, капитан.

– И, серьезно, отправляйся домой.

– Но, капитан, у меня еще не оформлены документы для комиссии по расследованию…

– Не трудись, это не стоит хлопот. Можешь отправить свой отчет по электронной почте. Я не хочу прикасаться ни к чему, до чего ты дотрагивался. В общем, чтобы через десять минут тебя здесь не было.

Шэрроу повернулся и удалился прочь.

Брайан уже четыре года не брал больничный. Но задремать за рабочим столом, пустить слюни на документы… Может быть, это и к лучшему, если он сейчас отправится домой. Положив обе руки на стол, Брайан оттолкнулся и встал, чувствуя, как надрывается каждый мускул.

На стол упала скомканная двадцатка.

Клаузер поднял взгляд. Ее швырнул Пукки.

– Возьми такси, – сказал он. – Я тебя не повезу.

– Не хочешь сажать больного парня в свою машину?

Пукки с отвращением выдохнул.

– Ты уже был в моей машине. Я не повезу тебя, потому что ты сказал, что хочешь пообщаться с Шэрроу, а не со мной. У меня, знаешь ли, тоже есть чувства.

– Прости, не хотел.

Пукки покачал головой.

– Мужчины. Все вы свиньи… Может быть, вместо такси лучше вызвать «Скорую»?

– Нет, я в порядке.

Брайан с трудом выбрался из своего кабинета и подошел к лифту. Чем скорее он заснет – в настоящей кровати, – тем лучше.

Телефонный звонок

Редкий момент, когда она наконец-то дома и никто ее не беспокоит…

Воспользовавшись этими минутами, Робин сидела на диване и ничего не делала. Только почесывала ухо своей собаки Эммы. Голова Эммы покоилась на коленях у Робин.

Конечно, Эмме не разрешалось забираться на диван. Об этом знала собака, об этом знала и Робин, и все-таки ни та, ни другая ничего не могли с этим поделать. Робин в эти дни так редко бывала дома, что ей просто не хотелось препятствовать желанию шестидесятипятифунтового немецкого короткошерстного пойнтера быть к ней поближе. Робин медленно теребила черное ухо собаки. Эмма стонала от счастья, издавая урчание, очень похожее на кошачье мурлыканье.

Поскольку обязанностей у Робин прибавилось, увеличилось и ее время пребывания в морге. К счастью, ее сосед, Макс Бланкеншип, мог почти всегда выручить ее и позаботиться об Эмме, если Робин задерживалась на работе. Макс отводил Эмму к себе домой, где они играли с Билли, гигантским питбультерьером. Макс был мил, добр, умен, красив, чертовски сексуален, и к тому же у него был ключ от ее квартиры. В общем, прекрасный человек, если бы не одно маленькое «но»: «Большой Макс» был геем.

У Робин зазвонил сотовый телефон. Она посмотрела на экран, но не узнала, от кого поступил звонок. Женщина хотела пропустить этот вызов, но звонок мог быть связан с работой, и она ответила.

– Алло?

– Доктор Робин Хадсон? – спросил женский голос.

– Да, это я. А кто говорит?

– Вас беспокоят из офиса мэра Джейсона Коллинса. Мэр хотел бы с вами побеседовать. Вы можете подождать минутку?

– Гм, да, конечно.

Телефон переключился на музыкальную заставку. Офис мэра? В десять часов вечера! Зачем она вдруг понадобилась мэру?

Робин вспомнила, что именно мэр назначает главного судмедэксперта…

О, нет… Неужели что-то случилось с доктором Метцем?

Музыкальная заставка прервалась.

– Доктор Хадсон?

Она уже много раз слышала его голос в новостных репортажах. Значит, это не шутки. Черт возьми…

– Да, это Робин Хадсон.

– С вами говорит мэр Коллинс. Простите, что беспокою вас в такой поздний час, доктор Хадсон. Вы предпочитаете, чтобы я вас называл *доктором*, или мне можно обращаться к вам по имени?

– Конечно, по имени! А с доктором Метцем всё в порядке?

– К сожалению, нет, – ответил мэр. – Дело в том, что сегодня вечером доктор Метц перенес сердечный приступ. Он в главном госпитале Сан-Франциско.

– Боже мой! – У нее екнуло сердце от внезапной мысли о том, что они могут больше никогда не увидеться, что смерть разлучит их навсегда. – Он поправится?

– Врачи считают, что поправится, – сказал мэр. – Сейчас он в стабильном состоянии, но пока жизнь его в опасности. Больница держит меня в курсе, а я поручу, чтобы эту информацию сообщали также и вам.

– Спасибо, господин мэр.

– Наверное, вы понимаете, почему я вам звоню?

Робин кивнула, почесывая ухо Эммы.

– Видимо, нужно кого-то назначить исполняющим обязанности главного судебного медика, – проговорила она вслух.

– Правильно. Надеюсь, что наш Серебряный Орел полностью поправится. Если он не сможет вернуться к полноценной работе, то мы запустим общенациональную кампанию по подбору нового главного судмедэксперта. Но до всего этого еще далеко. Могу ли я пока рассчитывать на вас?

Готова ли она к этому? Сможет ли управлять отделом судебно-медицинской экспертизы и не напортачить? Но сомневаться в себе ей не приходилось, ведь и сам Метц наверняка рассчитывает, что она в случае чего сможет его подменить.

– Конечно, – ответила Робин. – Я постараюсь сделать все, что от меня зависит. Так, как меня всегда наставлял доктор Метц.

– Превосходно. Знаю, что предстоит много работы, поэтому не буду вас утомлять. Со своей стороны не могу не заметить: я очень рад, что за дело возьмется представитель нашего активного азиатско-американского сообщества.

Если бы она не была так потрясена и огорчена новостями о сердечном приступе ее наставника, то, возможно, рассмеялась бы – мэр Коллинс всегда найдет способ заручиться голосами. Выходцы из Азии составляли одну треть избирателей Сан-Франциско. Он, вероятно, не знал, что она выросла в Канаде, будучи дочерью англичанина-иммигранта. Однако Робин унаследовала внешность своей матери, а значит, в глазах мэра предстала в наиболее выгодном для себя свете и могла бы – с легкой руки репортеров – претендовать даже на фотосессию с ним. Нет, она отнюдь не возражала против снимка в компании такого очаровашки, как Коллинс; с его пошитыми на заказ изысканными костюмами, дорогими стрижками и широкой располагающей улыбкой, красавчик мэр многие годы возглавлял список *самых завидных холостяков*.

– Вот еще о чем нужно подумать, – сказал мэр. – В то время как мы, в случае необходимости, займемся поисками нового руководителя отдела судебно-медицинской экспертизы, вы можете приступать к работе прямо сейчас. Если вы захотите продолжить эту работу на долгосрочной основе, можете рассчитывать на нашу поддержку. Считайте, что у вас есть огромная фора.

Неужели ее кандидатуру всерьез рассматривали для такой высокой должности?

– Конечно, господин мэр.

– И вот еще что, Робин. Дело Пола Мэлоуни очень щепетильное. Тонкое, я бы сказал. Я знаю, что доктор Метц закончил осмотр, поэтому распорядился, чтобы тело Мэлоуни удалили из морга.

– И теперь его увезут… куда?

– Куда-нибудь в безопасное место, – ответил Коллинс. – Боюсь, что, учитывая прошлое этого Мэлоуни, его жертвы или родственники жертв захотят осквернить тело.

Неужели кто-то попытается проникнуть в морг Сан-Франциско?

– Господин мэр, я не думаю, что об этом стоит беспокоиться.

– Но я все же беспокоюсь, – сказал он. – Я знаю, что морг расположен в здании суда, но при этом не забываю, что полицейские – тоже чьи-то родители. Теперь, когда доктор Метц впервые за много лет выбыл из строя, у кое-кого могут зачесаться руки. Я хочу лишить злоумышленников какого бы то ни было искушения. Когда вы явитесь на работу завтра утром, тело Мэлоуни должно покинуть морг. Вы понимаете меня?

Робин ничего не понимала. Совсем ничего. Обработка покойного производилась в соответствии со строгим протоколом. Но, возможно, это был политический ход. Во всяком случае, Джейсон Коллинс являлся ее боссом, и она не собиралась «раскачивать» эту лодку, тем более сейчас, когда на кону стояла ее будущая карьера.

– Да, господин мэр, – сказала она. – Понимаю.

– Отлично. Робин, я искренне рад, что вы согласились. Мы сообщим вам, когда к доктору Метцу начнут пускать посетителей. Доброй ночи.

– Доброй ночи.

Робин отключила вызов и долго не отводила глаз от телефона. Она смотрела на него так долго, что Эмма, наверное, даже подумала, что телефон – какая-то особая игрушка, поэтому тоже с интересом уставилась на него.

Робин положила телефон, затем потрепала Эмму за уши. Собака, прикрыв глаза, заурчала от удовольствия.

– Слышишь, девочка? – ласково проговорила Робин. – Мне очень жаль, но, видимо, тебе придется чаще видеться со своим дядей Максом. Намного чаще.

Засада охотника

Как и любой хороший охотник, Брайан терпеливо ждал. Он понятия не имел, как здесь оказался, но он узнал это место. Клаузер находился на Пост-стрит, стоя спиной к брошенной прачечной-автомату, на углу небольшого переулка под названием Мичем-плейс. Вход в переулок преграждали металлические ворота высотой футов десять, не меньше. Вот за этими воротами он и заберет свою добычу…

Укрывшись влажным вонючим одеялом, Брайан лежал, не издавая ни единого звука. Уличные фонари освещали большую часть бетонного тротуара, на котором плясали и выгибались тени от проезжающих мимо автомобилей.

Одеяло покрывало каждый дюйм его тела, за исключением узкой щели, через которую он мог наблюдать за происходящим. Прохожие игнорировали его присутствие, да и стоило ли обращать внимание на еще одного вонючего бездомного, ночующего на улице? Таких в Сан-Франциско сколько угодно. Люди проходили мимо, на расстоянии всего нескольких шагов, не осознавая, что под изодранным отвратительным куском ткани скрывалась смерть. Много раз по ночам он хватал беспечных людишек и волок в темноту…

Сейчас он поджидал мальчика с вьющимися темными волосами.

Хвала и честь королю…

Сначала пришли видения. Ненавистные лица, привкусы страха и потоки оскорблений, приступы беспомощности… Через эти галлюцинации Брайан ощутил, каково это – подвергаться постоянному запугиванию группой подростков, побоям со стороны женщины, которая, наоборот, должна была прийти первой на помощь, терпеть надругательства человека, который обещал любовь…

Все эти люди жестоко обидели короля. Поэтому все они должны быть жестоко наказаны. Да как они только *смеют* причинять ему боль? Брайан и другие искали и выслеживали, они наблюдали, они охотились, пока лики из их снов не обретали плоть и кровь…

Первым стал священник. Он мог умереть лишь один раз, поэтому они решили продлить себе удовольствие.

Теперь та же участь ждет и хулиганов.

Брайан хотел добраться до белокурого мальчика, их вожака, но его трудно было отследить. А вот кучерявый подросток оказался вполне предсказуем. Он часто ходил этим путем.

Однако недостаточно лишь убрать кучерявого мальчика, заставить его исчезнуть. Он был слишком зол на них и слишком долго мучился: как и в случае со священником, об этом должны были узнать другие люди.

Хвала и честь королю…

Курчавый подросток свернул за угол. Брайан не издал ни звука и остался лежать в засаде, следя за своей добычей. Он был не самым смышленым, но в охоте ему почти не было равных. Несмотря на свои габариты, Брайан умел подбираться незаметно, и добыча никогда не видела, как он настигал ее.

Подросток шел по тротуару неторопливо и важно – так, будто целая улица принадлежала ему одному. Будто это его территория, его вотчина. Он имел внушительные габариты, и многие люди постарались бы избежать встречи с ним в темном переулке. Юный возраст настраивал его на романтические мысли о том, что именно он управляет своей жизнью и никто не захочет встать у него на пути.

Одно начало…

Брайан чувствовал невероятный азарт от охоты, ощущение сильное и очень свойственное таким, как он, – почти как жажда. Брайан хотел убивать, *ему нужно было* убивать.

Из-под белой бейсболки подростка торчали черные, вьющиеся волосы. На нем была темно-красная куртка с большими, наклонными буквами «ВС» на левой стороне груди. Между этими буквами – с отведенными назад крыльями и вытянутыми когтями – сидел орел.

Подросток подошел ближе. Брайан дышал медленно, размеренно. Парень бросил на него взгляд, затем сморщил свой нос и отвел взгляд. Он поравнялся с Брайаном, сделал еще два шага, после чего услышал голос:

– Помоги… мне…

Голос звал откуда-то из-за черных ворот. Подросток остановился, потом заглянул сквозь решетку ворот на Мичем-плейс. Брайан знал, что он должен увидеть. Справа – невысокие деревья, растущие вдоль узкого тротуара, всего в шаге от кирпичной стены, и темные неровные тени от листвы. Слева – осыпающаяся каменная кладка прачечной, битые окна и густые слои граффити. А в середине, на потрескавшемся тротуаре, – бородатый человек в белой майке.

Брайан терпеливо ждал. На улице еще было много автомобилей, и если мальчишка сбежит, Брайан позволит ему уйти. А вот если он зайдет в переулок, Брайан и остальные набросятся на него.

Хватай наживку…

Подросток посмотрел вниз, потом налево, еще раз решив про себя, что бездомный под грязным вонючим одеялом явно не стоит его внимания.

Человек в переулке позвал еще раз, настолько тихо, что никто, кроме подростка, его не услышал.

– Помоги мне… пожалуйста. Мне больно.

Хватай наживку…

Мальчик схватился за черные металлические прутья и, стараясь не напороться на заостренные концы, осторожно перелез через ворота.

Брайан беззвучно двинулся, повернув голову в сторону Пост-стрит: улица пустовала, и можно было действовать. Он тихо встал, но не выпрямился. Брайан накинул на себя одеяло, чтобы никто не смог увидеть его лицо. Полусгнившая ткань перекрыла ему боковой обзор, но сейчас это уже не имело значения.

Его снова охватил подспудный страх. Монстр всегда где-то там, он рядом… Брайан поднял голову, внимательно осмотрел соседние здания в поисках какого-нибудь движения.

Ничего.

Он должен был нарисовать символ, и поскорее, иначе монстр доберется до него.

– Эй, мистер, – услышал он голос подростка. – Что с вами?

Неужели парень собирается ему помочь? Или он просто ищет легкую жертву?

Это не имело значения.

Брайан немного согнулся, затем подпрыгнул, перелез через ворота и тихо спрыгнул на противоположной стороне.

Одно начало. Одна семья.

На земле лежал человек в грязных джинсах и белой майке, из-под которой выпирал огромный живот. На голове у него была зеленая кепка «Джон Дир». Увидев подростка, он протянул к нему свою толстую руку.

– Помоги… мне. *Пожалуйста*.

Марко был неплохим актером…

Подросток подошел поближе.

– У тебя есть деньги, придурок?

Азарт охоты всколыхнул Брайана. Он шагнул к добыче. Однако при этом подошва его ботинка задела маленький камешек на асфальте. Раздался легкий щелчок, заставивший курчавого подростка обернуться.

Брайан тут же ощутил его страх. Подросток понял, что совершил ошибку: путь назад был отрезан, а сам он угодил в ловушку, оказавшись между двумя взрослыми мужчинами. Его пальцы сжались в кулаки, глаза сузились, а голова слегка опустилась, как будто он готов в любую секунду броситься на обидчика. Пацан вел себя как большинство загнанных в ловушку животных…

– Ну-ка отвяжитесь, – предупредил он Брайана. – Не вздумайте дергаться, гнусные задницы.

В этот момент за спиной у подростка Марко бесшумно поднялся на ноги.

Брайан наконец выпрямился и сбросил с себя грязное одеяло.

Лицо подростка переменилось. Былая надменность прошла, а злой и ледяной взгляд уступил место замешательству.

Он отступил назад, уткнувшись прямо в толстый живот Марко.

Подросток обернулся, оказавшись лицом к лицу с «придурком». Под его густой бородой было трудно что-то разглядеть, но Брайан знал, что Марко улыбается.

Тот сунул руку за спину. Когда его рука снова вынырнула оттуда, то сжимала покрытый ржавчиной топор…

– Нет, не надо! – закричал подросток; он больше не выглядел таким крутым, как раньше.

Брайан услышал звуки падающих предметов. К подростку с разных сторон подошли двое. Один так и остался под темным одеялом; он старательно закрывал свое лицо, и через узкую щель виднелся лишь желтый глаз…

Другой отпустил свое одеяло, и оно медленно сползло вниз.

Брайан вздрогнул от ужаса. Человек с фиолетовой кожей, большими черными глазами. Он на мгновение уставился на подростка, затем широко улыбнулся, обнажив ряд больших белых треугольных зубов.

Тот, который был все еще укрыт одеялом, заговорил.

– Пьер, – произнес он голосом, похожим на звук наждачной бумаги. – Этот – твой. Бери его.

Слай сдержал обещание.

Хвала и честь королю, ублюдок.

Брайан бросился вперед. Он схватил хулигана сзади, впившись зубами в плечо своей добычи. Ощутил во рту хруст ломающихся костей, нейлоновый вкус темно-красной куртки и сладкое тепло брызгающей крови…

* * *

Брайан открыл глаза. Сердце бешено колотилось в груди.

Вены, мышцы и даже кожа пульсировали от притока адреналина. Он присел на край кровати, вглядываясь в темноту и чувствуя небывалую эрекцию.

Этот сон служил своеобразным продолжением предыдущего. Брайан уже не просто преследовал жертву, он на нее *напал*. Он попробовал вкус крови. Он *до сих пор* ощущал этот вкус. Итак, почему же он дрожал от возбуждения, когда его должно было, наоборот, вырвать от отвращения? Почему у него такой «стояк», что даже самому неловко?

Кроме того, почему он так явственно чувствовал, что *за ним* кто-то пристально наблюдает и хочет убить?

– Что, черт возьми, со мною происходит?!

Никто не ответил, потому что больше в комнате никого не было. Здесь никогда никого не было, кроме него. Брайан являлся единственным обитателем тихой и уютной квартиры, с тех пор, как съехал от Робин…

Он протянул руку к тумбочке, чтобы взять ручку и блокнот. И начал рисовать. Несколько неаккуратных линий. Он даже не знал, что это такое. Однако то странное, тревожное ощущение слежки со стороны постепенно исчезло…

Брайан медленно и шумно выдохнул, затем положил ручку с блокнотом обратно на тумбочку.

Несколько мгновений он пристально вглядывался в рисунок, потом взял в руки и приписал внизу:

Мичем-плейс.

Он снова отложил блокнот, затем бросил взгляд на трусы – эрекция пропала. Брайан почувствовал себя намного лучше, но пытаться вновь заснуть не имело никакого смысла: он до сих пор ощущал на губах горячую кровь того подростка.

И она была приятна на вкус…

Брайан накинул на плечи стеганое ватное одеяло и поплелся в гостиную, почувствовав внезапное желание посмотреть по кабельному каналу очередной ужастик…

Приятные сны

Рекс внезапно проснулся и присел на кровати. Его грудь высоко вздымалась, с лица стекал пот, который быстро остывал на вечернем воздухе.

Во сне Рекс не боялся Оскара.

Это *Оскар* боялся *Рекса*.

Захват, укус, а потом этот манящий вкус…

Вкус крови.

Рекс отбросил край сырого одеяла. Потная кожа ощутила приятный холодок. *Внизу*, между ног, тоже стало холоднее…

Он взглянул на дверь спальни. Она была закрыта. Рекс посмотрел на часы – 3:14 утра, Роберта еще должна спать.

Он сбросил ногами одеяло. В слабом красном свете будильника увидел на трусах темное пятно. Опустил руку и дотронулся до него.

Мокрое.

Рекс снова посмотрел на дверь. Значит, во сне он совершил страшный, *отвратительный* проступок. Узнает она или нет? Если узнает, то ему точно не сдобровать.

Рекс задрожал. Потихоньку сняв трусы, запихал их на самое дно сумки с книгами. Потом вытащил парочку влажных салфеток и вытерся. Надевая свежие трусы, он то и дело поглядывал на дверь.

Как все-таки странно, что ему приснился Оскар…

Рекс тихо подошел к столу. Уличный фонарь за окном отбрасывал тусклый свет на его новый рисунок. На нем он, Рекс, разбивал кувалдой череп Оскара Вуди.

О, как бы ему хотелось этого на самом деле! Как хотелось отомстить им, заставить заплатить ему за все… Но рисунки и сны далеки от реальной жизни. Рекс почувствовал, как на глаза наворачиваются слезы. Схватив бумагу, он скомкал ее и швырнул в мусорницу. Потом снова забрался в постель, влажную от пота. Положил голову на подушку и плотнее укрылся одеялом.

Зажмурив глаза, он трясся и тихо плакал.

Брайан Клаузер: человек утра

Коричневый «Бьюик» резко перестроился – сразу через три ряда. Брайан закрыл лицо руками, стараясь не обращать внимания на целый хор гудков раздраженных водителей.

– О боже, Пукс… Постарайся не угробить меня до того, как мы снова вернемся к ночным сменам!

– Дружище, – ответил Пукки. – У меня появились еще кое-какие идеи на тему нашего сериала.

– Это *твое* телешоу, Пукс, а не *наше*. Я ничего туда не пишу.

– Ты – исполнительный продюсер, – сказал Пукки. – В любом случае никто не знает, чем занимаются продюсеры. Вот в чем моя идея: мы создаем образ соблазнительной супруги шефа полиции. Она не получает должного внимания со стороны своего одержимого работой мужа, а ей так хочется чувствовать себя сексуальной и привлекательной. Она использует природную женскую хитрость, чтобы заманить в свои сети Молодых Мятежных Детективов. Однако ее прыть вскоре обернулась боком, когда красавец-детектив – в основу этого образа положен, естественно, я, – наконец укладывает ее в постель в позе «Чанг-Банг».

Брайан не смог сдержать смех. «Чанг-Банг» была заимствована из предыдущего проекта Пукки, книжного подарочного издания под названием *«69 сексуальных позиций, о которых забыла Камасутра»*.

– Напомни-ка: «Чанг-Банг» – это та поза… с трапецией?

– Нет, трапеция используется только в *«Золотом осведомителе»* Гренджера. «Чанг-Банг» – это позиция с хула-хупом и полуперевернутым углом на барном табурете.

Брайан вздохнул и выглянул из окошка.

– Ну да. Хула-хуп, чертов обруч… Как я мог забыть?

– Так или иначе, мы ставим «галочку» на горячей сексуальной сцене и заодно получаем настоящую драму, когда наш сиюминутный флирт превращается в бурную любовную интригу.

– В жаркую.

– Что?

– В жаркую, не бурную.

– Да ради бога! – сказал Пукки. – Пусть интрига будет жаркой. Об этом узнает Штаб-Сержант с Золотым Сердцем и пытается образумить Молодого Мятежного Детектива. И все это резко накаляет отношения между Молодым Мятежным Детективом и его Немезидой, Раздражительным Начальником Полиции из породы Старой Гвардии.

– Твое шоу, вообще-то, больше о сексе, чем о работе полиции, – заметил Брайан. – Ты что, усиленно трахаешься все эти дни?

Пукки покачал головой:

– Да нет. Когда я работаю над сценарием, то своих Джуниора и Близняшек держу в чулане.

– Хорошо, тогда, может быть, тебе стоит на некоторое время отложить *бурные* сцены в своем шоу и заняться… собственным сексуальным здоровьем? Только смотри не подхвати сифон…

Голова Пукки резко повернулась вправо. Он с усмешкой уставился на Брайана. В то же самое время автомобиль повернул в левый ряд.

Брайан с ужасом указал на несущийся навстречу грузовик: – Смотри, куда едешь, пижон!

Пукки увидел грузовик, резко вывернул вправо, вернув «Бьюик» в свой ряд. А грузовик ответил мощным ревом сирены.

– Пукс, что за черт?!

– Прости, – сказал он. – Так вышло. А у тебя получилось, приятель!

– Получилось что?

– Придумать название.

– ???

– Название телешоу, – сказал Пукки. – Мы ведь об этом болтаем последние пятнадцать минут!

– И что это за название?

– *Сифон.*

Наверное, это можно было бы посчитать неплохой шуткой, но его друг выглядел серьезным.

– Пукс, ты что, собираешься назвать свое телешоу «Сифоном»?

Пукки кивнул.

– Но ведь так нельзя!

– Еще как можно, – усмехнулся он. – Половина – полицейская драма, другая половина – «мягкое» порно. Вспомни: все классические телешоу, которым удалось просуществовать больше трех сезонов, так или иначе связаны с этой темой.

– Но ты уж так не перегибай! – возразил Брайан. – Задумал сценарий полицейского шоу, а в итоге все сводится к банальной порнухе.

– Право же, *сексуальный аспект* ничего не испортит. И вообще сейчас это – веяние времени. Сценарий с сексуальным «оттенком» лишь добавит интереса к шоу и привлечет больше поклонников… Боже! Я совсем забыл отправить СМС.

Одной рукой Пукки вел «Бьюик», а другой начал судорожно нажимать на кнопки мобильника.

Брайан с тревогой смотрел на друга и нервно поглядывал на дорогу.

– Послушай, есть ли смысл напоминать тебе о том, что нельзя одновременно ковыряться в телефоне и вести машину?

– Нет, – ответил Пукки. Он в последний раз нажал на кнопку и сунул телефон в карман. – А как же твои сны, Брай-Брай? Было ли что-нибудь новенькое? Это важно для моей сюжетной линии.

Помолчав, Брайан покачал головой.

– Ну, расскажи, – попросил Пукки. – Хочу услышать собственными ушами. Такой же сон, как и в первый раз?

Брайан закрыл глаза. Он снова ощутил на языке вкус свежей крови.

– Нет. Хуже.

– Ну-ка, ну-ка! Давай колись. Что стряслось?

– Я, правда, не совсем уверен, – проговорил Брайан. А потом выдохнул: – Думаю, я оторвал ему руку…

Он не мог произнести то, что хорошо запомнил: «Я *ОТКУСИЛ ему руку, и она оказалась вкуснее всего, что я когда-либо пробовал»*.

– Оторвал ему руку, говоришь – повторил Пукки, спокойно кивнув, как будто то, что он услышал, было вполне нормальным и обыденным. – Прекрасно. И что же ты сделал с этой рукой?

Брайан закрыл глаза, пытаясь заново выстроить цепочку событий.

– Не знаю. После этого я сразу же проснулся. Но произошло еще кое-что необычное.

– То есть?

– У меня был такой «стояк», дружище…

Пукки шумно выдохнул и усмехнулся.

– Тоже мне новость! Я просыпаюсь с этим каждый день. Даже толком поссать не могу в туалете. Никак не могу наклонить своего «приятеля». Приходится идти в душ, иначе весь туалет можно испачкать…

– Спасибо за откровение.

– То есть, когда ты проснулся, твой член стоял торчком? Ну и что с того?

Брайан прикусил нижнюю губу.

– Я уверен, что это произошло из-за убийства.

А первый сон тоже возбудил его? Нет, нет, этого он сейчас не мог припомнить. Но вот когда убил подростка, и вся ненависть смешалась с нестерпимой жаждой боли, жаждой *страха*… Брайан тщетно пытался отбросить от себя эти мысли…

– Это произошло на том же самом месте? – спросил Пукки. – Ты узнал то место из сна?

Брайан начал говорить, затем замолчал, вспомнив о красном одеяле на Ферн-стрит. Он ведь увидел его во сне, а потом – невероятно! – обнаружил в действительности. А что если в прошлом сне было что-то такое, что ему угрожало, – нечто намного худшее, чем брошенное красное одеяло с желтыми уточками и коричневыми кроликами?

Чтобы успокоиться, требовалось быстро туда наведаться.

– Угол Пост-стрит и Мичем-плейс, – быстро и уверенно проговорил Брайан.

– Ну, ну, – недоверчиво буркнул Пукки. – Угол Пост и Мичем…

Без особых на то причин он внезапно сместился в другой ряд и, подрезав «Фольксваген», помчался в сторону Пост-стрит.

Порция реальности Брайана Клаузера

Пукки остановил машину. Мичем-плейс выглядела тихой и безлюдной. Въезд в короткий переулок перегораживали черные металлические ворота. Асфальт на тротуаре был изрезан трещинами и местами выбит. Кругом виднелись кучи мусора. На правой стороне переулка росли четыре хрупких деревца, дожидающихся того радостного момента, когда солнце взойдет повыше и осветит их листья своими теплыми лучами.

Брайан уставился на брошенное одноэтажное здание слева. Три арочных окна бывшей прачечной были заколочены разрисованными фанерными щитами. На противоположной стороне находилось трехэтажное узкое кирпичное здание – на первый взгляд вполне ухоженное. Разруха на одной стороне улицы, роскошь – на другой: вполне привычный вид одного из районов Сан-Франциско…

На углу брошенного здания, там, где тротуар поворачивал под черными воротами и вел в переулок, Брайан увидел то самое место. *Место, где он сидел в засаде, подстерегая свою добычу – подростка, который вот-вот должен был пройти мимо…*

Брайан опустил стекло… и *принюхался*.

Нос ощутил какой-то знакомый насыщенный запах из переулка. Это был тот же самый запах, который вызвал у него головокружение на крыше, рядом с трупом Пола Мэлоуни. Который осматривали Полиэстер Рич и доктор Метц…

Тот же самый запах, но с какими-то новыми нотками.

– Пукс, ты чувствуешь, как пахнет?

Он услышал, как Пукки засопел носом.

– Ну да. Вроде мочой, ага?

Мочой. Ага. Мочой, но и еще чем-то.

Брайан повернул голову и посмотрел на четыре деревца, торчащие рядом с узким тротуаром. У самого дальнего из них, между стволом и зданием…

Да, да! Темное скомканное одеяло…

– Брай-Брай?

Одеяло, которым было накрыто что-то. Что-то размером с… человека.

Взрослого человека или… крупного подростка.

Нет! Это же был всего лишь сон! Всего лишь сон…

Брайан снова ощутил на языке вкус горячей крови. Во рту начала выделяться слюна.

– Эй, ну, в самом деле! – покосился на него Пукки. – С тобой всё в порядке?

Брайан не ответил. Он вышел из автомобиля и направился к черным воротам. Схватился за металлическую решетку, как заключенный – за прутья в своей камере. Острые концы прутьев были на высоте трех футов над головой. Во сне он с какой-то невообразимой легкостью перемахнул через эти ворота, однако сейчас понимал, что в реальном мире это просто невозможно.

Темное одеяло выглядело… мокрым. Мокрые пятна виднелись и на тротуаре. Пятна и полосы. И не только на тротуаре: также и на кирпичной стене. Там были какие-то линии и рисунки, символы и слова. Смутно, в подсознании, он узнал эти вещи, но смотрел на них лишь краем глаза – все его внимание было приковано к одеялу.

Брайан стал с грохотом взбираться наверх.

Раздался звук захлопнувшейся дверцы автомобиля.

– Брайан, ответь же мне, наконец.

Тем временем Брайан уже спустился на тротуар с другой стороны и направился к одеялу.

Позади него снова раздался металлический грохот, сопровождаемый глухим звуком ботинок, тяжело ударивших о тротуар.

– Брайан, это же *кровь*. Она повсюду!

Клаузер не отвечал. Этот всеподавляющий запах…

– Ею все стены измазаны, – сдавленно проговорил Пукки. – Господи Иисусе, я думаю, они нарисовали кровью какую-то картину… Прямо на этих гребаных стенах!

В этот момент Брайан добрался до одеяла и ухватил пальцами край *мокрой* ткани.

Он с силой дернул за одеяло…

Изувеченный труп. Правая рука оторвана. Из области шеи выступает часть ключицы. Живот весь изрезан, кишки вырваны, а потом уложены обратно… нет, скорее, запиханы обратно. *Ужасно много крови*…

А потом это *лицо*. Опухшее и раздутое. Вместо одного из глаз – окровавленное месиво. Выбитая челюсть. Даже собственная мать этого подростка едва ли узнала бы в нем своего сына!

Но волосы… Брайан узнал эти волосы.

Черные, вьющиеся, жесткие, как проволока.

Слева от трупа валялась забрызганная кровью белая бейсболка.

– Брайан…

Это снова Пукки. Что-то в его голосе вынудило Брайана повернуться. Чанг уставился на изуродованное тело подростка. Он посмотрел на Брайана, и в глазах его мелькнули недоверие и шок.

– Брайан, как ты… как ты узнал об этом?

Клаузер не смог ответить. Запах мочи был настолько сильным, что у него снова закружилась голова.

Правая рука Пукки находилась возле левой половины его спортивной куртки.

– Брайан, это ты?..

Он покачал головой.

– Нет. Да что ты! Ты же знаешь, что я не мог натворить такое.

Глаза напарника показались ему слишком холодными. Может быть, именно таким и видят его бандиты, когда он направляет на них свой пистолет? Беззаботный и веселый, Пукки Чанг может в одно мгновение превратиться в жестокого блюстителя закона.

– Выходи из переулка, – тихо сказал Пукки. – Медленно. И держи руки подальше от своего оружия.

– Пукс, говорю же тебе, это не я…

– Ты *знал*. Откуда тебе это известно?

Это был, наверное, самый трудный вопрос. И если существовал ответ, то хотел ли Брайан знать его?

– Я уже говорил, – вздохнул Брайан. – Мне приснилось.

Пукки сделал глубокий вдох, затем кивнул.

– Ну, хорошо. Пусть будет сон. Если бы ты *сознательно* сделал это, неважно по какой причине, то не рассказал бы мне и, уж будь уверен, не приволок бы меня сюда, прямо к трупу. Но это не меняет главного: ты *знал*.

– Пукс, я…

– *Закрой-ка рот*, Брайан. Вот что мы сейчас сделаем. Я буду верить своему чутью, а не глазам. Ты сейчас выйдешь из переулка и постоишь в сторонке, пока я тебя не позову. А я вызову наряд полиции. Мы соберем все улики и выясним, причастен ты к этому или нет. Тем временем ты обещаешь не говорить никому *ни слова* о своих снах или о чем-либо еще. А я наберусь терпения и буду молить Бога, чтобы мой лучший друг, мой напарник, не оказался гребаным убийцей.

Неужели Пукки подозревает его? Но он хорошо знает Брайана – лучше, чем кто-либо…
– Я не убийца, – тихо сказал Брайан. – Этого не может быть.
Пукки поднял брови.
– Да? Ты точно в этом *уверен*?
Брайан открыл рот, чтобы ответить, но у него ничего не вышло.
Потому что на самом деле он совершенно не был в этом уверен…

Пукки и его напарник

В своей жизни Пукки Чанг видел много отвратительных вещей. И с трупами тоже приходилось сталкиваться. Когда он служил в Чикаго, то уже второе по счету происшествие было связано с жестоким убийством. Парень насмерть забил собственную мать, затем попытался избавиться от тела, разрезав его на куски и спустив в мусоропровод… Нет, после такого вы никогда не сможете остаться прежним – вы меняетесь. До чего же порой могут докатиться люди! Как потом их вообще называть людьми?! Многие подобные случаи заставили Пукки даже усомниться в собственной вере. В конце концов, как любящий всех Всемогущий Господь мог допустить такое зло? Да, Пукки теперь сомневался в Боге, сомневался в собственных способностях нормально выполнять свою работу и не раз усомнился в существующей системе правосудия. Но за шесть лет совместной работы он ни разу не *усомнился* в своем напарнике, Брайане Клаузере!

До сегодняшнего дня…

Полицейские огородили место происшествия на Мичем-плейс в одном из трех переулков Пост-стрит. У бордюра были припаркованы две патрульные машины. Еще две стояли прямо на тротуаре, в начале и в конце переулка. С полдюжины копов в униформах ходили вокруг, не пуская пешеходов и спокойно советуя им перейти на другую сторону. На полицейских машинах продолжали работать красно-синие мигалки. Неподалеку стоял фургон для перевозки трупов, словно ожидая, когда эксперты закончат свою работу и он сможет полноправно претендовать на свое очередное «детище».

Пукки стоял на тротуаре рядом с металлическими черными воротами, которые теперь были открыты. Он держался поближе к Брайану. Бросил взгляд в переулок, наблюдая за криминалистами Сэмми Берзоном и Джимми Хангом. На них были темно-синие ветровки с белыми надписями «SFPD»[17] на спине. Любая мелочь из того, что им удастся здесь обнаружить, могла фактически погубить его лучшего друга…

Но истина дороже.

Брайан выглядел ужасно, его зеленые глаза и бледная кожа резко контрастировали с темно-рыжей бородой. Парень, казалось, пребывал в шоке, но ждать, пока он придет в себя, не было времени.

– Скажи мне еще раз, – попросил Пукки; он говорил спокойно и вполголоса, чтобы мог слышать только Брайан. – Где ты был вчера вечером?

Брайан наклонил голову поближе и тихо ответил:

– В своей квартире. Я отправился прямиком домой после того, как Шэрроу меня выпроводил.

Пукки помнил, как Брайан заснул у себя за столом… Брайан, который не пропустил ни единого дня и ни разу не клюнул носом!

– Вчера ты был болен, – сказал Чанг. – А как сегодня? Чувствуешь то же самое?

– Даже хуже. Все тело ноет от боли. Думаю, у меня жар.

Пукки кивнул. Неужели в разгар лихорадки, ночью, в свое любимое время суток, Брайан выбрался из дому, выследил и выпотрошил этого беднягу? И вдобавок ко всему, он даже не помнил о том, что сделал?

– Так. Значит, ты отправился домой, – задумчиво проговорил Пукки. – Что произошло потом?

---

[17] *SFPD* (*англ.* San Francisco Police Department) – полицейское управление Сан-Франциско.

– Ничего. Пошел спать. Спал крепко. Этот кошмар разбудил меня примерно в два тридцать, – ну, может быть, в три часа утра. Я проснулся, сделал несколько рисунков, потом снова лег в постель.

– И никто не может это подтвердить? Ни девочки, ни соседи, никто?

Брайан пожевал нижнюю губу и покачал головой. Пукки нервно покусывал губу. Конечно, у его напарника не имелось никакого алиби. Он жил один и с того момента, как расстался с Робин, так и не завел себе девчонку.

Брайан привел их прямо к трупу, даже *подробно описал* состояние тела. Чтобы получить такую детальную информацию, он должен был побеседовать с очевидцами происшедшего, с тем, кто был на месте преступления, или фактически его совершил, или…

…или напрашивался другой, вполне очевидный ответ: Брайан совершил это сам…

Но это же невозможно!

Хотя… так ли уж и невозможно? Этого человека прозвали Терминатором, притом по делу. Он был хладнокровен, невозмутим и – самое главное – бил без промаха. Может быть, случай с Ланцой вывел его из равновесия?

Пукки не мог в это поверить. Если б не Брайан Клаузер, он, наверное, не стоял бы здесь сейчас, а, скорее всего, валялся на одной из полок в холодильнике у доктора Метца. Возможно, Брайан действовал порою как робот, не без этого, но вместе с тем он обладал всеми качествами настоящего копа – был храбр, предан и самоотвержен. Он не был убийцей.

Не убийца, возможно, но он наверняка из тех людей, кто способен убить. Убить не задумываясь…

Пукки больше не нашелся что сказать. Он оглянулся назад, в сторону переулка. Тело подростка все еще лежало в тени дерева, и каждые несколько секунд его освещала вспышка камеры Джимми Ханга. Оторванную руку так и не нашли. На месте отрыва зияла рваная рана, которая фактически начиналась от шеи и шла вниз до подмышечной области. Наружу торчала часть окроваленной ключицы, мерцающая всякий раз, когда Джимми делал очередной снимок.

На кирпичной стене, между тонкими деревьями, красновато-коричневыми буквами в два фута высотой была сделана надпись. Граффити, выполненное уже засохшей к этому времени кровью жертвы:

ДА
ЗДРАВСТВУЕТ
КОРОЛЬ!

Пукки мягко подтолкнул Брайана, указав на надпись:

– Ну, а это? Напоминает о чем-нибудь?

Клаузер перевел взгляд, и Пукки увидел, как в его глазах мелькнул странный огонек. Написанные слова явно несли какой-то смысл, и этот смысл был понятен Брайану. Захочет ли он сказать или снова наврет что-нибудь?

– Что-то подобное было у меня во сне, – проговорил напарник. – Точно припомнить не могу, но были кое-какие слова… или мысли… они вертелись в голове, будто кто-то настойчиво хотел мне что-то вдолбить.

– Это было похоже на телефонный звонок?

Брайан покачал головой:

– Нет, нет. Как будто… это было где-то *внутри*... в голове. Со стороны, наверное, я выгляжу ненормальным?

Да, *ненормальным*. Этого слова Пукки старался всячески избегать. Хотя оно звучало намного мягче, чем *псих*, но все равно не хотелось применять его к лучшему другу.

Чанг кивнул в сторону трупа:

– Возможно, до того, как мы его обнаружили, все это и выглядело ненормальным. Но сейчас я уже готов рассмотреть несколько версий. Расскажи мне еще что-нибудь.

Брайан облизал губы. Пукки терпеливо ждал.

– Это было связано с каким-то королем, – сказал наконец Брайан. – Нет, не с королем вообще, а с вполне конкретным королем.

– Ты уверен? Именно об этом ты услышал во сне?

Клаузер отвернулся от окровавленной сцены. Он пристально посмотрел на Пукки. Брайан больше не выглядел холодным и бесчувственным – он был напуган.

– Пукс, ты разговариваешь со мной как с подозреваемым.

Не было больше смысла играть в кошки-мыши. Пукки сделал все, что мог. Ведь имелся и другой вариант. Брайана могли просто заковать в наручники и препроводить к месту допроса.

– Естественно, ты под подозрением, и тебе об этом хорошо известно, – спокойно проговорил Пукки. – Ты привел нас прямо к телу убитого. Ты рассказал мне, что именно мы здесь найдем.

Брайан покачал головой:

– Это только сон. Всего лишь *сон,* пойми же! Не мог я это сделать!

Пукки оглянулся, чтобы убедиться, что никто не прислушивается к их разговору. Все полицейские были заняты своим делом.

– Только держи язык за зубами, Брайан. Никому ни слова об этом. Мы сами разберемся.

Пукки хотел отойти, но сильная рука схватила его за куртку. Чанг повернулся к Брайану – и столкнулся с полным му´ки взглядом партнера.

– Ты действительно думаешь, что я мог совершить подобное?

Из сугубо логических соображений Пукки ответил бы утвердительно, но это тоже выглядело бы ненормальным. Какого черта Брайан прикончил этого подростка? В чем мотив?

– Если б я не считал тебя подозреваемым, то мне как копу была бы грош цена, и ты знаешь это, – ответил Пукки. – Ты не должен даже находиться здесь, дружище. Сейчас тебе место на допросе у следователя. Но ты – мой друг, а я уже много лет занимаюсь этой работой. Рано или поздно мы во всем разберемся, а пока лучше помолчи и *ни к чему не прикасайся*.

Пукки посмотрел в сторону криминалистов. Сэмми медленно ходил вокруг с камерой в руках, опустив голову. Дойдя до конца переулка, он повернулся под прямым углом направо и, не поднимая голову, сделал шаг вперед. Потом, снова повернув на девяносто градусов, медленно перешел на противоположную сторону переулка. Через каждые три-четыре шага он останавливался, направлял камеру вниз и делал снимок, затем нагибался, хватал что-то пинцетом, опускал предмет в пластиковый пакет, запечатывал его и подписывал. Наконец он черкал что-то на кусочке белого картона и клал на место очередной находки.

Джимми ходил вокруг трупа, снимая его с различных ракурсов: издалека, сблизи, сверху, сбоку, а иногда приставляя камеру к самому телу. Синяя ветровка была велика Джимми, отчего он казался совсем крошечным.

Наконец Сэмми прекратил свои причудливые хождения, остановился, выпрямился и рукой в перчатке убрал со лба прядь светлых волос. Осмотревшись, он увидел Пукки и Брайана, после чего вышел из переулка.

– Сэмми, – спросил Чанг. – Как дела у Роджера?

Пукки никогда не испытывал желания вести светские беседы, но сейчас он сделал это машинально. Несколько дней назад брат Сэмми попал в автомобильную катастрофу. Пукки уже не помнил, где он услышал об этом. Он понятия не имел, почему подобная информация вечно застревает у него в голове.

– Слава богу, все хорошо, – ответил Сэмми. – Говорят, завтра его уже выпишут из больницы. А что касается вашего однорукого, то мне удалось раздобыть для вас его удостоверение личности.

Сэмми сунул руку в карман и вытащил полиэтиленовый пакет с открытым бумажником внутри. На пластиковой карточке водительского удостоверения была фотография подростка с темными вьющимися волосами. Невероятно, но это молодое, здоровое лицо когда-то принадлежало человеку, чей одноглазый, искалеченный, изуродованный труп лежал сейчас в переулке.

– Оскар Вуди, – прочитал Сэмми. – Судя по остальным данным, почти уверен, что это он и есть. Скоро мы получим и официальное подтверждение. Он получил это удостоверение всего две недели назад. Неплохо отметил шестнадцатилетие, правда?

Пукки наблюдал, как Сэмми повернул бумажник, чтобы Брайан лучше рассмотрел фото. Глаза Клаузера немного расширились. Узнал ли он мальчишку?

Сэмми положил бумажник в карман.

– Над телом кто-то изрядно потрудился, ребята, правда?

Пукки кивнул:

– Да уж, чего там говорить! А как ты думаешь, кто оторвал ему руку?

– Поскольку рядом нет каких-то механических приспособлений либо их следов, я бы предположил, что это крупное животное. Мы обнаружили несколько коричневых волосков, приблизительно с дюйм длиной. Похоже на собачью шерсть.

Пукки посмотрел на труп. Паренек был ростом пять футов десять дюймов и весил не меньше ста семидесяти пяти фунтов.

– Это тебе не малыш, Сэмми. Оторвать руку – дело непростое. Что же это должна быть за собака?

Сэмми пожал плечами:

– Может, питбуль? Хотя скорее что-нибудь не меньше ротвейлера. Если взять такого, который весит фунтов сто тридцать, то тогда вполне. Мастифы… те вообще могут с легкостью потянуть фунтов на двести. Такой запросто оторвет руку, только дай.

Возможно, но все-таки… патрульные уже опросили всех прохожих, но свидетелей происшествия не нашли. Трудно представить, чтобы никто не слышал вопль подростка, которому огромная собака оттяпала руку…

– Я все же предполагаю, что собаке помогли, – сказал Сэмми. – Здесь есть камера видеонаблюдения, вон в том доме. Хорошее здание, не то что эта старая прачечная. Камера была направлена как раз в сторону переулка, но она разбита вдребезги. Похоже, ее разбили совсем недавно. Если б камера работала, то зафиксировала бы все, что происходило в чертовом переулке.

Не исключено, что камера была сломана как раз перед убийством. Возможно, оно произошло не спонтанно, а было тщательно спланировано. Пукки, естественно, досконально изучил бы любую запись, но он чувствовал, что на этот раз ему вряд ли повезет.

– А может быть, этот Вуди был уже мертв, когда ему оторвали руку?

– О, наверняка, – сказал Сэмми. – Кровь хлестала, как вода из пожарного шланга. Вот что я хочу вам показать. Подойдите сюда и взгляните.

Пукки пошел за Сэмми, затем остановился, когда понял, что Брайан остался на тротуаре. Тот, казалось, ждал разрешения напарника. Пукки резко мотнул головой в сторону переулка, подзывая его к себе.

За свою жизнь Чанг повидал много такого, что способно изменить и действительно изменяет отношение человека, но то же самое относилось и к Брайану Клаузеру. Только, возможно, кое-что Брайан видел чаще, чем другие.

Клаузер зашел в переулок. Пукки пропустил его мимо себя, затем пошел следом, не желая выпускать Брайана из поля зрения…

Что бы это значило…

Брайан проследовал за Сэмми Берзоном в переулок. Он чувствовал, что возвращается на место преступления – преступления, которое он сам совершил.

Но он не делал этого. *Не мог*.

Сэмми поднял руку, показывая Брайану и Пукки, где остановиться. Затем указал вниз. Не пальцем, а целой ладонью, как бы говоря: «Взгляните на все это».

– Вижу, как вы по такому соскучились, парни, – сказал Сэмми. – Это едва уместилось в переулке!

На тротуаре виднелись два рисунка, сделанные уже засохшей кровью вперемешку с грязью, мелкими камешками, кусочками плоти, мусором и даже использованным презервативом. Каждый рисунок был приблизительно пятнадцать футов шириной, то есть занимал почти весь переулок. Видимо, поэтому Брайан и принял их вначале за беспорядочные полосы крови. Два больших круга с пересекающими их линиями. Это, кажется, треугольник?.. и еще какие-то другие линии…

Рисунок показался до боли *знакомым*.

Брайан сразу узнал одну из картинок, потому что сам рисовал нечто очень похожее.

И был еще второй рисунок. Такого он раньше не видел.

– Занятно, – сказал Пукки. – Интересный треугольник. Правда, Брайан? Он выглядит знакомым, хотя я не могу сказать, почему.

Клаузер промолчал. Он должен был сделать паузу и глубоко вдохнуть. Он вспомнил, что делал такой набросок. А теперь увидел его здесь, на месте ужасного преступления. И рисунок был сделан кровью изуродованной жертвы…

Брайан почувствовал, как заколoло во всем теле. Лицо горело от волнения. Он больше не хотел думать об этом. Ни минуты…

– А вы двое *весьма* наблюдательны, – прищурился Сэмми. – Ведь эти рисунки шириной в добрых пятнадцать футов!

– Слушай, заткнись, Сэмми, – нахмурился Пукки. – Ты выбрал не слишком удачное время для сарказма, приятель.

Брайан пристально смотрел на два кровавых символа. Они отличались друг от друга, но у обоих имелась кривая с двумя пересекающими ее черточками. Что это все означало? Что означал *каждый* из рисунков?

– Здесь целых *два* рисунка, – уточнил Сэмми. – Но все почему-то упустили их из виду, не так ли? Даже вы, два признанных гения, могли бы…

Пукки быстро повернулся, схватил Сэмми за край куртки и сильно встряхнул.

– Я сказал, *заткнись*, Сэмми. Ты понял меня, придурок?

Тот испуганно кивнул и попятился назад. Пукки проводил его ледяным взглядом.

Брайан оглянулся. Все разговоры вокруг прекратились. Полицейские молча уставились на Пукки. На Пукки, который никогда не терял самообладания. И который, казалось, никогда не бранился.

Чанг увидел, что на них все смотрят. Он повернулся, окинул взглядом Брайана и отошел поговорить с коллегами.

Клаузер, осторожно переступая через кровавые рисунки, направился к черным металлическим воротам. Он стоял на тротуаре, задаваясь вопросом, не пожалел ли Пукки о своем решении по-прежнему верить своему напарнику…

Если так, то его не в чем было винить.

Он почувствовал легкое дуновение ветра. Вытер ладонью лоб – он вспотел. Обнаруженный труп вызвал взрыв адреналина. Теперь, когда эта волна немного схлынула, снова начались тошнота и боли в груди. Он чувствовал себя в десять раз хуже, чем утром…

Вскоре вернулся Пукки. Он улыбался, но Брайан отчетливо видел, что это всего лишь маска. Чтобы все остальные копы видели перед собой прежних весельчаков Брайана и Пукса.

– Теперь по поводу фотографии на водительских правах, – шепотом сказал Пукки. – Ты ведь узнал этого парня. Его лицо тебе знакомо.

Брайан хотел было соврать, но вместо этого кивнул.

– Откуда?

Брайан пожал плечами.

– Оттуда же. Видел во сне. Не знаю, что еще добавить.

Пукки скривил губы и сердито кивнул.

– Вот что. Отправляйся-ка домой, – сказал он. – Побудь там хотя бы пару часов, хорошо?

– Но я должен тебе помочь, я же…

– Я сам здесь все закончу, – сказал Пукки. – Нужно еще побеседовать с его друзьями, членами семьи, а потом я заеду за тобой. Здесь до твоего дома совсем недалеко, поэтому прогуляйся пешком. Думаю, будет лучше, если ты на время покинешь это место.

Взгляд Пукки стал твердым и неумолимым. Спорить было бесполезно.

Нужно было найти объяснение всему этому, но никто из них понятия не имел, что здесь произошло.

Брайан повернулся и вышел из переулка.

Робин и прокисшее молоко

Робин Хадсон закончила укладывать волосы в сетку. Она стояла у входа в смотровую, наблюдая за тем, как фургон подъезжает к разгрузочной площадке. Задние дверцы фургона раскрылись. Робин с удивлением увидела, как из машины выбрались Сэмми Берзон и Джимми Ханг и выкатили тележку с телом погибшего в белом мешке.

Будучи экспертами-криминалистами, Сэмми и Джимми обычно не сопровождали тело в морг – этим занимались сотрудники Робин по отделу судебно-медицинской экспертизы.

Робин разгладила халат и повесила на шею цифровую камеру. Затем надела на голову пластиковую защитную маску, но пока не опустила ее.

Мужчины вкатили тележку с трупом в секционную.

– Привет, ребята! Забавно встретить вас здесь, – сказала Робин.

– Здравствуй, красотка, – усмехнулся Сэмми. – Не возражаешь, если мы немного поможем тебе? Мы с коллегой никак не можем определиться с габаритами и породой убийцы. Я говорю, что это большая собака, скорее всего ротвейлер, а вот Джимми ставит на более экзотическое животное.

– Тигр, – сказал Джимми. – Определенно тигр.

Робин кивнула:

– Что ж, оставайтесь. Действительно, поможете мне. Посмотрим, что вы тут привезли.

– Потрясающее зрелище, – сказал Сэмми. – Когда закончим, я скину на твой комп фотографии с места преступления. – Он взял прозрачный полиэтиленовый пакет с одеялом. – Этим был накрыт наш… пострадавший.

Он поставил пакет на край тележки.

Робин наклонилась поближе. Присмотревшись, увидела, что одеяло покрыто короткими коричневатыми волосками. Неудивительно, что Джимми подумал про ротвейлера…

Она подняла пакет.

– У меня есть опыт определения собачьих пород по их шерсти. Я изучу это, когда мы закончим с нашим подопечным. А вы, ребята, приготовьтесь, пока я сделаю рентген.

* * *

Робин сделала рентгеновский снимок, когда труп еще находился в мешке. На цифровых снимках виднелись главные повреждения: отсутствующая рука, выбитая челюсть, сломанная как минимум в двух местах, недостающие зубы, разбитая глазница. Внутри серой массы легких виднелись ярко-белые кусочки: видимо, туда попало несколько выбитых зубов подростка.

Робин закончила с рентгеном и перекатила тележку обратно в смотровую. Там ее ждали Сэмми и Джимми. Они уже надели собственные средства защиты: халаты, пластиковые маски и резиновые перчатки.

– Вы, ребята, как всегда, доставляете мне лучшие подарки, – пожурила их Робин. – Как раз чтобы поднять настроение.

Сэмми улыбнулся.

– Так и есть. Громкое дело для твоего первого дня в качестве босс-леди. Ха-ха!

– Я не *босс-леди*, парни. Я просто исполняющая обязанности. Это временная должность.

Джимми пожал своими хрупкими плечами:

– Посмотрим, посмотрим. Я вообще-то люблю доктора Метца, но сердечный приступ в его возрасте? Вряд ли старик вернется на работу.

– Вернется, – уверенно сказала Робин. Ей, конечно, хотелось занять руководящую должность, но она знала, что пока она к ней не готова. Нужен еще годик-другой. Под руководством Метца…

– Хорошо, – сказала она, – давайте-ка начнем.

Они расстегнули молнию на мешке. Робин сразу почувствовала запах мочи. Сильный и вместе с тем какой-то особенный – *тот же запах, как в тот день, когда сам Метц привез труп Пола Мэлоуни*.

– Да уж, – вздохнула она. – Должно быть, в момент смерти у парня был полный пузырек.

Сэмми покачал головой:

– Необязательно. Может быть, это преступник на него помочился. Или ротвейлер.

– Тигр, – хмыкнул Джимми.

Когда человек умирает, мышцы кишечника и мочевого пузыря слабеют, это зачастую приводит к непроизвольному выделению фекалий и мочи. Вот почему она тогда не придала значения запаху, исходящему от трупа Мэлоуни, когда Метц привез его в морг. Но этот запах был несколько необычным; кроме нынешнего трупа и трупа Мэлоуни, ничто больше так не пахло. Возможно ли, чтобы убийца Мэлоуни тоже на него помочился?

– Это может нам помочь, – проговорила Робин. – Если на него помочился хозяин предполагаемого животного, то это уже кое-что.

Сэмми выпростал из мешка окровавленную руку. Они сняли отпечатки пальцев, затем взвесили и измерили труп.

– У нас есть водительские права, предположительно принадлежавшие погибшему, – сообщил Сэмми. – Парня зовут Оскар Вуди, возраст – шестнадцать лет. Мы очень скоро получим на него подтверждение, поскольку парень значится в картотеке.

– Как, уже?! – удивилась Робин. Очень печально, что дети так рано вступали на преступный путь. Неужели с этим ничего нельзя сделать? Наверное, нет. Сейчас это происходило еще быстрее, чем раньше.

Джимми начал срезать части одежды и укладывать их в пластиковые пакеты.

– У нас есть даже образцы слюны, – сказал он. – Собрали с плечевой области. Вероятно, это слюна тигра…

– Ротвейлера, – поправил Сэмми. – Робин, спасибо, что позволила нам тебе помочь. Мы сейчас перевезем труп и положим его на столик.

Робин кивнула:

– Отлично, тогда за мной.

Она вышла из смотровой и перешла в длинную, прямоугольную, обшитую деревянными панелями секционную. По всей длине помещения располагались пять белых фарфоровых столов. В настоящее время столы пустовали. Робин не раз приходилось сталкиваться с ситуацией, когда все пять столов были заняты и за ними трудились судебные медики, а в это время своей очереди ожидали еще несколько трупов, сложенных в передвижном холодильнике.

В большинстве моргов использовались столы из нержавеющей стали. Здание суда, к которому относился и морг, было построено в 1958 году. Эта комната для осмотра – с оригинальными белыми фарфоровыми столами для вскрытия и все прочее – почти не изменилась за последние пятьдесят с лишним лет. Метц часто говорил Робин, что, за исключением убранных от стен пепельниц, помещение, в основном, выглядело так же, как и в первый день его работы.

Сэмми и Джимми вкатили металлическую тележку, затем переместили тело на первый фарфоровый стол. Несмотря на свой опыт ведущего судмедэксперта, Робин не могла не содрогнуться.

Вместе с рукой оторвали и внешнюю часть ключицы, примерно на треть. Из разодранной груди торчала короткая и толстая кость. Кровь на отломанном конце ключицы уже засохла и приобрела коричневый оттенок. Робин заметила царапины на кости – полукруглые, видимо от зубов. На лице, правда, никаких подобных отметин не наблюдалось; имелись гематомы от сильных ударов тупым предметом – это могли оказаться кулаки, локти, ноги и колени.

Живот погибшего был сильно изрезан. Разорванные части кишечника свисали из него, словно кровавые серо-коричневые колбасы, усеянные желтыми шариками жира. Она поняла, что кишки вырвали, разорвали, а затем затолкали обратно. Это, похоже, было делом рук человека – животные не стали бы делать подобное…

– Есть какие-нибудь наводки на предполагаемых преступников?

– Целая куча, – ответил Джимми. – Эти больные ублюдки кровью жертвы сделали надпись: «*Да здравствует король»* на кирпичной стене, а также еще несколько странных рисунков. Все это есть на фотографиях, которые я для тебя приготовил.

– Хорошо, – сказала Робин. – А где же оторванная рука?

Сэмми пожал плечами:

– Мы так и не смогли ее найти.

Джимми посмотрел на часы:

– Ну, что ж. Мне пора. Отправляюсь домой. Робин, если у тебя появятся какие-нибудь вопросы, позвони мне. Хотя я уверен, что на них тебе ответят Брайан и Пукки.

Произнесенное имя тут же ее насторожило.

– Это дело ведет Брайан?

– Ну да. Они с Пукки первыми прибыли на место происшествия, – сказал Джимми. – Всё, я пошел. До скорого.

Робин бросила на Джимми раздраженный взгляд. Отбросив мысли о Брайане Клаузере, она сосредоточилась на работе. Медленно обошла вокруг белого стола. Оскар был крупным подростком. Рост пять футов десять дюймов, вес – около ста восьмидесяти фунтов. Вместе с недостающей рукой…

Наверное, руку просто выбросили куда-то, и скоро она должна отыскаться. Если она до сих пор у преступника, то, по всей видимости, он держит ее в качестве трофея. Обладатель такого трофея, по сути, серийный убийца. Или, может быть, все намного сложнее, и напавший зверь просто… съел чертову руку.

– Повреждения мягких тканей есть и на спине, – проговорила Робин. – Надо взглянуть на область лопатки. Сэмми, ты можешь перевернуть его?

Он выполнил ее просьбу. Сама лопатка осталась неповрежденной, к ней прилипли куски мяса. Робин увидела две длинные параллельные выемки, между которыми было около трех дюймов – эти линии изгибались и шли зигзагом. Она взяла камеру, наклонилась и сделала снимок. Сэмми, наверное, уже сделал кучу фотографий, но Робин хотелось самой зафиксировать некоторые участки, которые считала важными.

Оставив камеру, женщина протянула руку и потрогала изуродованное плечо подростка.

– Вы, парни, скорее всего, правы насчет животного, – сказала она. – Эти параллельные выемки напоминают отметины от собачьих укусов. Видимо, зверь вцепился в него и тряс изо всех сил.

Сэмми улыбнулся ей.

– Значит, ротвейлер. Как я и говорил, так ведь?

– Возможно, – Робин пожала плечами. Она еще раз взглянула на расстояние между выемками, пытаясь представить себе размеры собаки, обладающей такими зубами. – Пожалуй, ваше пари вполне может выиграть и Джимми. Я пока не буду исключать хищника из

породы кошачьих, каким бы нелепым и фантастическим это ни выглядело здесь, в центре Сан-Франциско.

– Очаровательно, – воскликнул Сэмми. – Знаешь, это отличная тема для беседы. Почему бы нам не поговорить об этом за ужином? Скажем, завтра вечером? Я могу заехать за тобой в восемь.

Робин отвела взгляд от трупа и улыбнулась.

– Сэмми Берзон, вы что же, *действительно* поспорили на то, что подросток стал жертвой крупного животного, или просто пытаетесь выманить меня на свидание?

Он улыбнулся и поднял правую руку:

– Виновен по всем пунктам обвинения. Просто я знаю хорошее кафе на Филмор-стрит. Там есть столики на улице, и туда можно взять твою собаку.

Робин рассмеялась, от неожиданности подняв брови.

– Ничего себе! Ты молодец. Приглашаешь даже мою собаку?

Сэмми кивнул.

– Полководец должен хорошо изучить поле битвы, дорогуша, но особых трудностей я не испытал. На столе полно фотографий твоего песика. Чертовски милый.

– Это *она.*

– Да, да, прости… Так как же насчет ужина?

Сэмми казался приятным мужчиной. У него были строгие черты лица, хотя, наверное, он слишком много времени уделял своим белокурым локонам. Мать Робин всегда учила ее никогда *не назначать свидание мужчине, который тратит больше времени на свои волосы, чем ты.* Как криминалист, Сэмми хорошо представлял себе те неприятности и даже ужасы, с которыми ей приходилось сталкиваться ежедневно. Это их сближало. И, кроме того, он поддерживал ее безграничную любовь к Эмме. Очевидно, он парень смышленый… Она снова посмотрела на труп подростка. Встретиться с Сэмми было бы неплохо, но сейчас она просто не готова к этому.

– Спасибо, но… хм… не думаю, что я составлю тебе хорошую компанию.

– Да ладно тебе! С Брайаном вы расстались почти шесть месяцев назад. Нужно как-то встряхнуться, не так ли?

Робин почувствовала, что начинает злиться, но подавила в себе эту вспышку раздражения. Ведь он просто спрашивал ее, и все.

– Ты даже знаешь, сколько времени прошло после нашего разрыва?

Сэмми улыбнулся.

– Конечно. Правило шести месяцев. Из уважения к Терминатору раньше я не смел тебя об этом спрашивать.

Ее улыбка сразу исчезла.

– Не называй его так!

Сэмми тоже перестал улыбаться. Он понял, что совершил ошибку.

– Прости, – растерянно произнес он. – Я не думал, что это может быть тебе неприятно.

Робин молча кивнула. Она терпеть не могла это прозвище. Оно подразумевало, что Брайан – хладнокровная и безжалостная машина, которая убивает без тени раскаяния. Женщина знала, что это не так. Однако в причудливом мире мужской логики прозвище Брайана служило комплиментом, и Сэмми ничего плохого, естественно, не имел в виду.

Она попыталась сменить тему разговора:

– А что это за *Правило шести месяцев*?

– Ну, это когда ты не можешь в течение шести месяцев приглашать куда-либо девушку своего приятеля, – ответил Сэмми. – Это мужской закон. Своего рода срок годности, только наоборот.

Мужская логика! Совершенно невозможно постичь.

– То есть… я *была* как бы прокисшим молоком, а теперь вполне пригодна к употреблению, что ли?

– Типа того. Ты правильно поняла. Как насчет того, чтобы вместо отказа просто пообещать, что мы поужинаем как-нибудь в другой раз?

– Прекрасно. На это я согласна.

Лицо Сэмми вновь озарила широкая улыбка.

– Мне это вполне подходит. Значит, в другой раз.

С этими словами он вышел из морга.

Робин мысленно задавала себе вопрос, сколько еще людей в курсе того, что Брайан съехал от нее полгода назад. В отделе судебно-медицинской экспертизы, наверное, об этом знал каждый. Большой город, большое полицейское управление, но все-таки относительно небольшая группа людей, занимающихся таким специфическим делом, как вскрытие и исследование трупов…

Робин вновь переключила внимание на однорукого подростка. Раны были определенно нанесены крупным животным, но ей нужно обязательно проверить образцы слюны, чтобы окончательно подтвердить это.

Она начнет с проверки ДНК. Через несколько часов будут готовы результаты анализов, и Робин узнает состав ДНК жертвы и нападавшего или нападавших – если, конечно, они были людьми. Этот тест должен выявить тринадцать ключевых точек в человеческой ДНК, которые она потом прогонит через генетическую базу данных ФБР на известных преступников. Иногда этим все и заканчивалось: данные обрабатывались, выявлялась ДНК, загружалась в базу данных, и всё – преступник уже висел у них на крючке.

Робин надеялась, что им повезет и они быстро найдут убийцу. Подобное варварство не укладывалось в рамки типичных убийств от пуль или холодного оружия.

Это была причина, по которой она выбрала для себя карьеру судебно-медицинского эксперта вместо того, чтобы пытаться чего-то достичь в обычной медицине. В мире, который безудержно катился вниз, именно она в какой-то мере являлась его спасением. Ее работа была тесно связана с интеллектом. Именно интеллект сейчас вступил в войну против преступности. Она, как судебный медик, служила поставщиком данных, которые помогали парням, находящимся на переднем крае борьбы, – таким, как Брайан и Пукки.

Брайан… Сейчас не время думать о нем. Он уехал, а ей надо жить и двигаться дальше.

Робин закрыла глаза, пытаясь избавиться от навязчивых мыслей. Ее ждала срочная работа. А если кто-то на самом деле завладел оторванной рукой как трофеем, то работа очень важная и ответственная…

Рекс получает хорошие новости

Занятия в школе начались час назад, но Рекс туда идти не собирался. *Ни за что*.

Гипс на руке стал бы для него знаком позора, символом слабости. Одни начали бы над ним хихикать, другие – открыто высмеивать. Все в школе узнали бы, кто сломал ему руку. Для Роберты это не имело значения; главное было выпроводить его из дома. Он умолял мать позволить ему остаться, даже всплакнул немного, но все, чего добился, – это получил очередную пощечину и выслушал краткую нотацию на тему того, какой он отвратительный нытик.

Рекс терпеть не мог хулиганов. *Ненавидел* их.

Роберта не знала о его тайных убежищах. Он отправился в свое любимое место – на Сидней-Уолтон-сквер, неподалеку от Эмбаркадеро[18]. Там он мог спокойно посидеть, прислонившись к любимому дубу. В рюкзаке у него был альбом, карандаши и потрепанный экземпляр «Игры престолов» Джорджа Мартина.

Почитать об империях и рыцарях, о королях и королевах он решил позже, а сначала ему нужно было заняться любимым делом – рисовать. Нарисовать как можно больше из того, что довелось увидеть во сне прошлой ночью. Ведь именно во сне его штаны стали влажными. Это было неправильно: вновь и вновь воспроизводить эти события, но он чувствовал, что *должен* взять в руки карандаш и нарисовать.

Эх, если бы этот сон сбылся.

Если бы только Рекс был большим и *сильным*, он взял бы топор или нож и разделался с ненавистным ему человеком. Он бы искромсал его живот, вытащил кишки, сломал челюсть, чтобы тот не смог даже позвать на помощь, чтобы лишь хныкал и жалобно молил о пощаде. Если бы только у него были силы прикончить этого Оскара Вуди!

Но что бы ни снилось Рексу, это был всего лишь сон. Ладно, что поделаешь. Зато это был его лучший сон. *Самый лучший*. Вот Оскар медленно перелезает через черные ворота. Оскар поворачивается… о, какой взгляд на его лице! А потом что-то происходит с рукой Оскара… Рекс никак не мог вспомнить. Неужели он сломал руку Оскару? Или нет…

А все выглядело по-настоящему… Но это всего лишь сон. Нет, ему никогда не отделаться от тех хулиганов.

Рекс – слабак. Он тряпка. *Жалкий и ничтожный человек*.

И останется таким навсегда.

Когда Рекс направился на восток по Вашингтон-стрит, солнце уже поднялось из-за вершины Трансамерика-Билдинг[19]. Он шел, опустив голову и глядя на два-три шага вперед.

Лишь дойдя до Кирни-стрит, Рекс оглянулся. В этот момент ему на глаза попался заголовок «Сан-Франциско кроникл», жирными буквами выделяющийся на газете внутри газетной стойки.

У Рекса все похолодело внутри.

---

[18] *Эмбаркадеро* – часть набережной Сан-Франциско.

[19] *Трансамерика-Билдинг* – самый высокий небоскреб в деловом центре Сан-Франциско, одна из современных «визитных карточек» города.

ЖЕСТОКОЕ УБИЙСТВО УЧАЩЕГОСЯ КОЛЛЕДЖА

Тело 16-летнего юноши сильно изуродовано

Оторванная рука до сих пор не обнаружена

Каждое слово дрожью отозвалось в душе у Рекса, но еще сильнее он содрогнулся от снимка, сопровождавшего это жуткое сообщение. Маленькая школьная фотография улыбающегося Оскара Вуди.

Значит, Оскар Вуди *мертв*? Его рука… *оторвана*?

Мимо прошла пожилая пара. Рекс не обратил на них ни малейшего внимания. Все его мысли заполнились смутными воспоминаниями из сна. Вот Оскара бьют по лицу, он падает навзничь, ему наступают на грудь, хватают за руку и *дергают изо всех сил*. Раздается глухой треск, и рука… отрывается.

Рекс почувствовал, как сразу напрягся член в штанах.

Мой сон… у меня все получилось. Я ЗАСТАВИЛ его умереть.

Он чувствовал, как неистово заколотилось сердце. Его лицо пылало. Он потянул створку газетной стойки. Та заскрипела, но не поддалась. Рекс стал рыться в карманах, но у него не оказалось мелочи. У него вообще не было денег. В панике он повернулся, надеясь отыскать поблизости хоть одного бомжа. Ему не пришлось долго искать. Старик с грязной бородой, в еще более грязной одежде, сидел на коленях перед бетонными ступеньками лестницы, ведущей в Портсмут-Сквер-парк. Низко опустив голову и скрестив руки на груди, бездомный с тоской поджидал прохожих.

Рекс бросился к нему.

– Дай мне мелочи, – попросил он. – Пожалуйста!

Но бомж, казалось, не слушал его.

– Я сказал, дай мне мелочи! – разозлился Рекс. Подняв правую ногу, он пихнул старика в грудь. Тот вскрикнул. Вот придурок, он же едва до него дотронулся!

Бомж повалился набок, скривившись от боли.

– О господи… Ты сломал мне ребра…

Рекс наклонился к нему пониже, поморщившись от невероятной вони.

– Быстро гони деньги, задница, а то *порежу*!

Бомж отпрянул от него, пытаясь закрыться руками, но потом снова сморщился и схватился за бок, куда Рекс только что лягнул его.

– *Пожалуйста*, босс, не бей меня!

Рекс завелся: значит, этот человек, *взрослый человек, испугался*. Член подростка напрягся, и Рекс явственно почувствовал возбуждение.

– Эй!

Голос прозвучал откуда-то издалека. Рекс обернулся. В полуквартале от него, на Вашингтон-стрит стоял крупный мужчина с толстым животом. На нем была белая безрукавка. Еще у него была густая черная борода – почти до груди. На голове красовалась зеленая бейсболка. И этот мужчина пристально смотрел на Рекса.

Тому этот взгляд показался очень странным.

– Эй, – повторил незнакомец. – Нельзя так делать, когда кругом полно людей.

Рекс всмотрелся в него. В голове вспыхнули и пронеслись новые образы, показавшиеся ему знакомыми. Он понял, что уже видел этого человека раньше.

Он видел его во сне!

Ярость прошла. Что, черт возьми, происходит? Как здесь мог оказаться именно тот человек, которого он увидел во сне?

Потом в груди возникло странное чувство. *Какое-то гудение и тепло*. Это было приятно. Парень был похож на педофила из телешоу, но при этом вызывал у Рекса ощущение какого-то необычного доверия к себе.

Человек протянул руку.

– Идем. Я помогу тебе.

Рекс посмотрел на него, затем покачал головой. Человек пришел оттуда же, откуда и Рекс. Получается, он *следил* за ним?

Рекс повернулся, чтобы убежать, но остановился и еще раз пихнул бомжа ногой. На этот раз он попал ему по лицу. Голова бомжа откинулась назад, а руки взметнулись вверх, стремясь закрыть рот, из которого уже брызнула кровь.

Кровь. Я заставил его ИСТЕКАТЬ КРОВЬЮ…

Поправив рюкзак за спиной, Рекс бросился по Вашингтон-стрит. Он заметил китайский ресторан и вбежал внутрь, расталкивая всех, кто попадался по пути. Прошмыгнув мимо столиков, увидел дверь и выбежал на кухню. На него закричали на китайском – скорее от удивления, чем от злости. Несколько секунд спустя он отыскал дверь, через которую выскочил в переулок.

Рекс бросился бежать подальше от ресторана, от вонючего бомжа и от бородатого человека. Мозг и тело переполняли эмоции.

Он смог ударить человека.

Впервые за всю свою жизнь Рекс *оказал сопротивление*.

Черный Мистер Бёрнс

Джон Смит полностью сосредоточился на экране своего компьютера, выделяя стилусом линии на снимке граффити, обнаруженного в районе Вестерн-Эддишн. Руку «художника» не удалось узнать сразу; возможно, это кто-то новенький из уже существующей группировки или, вероятнее всего, символы какой-то новой банды? Джон был настолько поглощен работой, что не услышал, как дверь кабинета распахнулась и вошедший заговорил.

– Черный Мистер Бёрнс, – проговорил Пукки Чанг. – Как жизнь, дружище? Все еще нюхаешь силиконовую задницу своей цифровой собачки?

Джон повернулся и улыбнулся бывшему напарнику.

– Работа за компьютером – для меня большое удовольствие. Спасибо.

Он протянул Пукки руку. Чангу пришлось переложить несколько папок с документами в левую руку, чтобы ответить на рукопожатие. Некоторые вещи в жизни никогда не меняются…

Несколько лет назад Пукки придумал это необычное прозвище, чтобы вывести Джона из себя. Для большинства людей сравнение с персонажем из сериала «Симпсоны» звучало бы не слишком приятно. Для большинства, но не для человека с самым распространенным именем в Америке *и* в Англии. Иметь в этих странах имя «Джон» – все равно что не иметь никакого…

Джон любил свою маму, но если другие черные мамы называли своих детей такими очаровательными именами, как *Маркиз, Жермен, Андрэ, Дешон* или даже немного сумасшедшими, как, например, *Рентген*, его мама остановилась на довольно банальном имени *Джон*…

Когда Пукки начал называть Джона *Черным Мистером Бёрнсом*, то совершенно не разозлил и не обидел Джона. Затем и остальные копы подхватили это прозвище, посмеиваясь над тем, как неправильный прикус Джона, длинный нос и покрытая пятнами лысая голова действительно делали его похожим на мистера Бёрнса – только черного.

Джону прозвище понравилось. Это было как раз то, что легко запоминается – имя, которое не носят еще миллион других американских мужчин. И за это при всякой встрече с Пукки лицо Джона расплывалось в довольной улыбке.

– Бёрнс, хорошо выглядишь, – сказал Пукки. – Только на сей раз *слегка* страдаешь отсутствием аппетита. Как продвигается восстановление твоего «харлея»? Восемьдесят восьмой «Софтейл», если мне не изменяет память?

Улыбка Джона на секунду исчезла.

– Я закончил еще два года назад.

Пукки вздрогнул.

– Черт побери, забыл. Прости…

Пукки Чанг иногда помнил самые странные вещи на свете. То, что он напрочь забыл о проекте Джона, показывало, насколько за шесть лет отдалились друг от друга эти двое мужчин…

– У нас тут для тебя кое-что есть, – сказал Пукки. – Можешь помочь?

– Конечно, – ответил Джон. – А где Терминатор?

Он немного ревностно относился к тому, что Пукки продолжил карьеру в прежнем качестве. Мало того, со своим нынешним напарником они были неразлейвода. Джон, конечно, не мог заставить себя восторгаться Брайаном Клаузером, однако не кто-нибудь, а именно Терминатор спас ему жизнь…

– У себя в квартире, – вздохнул Пукки. – Он уже не так горяч, как раньше.

– Болен, что ли? *Брайан?*

Пукки пожал плечами:

– Да, а что? Все когда-то происходит в первый раз.

– Хорошо, тогда держись от меня подальше, – с опаской посмотрел на него Джон. – Я-то знаю, что вы наверняка забавлялись на заднем сиденье «Бьюика» с какими-нибудь малышками, глотали слюну и поглаживали животики.

– Это, как ни крути, часть моей работы, – ответил Пукки. – А с работой у меня полный порядок. Теперь, если с остроумием покончено, мне нужна твоя помощь.

– Ты по поводу утреннего трупа на Мичем-плейс?

Пукки кивнул и начал искать глазами место, чтобы положить туда кипу своих папок. Джон расчистил ему место. Чанг открыл верхнюю папку и передал Джону несколько фотографий с места преступления.

Джон взял их и демонстративно помахал перед носом.

– Пукс, а ты в курсе, что можно было просто послать мне их по электронке?

– Извини, как-то не догадался, – отмахнулся Пукки. – Так вот. Мы обнаружили эти рисунки на месте убийства.

– А почему ты решил, что это как-то связано с убийством?

– Потому что они нарисованы кровью жертвы.

Пукки передал еще один снимок, указав пальцем на фразу «*Да здравствует король»*, нацарапанную кровавыми буквами на кирпичной стене.

Джон поднял брови.

– Да, так и есть.

– Узнаешь этот символ?

Джон уставился на рисунок. Круглый глаз в треугольнике, заключенном в круг. Нет, ничего знакомого не напоминает…

Он помогал копам из оперативной группы отдела по борьбе с бандитизмом отслеживать преступные группировки и выявлять между ними связи. Ему приходилось много копаться в базе данных, анализировать электронную почту подозреваемых, их активность в соцсетях, а также изучать главный элемент взаимосвязи преступных группировок – надписи на стенах. Граффити фактически представляли собой иллюстративный отчет о том, какие именно банды и группировки контролировали те или иные части города. Эта с виду бессмысленная мазня представляла собой сложный зашифрованный рисунок, по которому можно было определить, кто хозяйничает на улицах, кто получил «черную» метку и кто должен совершить убийство.

Джон был по горло загружен компьютерной работой. Шесть лет назад он получил пулю в живот и лежал, истекая кровью, в то время как ранивший его подлец Блейк Йоханссон, на тот момент тоже полицейский, держал его под прицелом и не давал никому к нему подойти. Этот случай поселил в душе Джона неистребимый страх, от которого даже ежедневная поездка на работу превращалась в своего рода испытание. А уж о том, чтобы вновь стать копом и выйти на передовую, он и думать забыл…

Но если б сидение за компьютером было единственным способом, которым Джон мог бы поспособствовать лучшей раскрываемости преступлений, он дал бы фору любому. Каждый сотрудник полицейского управления играл свою роль. Джон был полностью с этим согласен.

Если ты – трус, тогда делай то, что умеешь.

Джон покачал головой.

– Никогда раньше не видел этот символ. У тебя есть фотографии погибшего?

Пукки вытащил новые снимки и передал их Джону. Джон много чего повидал за свою карьеру, но с такой резней сталкиваться не приходилось. Какая *дикость*…

Он обратил внимание на куртку жертвы. Расцветка показалась ему знакомой.

– Он из «Бойз компани», – сказал Джон. – Сокращенно – «БойКо».

– Это что, банда?

Джон кивнул.

– Мелкие сошки. Подростки. В основном, из колледжа «Галилео» в Марин-сити.

– С кем-нибудь воюют?

– Да я толком не знаю. Вроде нет. Я же говорю, это мелкие сошки. Так, дерутся, быкуют у себя в колледже… Не банда, а скорее шайка. Если бы «БойКо» выступила против какой-нибудь мало-мальски серьезной группировки, их просто порезали бы на куски.

Пукки указал на рисунок:

– То есть с ними сделали бы примерно то же самое…

– В общем, да. Хорошо, попробую нарыть что-нибудь, но я уверен, что ни одна из серьезных банд не воюет с «БойКо».

– А откуда ты знаешь, что он именно из «БойКо»?

– По куртке, – ответил Джон. – Бостонский колледж. Инициалы – *B* и *C*, такие же, как и у «БойКо». У них такая же расцветка.

– Ну, а почему тогда не «Бостонс селтикс»[20]? Те же B и C.

– Зеленый и черный – это цвета «Латинских кобр», – сказал Джон. – Любой, кто носит одежду «Селтикс», рискует нарваться на месть со стороны «Кобр» или любой из банд, которые с ними воюют. Почти у каждой группировки есть определенная ассоциация со спортивной командой – либо по цвету, либо по аббревиатуре.

– Ну, предположим, это команда, – сказал Пукки. – А что произойдет, если я ношу цвета своих любимых «Чикаго беарз»[21]?

– Тебя просто поколотят фанаты «Рейдерс»[22]. Хотя я не думаю, что какие-то из банд используют логотип «Беарз». Вообще, подросткам нужно соблюдать осторожность по поводу того, какую одежду надевать в школу. Наденешь не ту курточку – и всё, пиши пропало. Твой труп могут найти на одной из свалок.

Размышляя, Пукки рассеянно кивнул.

– Если это не еще одна банда, то, может быть, они просто решили на кого-то напасть и… не рассчитали сил? Получили достойный отпор?

– Возможно, но вряд ли, – ответил Джон. – Подобные шайки выбирают в качестве жертв каких-нибудь слабаков. Они обычно преследуют детей или подростков, не состоящих ни в одной из группировок и ни в одном спортивном клубе.

– Ну, хорошо, а эта чертова надпись? *«Да здравствует король»*? Может быть, Королем зовут одного из членов банды?

Джон пожал плечами.

– Не исключено, хотя… лично мне ни о чем не говорит. Возможно, у нас появился новый игрок. Давайте-ка внимательнее изучим файл «БойКо».

Джон уселся за компьютер и активировал базу данных. В базе имелись сотни таблиц и списков, которые охватывали все банды и преступные группировки, действующие в районе Залива. Некоторые, такие, как MS13 или «Нортеньос», были очень опасными, их знали не только внутри страны, но и далеко за ее пределами. Другие действовали лишь на местном уровне, но являлись не менее опасными. К ним относились такие банды, как «Вестмоб» и «БигБлок» из Хантерс-Пойнт; триады «14К» и «Ва-Чин» в Чайнатауне; «Джексон стрит бойз»… Эти действовали по всему городу. Есть еще «Эдди-Рок» – из Вестерн-Эддишн.

---

[20] Название американского профессионального баскетбольного клуба.

[21] Название американского профессионального футбольного клуба (американский футбол).

[22] *«Окленд рейдерс»* – американский профессиональный футбольный клуб (американский футбол).

Джон активировал таблицу с надписью: «БойКо». На экране появились четыре фотографии.

Пукки заглянул ему через плечо.

– Всего четыре подростка?

– Это все, что нам известно. Оскар Вуди, Джей Парлар, Айзек Моузес и их вожак, Алекс Пейнос.

– Значит, в банде четыре подростка?

Джон пожал плечами.

– Я же говорю, что это так… шайка хулиганов, не больше.

Пукки вытащил еще одну фотографию. Самую жуткую, на которой труп Оскара Вуди был снят полностью: с оторванной рукой, вспоротым животом и разбитым лицом, по которому подростка почти невозможно было узнать.

– Это не просто разбойное нападение, – заметил Пукки. – Тело жутко изуродовано, на стене – зловещая надпись, словно чье-то послание… Ты уверен, что это, скажем, не боевики из MS13? Разве они ничего не отрезают своим жертвам?

– Еще как отрезают. И руки, и головы, – ответил Джон. – Но MS13 используют для этого мачете. Взгляни на труп этого подростка, Пукс. У него ведь рука не *отрезана*. Она *оторвана*.

– Может быть, какая-нибудь новая бригада? А как насчет кровавых рисунков?

– Вот с этого мы и начнем. Давай посмотрим, что нам скажет компьютер.

Джон отсканировал обе фотографии, затем открыл их на своем компьютере и вошел в Региональную совместную информационную систему. В РСИС были собраны данные по всем бандам в масштабах страны; они содержали имена подозреваемых, названия организаций, характеристики их оружия, а также снимки и фотороботы членов той или иной банды, их символы и типичные граффити.

– Ну и ну, – вздохнул Пукки. – А я думал, что в Интернете можно только порнуху посмотреть.

– Что ты! – сказал Джон. – Нам здесь не до порнухи, Пукс. Существуют различные фильтры, с помощью которых можно…

– Шутишь! – усмехнулся Чанг. – Господи Иисусе, ты ни чуточки не изменился.

Джон вздохнул. Даже когда они были напарниками, он мог понять лишь половину шуточек Пукки.

– Так или иначе, – сказал он, – программное обеспечение РСИС идентифицирует некоторые ключевые вещи – например, отпечатки пальцев, – отмечая степень кривизны, толщину и относительную длину линий. Отдельные участки разбиваются на десятки минисимволов. Затем я загружаю это в базу данных, и она проводит поиск на предмет частичных или полных совпадений.

– И что, вся эта хрень действительно работает?

Джон кивнул:

– О, еще бы! Это просто здорово. Программа иногда даже способна построить графический профиль отдельных художников, причем настолько точный, что можно отличить подлинного художника от подражателя.

Компьютер подал звуковой сигнал. Джон активировал окно, чтобы прочитать результаты.

– Хм… В Сан-Франциско – ничего.

– Может быть, поискать еще где-нибудь?

Джон просмотрел результаты.

– Что-то похожее произошло в Нью-Йорке много лет назад. Серийный убийца. Похоже, парень прикончил четырех женщин, а затем совершил самоубийство. Это всё. Я уверен, что

можно добыть больше информации, но тогда нужно обратиться в полицейское управление Нью-Йорка.

Когда Джон пробегал глазами по строчкам информации, он заметил кое-что необычное.

– А вот это уже странно.

– Что именно?

– А вот что. Здесь появились ссылки на эти символы. Они связаны с тем старым делом в Нью-Йорке. Но то, куда ведут эти ссылки… это почему-то удалено из нашей системы. Взгляни-ка! Вот один местный запрос. Он поступил еще на заре компьютеризации нашего полицейского управления. Давай-ка посмотрим… Это произошло двадцать девять лет назад. Но нет никаких фотографий, поэтому нельзя узнать, получен ли надлежащий ответ.

Пукки рассеянно почесал затылок.

– А зачем кому-то было удалять информацию об этом символе?

– Вероятно, кто-то удалил по ошибке, – предположил Джон. – Ведь к этим материалам получали доступ тысячи людей. Системный или программный сбой, чистка баз данных – и всё. Так обычно все и происходит…

– Хорошо, – задумчиво проговорил Пукки. – А ты можешь сказать, кто сделал этот местный запрос?

Джон повернул голову к экрану. Он поочередно нажимал на ссылки, но в итоге зашел в тупик.

– Нет, здесь нет соответствующих полей. Слишком давняя информация. Вероятно, по мере модернизации программного обеспечения она кочевала из системы в систему. Но я могу продолжить анализ, если хочешь. Дай мне несколько дней – и, может быть, удастся что-нибудь накопать.

Пукки вздохнул, собрал свои бумаги и фотографии и положил в разбухшую папку.

– А можешь заодно выяснить подробности происшествия в Нью-Йорке?

– Естественно.

– Еще одна просьба, – сказал Пукки. – Об этих поисках никому ни слова. Суть в том, что аналогичное дело ведет Полиэстер Рич. А я хотел бы взять себе оба дела. Не хотелось бы, чтобы он сунул сюда свой нос…

Похоже, соперничество Пукки и Рича Верде все еще продолжалось. Джон улыбнулся.

– Не проблема, Пукс.

Чанг открыл дверь, чтобы уйти, потом повернулся, и на лице его мелькнула усмешка.

– Попробуй, Черный Мистер Бёрнс, – сказал он. – Сделай это для меня. Очень нужно.

Джон рассмеялся, и в глазах его мелькнули коварные огоньки…

– Не волнуйся, приятель, – сказал он. – *Я постараюсь.*

Пукки кивнул и вышел, оставив Джона наедине с таинственными символами на экране.

Визит к директору школы

С тех пор, как Пукки Чанг окончил среднюю школу, прошло уже больше двадцати лет, но кабинет директора до сих пор вызывал у него трепет.

Пукки дал Брайану возможность побыть несколько часов наедине с собой. Это, казалось, особенно не помогло: когда Чанг заехал за Клаузером, тот все еще выглядел рассеянным, немного ошеломленным и больным. Но, по крайней мере, Брайан никуда не сбежал. Возможно, всем было бы легче, если б он это сделал. Это помогло бы развеять сомнения, и Пукки не задавался бы вопросом о том, стоит доверять Брайану Клаузеру или лучше его все-таки арестовать.

Ну не бывает, чтобы человеку в таких подробностях *приснилось* место преступления! Неужели кто-то это все подстроил и заманил Брайана в ловушку? Возможно, но как?! Его что, загипнотизировали? Или накачали наркотиками, потом пробрались к нему в квартиру и нашептали на ухо всю эту чушь? Мог ли это быть замысловатый заговор, месть со стороны человека, которого Брайан когда-то упрятал за решетку?

Вполне возможно, конечно! Но, может быть, Пукки следует вытащить голову из собственной задницы и принять для себя более очевидный ответ – о том, что именно Брайан Клаузер вышел вчера вечером из дома, подстерег и выпотрошил Оскара Вуди…

Нет, не может быть. Я ведь знаю этого человека уже шесть лет. НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ!

Эта мысль назойливым эхом отзывалась в голове у Пукки, постоянно натыкаясь на веское возражение: «*Но он ведь уже убил ПЯТЬ человек*». Однако именно Брайану Клаузеру Пукки был обязан жизнью. А заодно и Черный Мистер Бёрнс. Поэтому Брайан может сполна пользоваться своей презумпцией невиновности. И как бы невероятно это ни звучало, но может существовать вполне обоснованная причина того, почему он знает детали места преступления. Чтобы отыскать ответ на этот вопрос, Пукки должен был добросовестно выполнить свою работу. Для начала следовало побеседовать с Кайлом Соуллером, директором средней школы «Галилео».

– Итак, господин директор, нам нужно знать, с кем у Оскара Вуди возникали конфликты.

У Соуллера был усталый вид человека, который знал, что вся его карьера представляет собой проигранное сражение. Костюм сидел на нем словно тюремная одежда.

Соуллер постучал по столу пальцами, потом откинулся назад, скрестив руки на груди.

– Вы думаете, это сделал кто-нибудь из учеников? – Он произнес это не с шоком или недоверием, а с оттенком негодования. – У нас, конечно, не обходится без драк и насилия, как и в любой школе. Но описанный случай… это что-то из ряда вон выходящее.

– А почему бы и не ученик? – сказал Пукки. – А еще вероятнее: ученик нанял кого-то со стороны. Насколько нам известно, Оскар замешан в кое-каких инцидентах, не так ли?

Соуллер грустно усмехнулся.

– Да уж, чего только не взбредет в голову… У нас в «Галилео» нет особых проблем с преступными группировками. Это, кстати, дает возможность поднять головы шайкам недоносков вроде «БойКо». Они пристают к детям, и некоторым от них изрядно достается.

– А кому именно? – спросил Брайан. – Нам, как вы понимаете, нужны конкретные имена.

Соуллер раздраженно замотал головой и нахмурился.

– Инспектор, я не могу дать вам имена всех, кому перешли дорогу хулиганы из «БойКо». Я не собираюсь подвергать этих детей допросу в полиции, если они не совершили ничего дурного.

Брайан неожиданно вздрогнул. Он откашлялся – через силу, судя по выражению лица, и снова попробовал заговорить с директором.

– Не нужно нести нам эту чушь на тему о гражданских правах, – сказал он. – Нам требуются хоть какие-то зацепки. Мы…

Потом он затих, закрыл глаза, откинулся назад и, сморщившись, начал потирать виски.

Пукки протянул руку и похлопал Брайана по плечу:

– С тобой всё в порядке?

Брайан медленно покачал головой.

– Да, у меня… просто голова разболелась. В жар бросило…

Соуллер указал на выход из кабинета:

– В холле есть водяной фонтанчик. Вполне холодный.

Брайан кивнул:

– Да, это поможет. Пукс, не возражаешь?

– Валяй, – сказал Пукки.

Брайан встал и направился к двери. Он двигался медленно, слегка пошатывался. Может быть, у него раздвоение личности? Может быть, он вышел, чтобы оторвать кому-нибудь руку, выколоть глаз, вырвать кишки и затем снова запихать их в живот…

Пукки тряхнул головой, чтобы избавиться от назойливых мыслей.

Брайан закрыл за собой дверь.

Пукки снова повернулся к директору Соуллеру, вид у которого был не слишком довольный.

– *Чушь на тему гражданских прав?* – нарочито медленно произнес Соуллер. – Вы, ребята, тонкие натуры.

Пукки пожал плечами:

– Что делать, дайте ему небольшую скидку. Вид трупа Оскара сильно потряс его. И не только его – всех нас.

Соуллер тяжело вздохнул и кивнул:

– Да, могу себе представить, от этого у кого угодно крыша поедет. Но перечень имен все равно дать не могу.

– Послушайте, господин директор, мы предполагаем, что остальным членам «БойКо» грозит опасность. Алекс Пейнос, Айзек Моузес и Джей Парлар нуждаются в защите.

Соуллер поднял брови:

– Как? Вы уже знаете их по именам?.. Ну и ну! Вы действительно волнуетесь по поводу шайки хулиганов?

– Это моя работа, – холодно сказал Пукки. Он осмотрел помещение. – И еще: я много раз в бытность школьником бывал в помещении, очень напоминающем ваш кабинет.

– В качестве жертвы или…

– Или, – ответил Пукки. – Я знаю, что эти ребята – мягко говоря, не подарок, но они все еще *дети*. И могут исправиться. Я смог. У Оскара Вуди такого шанса уже никогда не будет. Вы знаете учеников и преподавательский состав лучше, чем мы. Любое ваше участие в этом деле поможет нам спасти драгоценное время. И жизни.

Соуллер кивнул:

– Ну, хорошо. Я просмотрю все записи о происшествиях. И отдельно поговорю с учителями.

Пукки встал и вручил свою визитную карточку.

– Прошу вас, обязательно позвоните, если вам удастся что-нибудь выяснить.

Они пожали друг другу руки.

Чанг вышел, обнаружив Брайана в холле, возле питьевого фонтанчика. Тот с наслаждением обмывал лицо холодной водой.

– Брай-Брай, как ты себя чувствуешь?
Брайан выпрямился и вытер лицо.
– Действительно помогло. Ну что, готов побеседовать с родителями Оскара Вуди?
Ты убил пять человек, вспыхнуло в голове у Пукки.
– Конечно, – ответил он вслух.

Собачья шерсть

Робин оторвалась от микроскопа.

Нет, это *неправильно*. Здесь что-то не так. Должно быть, она по ошибке подцепила где-то человеческие волосы.

Женщина взяла лоток, в котором лежало множество коричневых, длиною в дюйм, волосков, которые ей удалось собрать на трупе и на одеяле. С помощью пинцета осторожно подхватила волос из раны на теле Оскара. Подняв, поднесла его поближе, чтобы рассмотреть. Да, это был волос животного.

Но он выглядел так же, как и текущий образец.

Она приложила один к другому: *совершенно* одно и то же.

Робин поместила новый образец под микроскоп. Точно так же, как и в случае с первым образцом, она начала с небольшого увеличения, чтобы лучше рассмотреть всю форму. Волос имел клиновидное окончание, как и следовало ожидать. Волосы животных обычно так и выглядят. Концы человеческих волос почти всегда *обрезаны*, и это легко рассмотреть под микроскопом, в то время как большая часть волос в шерсти животных *сужена,* имеет заостренные концы, поскольку мех животных, как правило, изнашивается естественным образом. Стрижке подвергаются лишь домашние питомцы, и то далеко не все.

При более сильном увеличении начали выявляться кое-какие странности.

Волосы животных обычно состоят из трех частей: *коры, кутикулы* и *сердцевины*. Проводя аналогию с обыкновенным карандашом, можно сказать, что кора – это дерево, сердцевина – графитовый стержень, а тонкий слой краски – кутикула.

Кутикула – это слой клеток, который покрывает «ствол», или основу, как змеиная чешуя. Рисунок этой «чешуи» меняется в зависимости от вида животного. Так, среди грызунов распространена так называемая *коронарная* «чешуя» волосяного покрова. Треугольная *шипообразная* кутикула волоса указывает на принадлежность животного к семейству кошачьих.

Образец, который исследовала Робин, имел *перекрывающуюся, сглаженную* «чешую».

Собачья шерсть тоже имеет подобный рисунок «чешуи», но сами чешуйки довольно толстые, и сердцевина волоса полностью обернута ими. Однако образцы волос, взятые с одеяла, оказались более тонкими, мелкими и более плотными, чем собачья шерсть.

Такой тип кутикул больше характерен для *человеческих* волос.

Робин проверила еще несколько волосков. У всех были мелкие кутикулы и суженные окончания…

Возможно, волосы нападавшего росли очень медленно. Может быть, он очень редко стриг их. Или вообще не стриг. Возможно, это были волосы лысеющего человека; их фолликулярный рост сильно замедлился. Обычно мужчины, страдающие облысением, не слишком любят подстригать то немногое, что у них еще осталось на голове.

Все это возможно, но как тогда быть со следами укусов, с чудовищными параллельными выемками на костях Оскара Вуди? Их *могло сделать только* животное. *Очень крупное* животное. Значит, здесь как-то замешан и хозяин зверя… Если так, то, возможно, в ране обнаружены именно его волосы вперемешку с шерстью животного…

Скоро будет готов анализ образцов слюны. Если выяснится, что это слюна человека, то потребуется сопоставить ее данные с характеристиками волос. Робин могла бы *подтвердить*, что волосы принадлежат человеку, если бы удалось найти образцы с фолликулами на корнях, а затем протестировать фолликулярные клетки.

Ничего, скоро она точно будет знать, человек это или животное…

Пукки и Брайан беседуют с Алексом Пейносом

– Нам нужна твоя помощь, Алекс, – сказал Пукки. – Ты не знаешь, кто хотел бы отомстить за что-нибудь тебе или твоим друзьям?

Пукки ждал ответа. Они с Брайаном сидели на стульях, в то время как Алекс Пейнос и его мать Сьюзен разместились на диване напротив. Между ними находился журнальный столик, на котором стояла ваза свежих цветов, лежала пачка сигарет и коробка с влажными салфетками. Сьюзен уже сжимала в руке одну салфетку, глаза ее были красными от слез.

На Алексе были джинсы, черные военные ботинки и совершенно новая темно-красная куртка с эмблемой футбольной команды «Бостон-колледж иглс». Скривив губы в усмешке, он презрительно поглядывал на полицейских. Сьюзен Пейнос наблюдала за сыном, покачивая головой и нервно комкая влажную салфетку.

– Алекс, мальчик мой, – в очередной раз проговорила она, – почему ты молчишь? Ответь им, пожалуйста!

Алекс посмотрел на мать с тем же выражением скуки и презрения, с которым разглядывал полицейских.

– Ну, пожалуйста, – попросила снова Сьюзен и вытерла глаза.

Алекс откинулся на спинку дивана, скрестив на груди руки.

Да, этот парень – не подарок, подумал про себя Пукки. Ему явно следовало вправить мозги. Алекс был достаточно крупного телосложения, и большинство людей на улице обычно уступали ему дорогу, тем самым провоцируя юношу на еще большую агрессивность. К тому же он, видимо, считал, что ему все дозволено.

Квартира Сьюзен Пейнос с двумя спальнями располагалась на шестом этаже добротного десятиэтажного дома на Юнион-стрит, к востоку от Хайда. Видимо, женщина неплохо зарабатывала. Господина Пейноса, если таковой вообще существовал, дома не оказалось. По всей видимости, у него были внушительные габариты. По крайней мере, судя по его отпрыску. Сама Сьюзен была стройной и худой женщиной, в то время как шестнадцатилетний Алекс вымахал уже под шесть футов и имел крепкие мускулы. Он был крупнее Брайана. Еще три-четыре месяца хорошего питания, и он станет больше Пукки…

Сначала Пукки и Брайан отправились на квартиру Джея Парлара. Но парня не оказалось дома. Его отец понятия не имел, где находится сын, и не слишком был расположен беседовать с полицейскими. Замечательная семейка, ничего не скажешь! Следующим по списку был Айзек Моузес, но пока Пукки с Брайаном пришлось иметь дело с неразговорчивым и высокомерным Алексом Пейносом. Казалось, тот был не слишком расстроен гибелью своего товарища по шайке.

– Попытайся же, наконец, понять, – повторял Пукки. – Совершено зверское убийство. Обычно такие вещи малопонятны, если нет мотива. *Личного* мотива. У тебя и твоих дружков были стычки с другими бандами? С «Латинскими кобрами»? Или с чем-нибудь в этом роде?

– Мне нечего сказать, – нехотя ответил Алекс. – И вообще, я подросток и ничего плохого не совершил. Поэтому вполне могу послать вас подальше. Что вы на это скажете?

Брайан наклонился вперед.

– Что? А вот что: твой приятель мертв.

Алекс пожал плечами и отвел взгляд.

– Значит, Оскар был не так уж крут, каким казался. Это не мои проблемы.

Пукки заметил в глазах подростка злобный огонек. Смерть Оскара явно задела его за живое. Алекс, вероятно, рассчитывал, что сможет самостоятельно отыскать убийц.

– Ты, видно, все-таки не понял нас, приятель, – сказал Брайан. – Рука Оскара была вырвана из туловища. Ему вспороли живот и вытащили все кишки.

Сьюзен закрыла рот платком.

– О боже…

– Потом эти кишки взяли и запихали обратно, – продолжал Брайан. – Ему сломали челюсть, выбили зубы. И еще – правый глаз.

Сьюзен заплакала и начала покачиваться взад-вперед. Алекс изо всех сил старался выглядеть безразличным. Это не слишком у него получалось.

– Есть еще кое-что, – добавил Клаузер.

Пукки откашлялся.

– Гм… Брайан, может быть, лучше не надо…

– Надо! Так вот, они… *поссали* на него, – сказал Брайан. – Ты слышишь меня, Алекс? Они нассали на твоего друга. И это не просто так. Кто-то сильно ненавидел его. Скажи нам, кто ненавидел его, и, может быть, нам удастся отыскать убийцу.

Алекс поднялся, злобно сверкнув глазами.

– Вы что, пришли меня арестовать?

Пукки покачал головой.

– В общем, если вы не собираетесь меня арестовывать, то я пошел.

– Ты должен остаться, – сказал Пукки. – Тот, кто убил Оскара, теперь может начать охоту за остальными. Ты в опасности!

Алекс снова хмыкнул.

– О себе я уж сам как-нибудь позабочусь.

Сьюзен протянула руку и дотронулась до рукава его куртки.

– Сынок, может быть, тебе лучше послушаться…

– Отвяжись, мама, – Алекс отвел ее руку. – Тебе нравится распинаться перед ними? Почему бы тебе не выпроводить их за дверь? Всё, я ушел.

Алекс вышел и громко хлопнул дверью.

Сьюзен не могла сдержать рыданий. Трясущейся рукой она извлекла очередную сигарету из пачки на столике. Пукки машинально вытащил из кармана зажигалку, щелкнул и дал женщине прикурить. Сам он не курил, но давно включил зажигалку в свой стандартный набор вещей. Прилично одеваться, красиво говорить, покупать напитки, вовремя дать прикурить – и дамы за тобой потянутся. Удивительно, как столь малозначимый жест может «растопить лед», продемонстрировать женщине, что вам интересно с нею общаться и вы небезучастны к волнующим ее проблемам.

Затянувшись, Сьюзен положила смятую салфетку на стол. Пукки и Брайан ждали. Женщина довольно быстро взяла себя в руки. Хотя, как отметил про себя Пукки, слезы по поводу Алекса ей приходилось проливать достаточно часто.

– Простите, – проговорила она. – Он у меня… трудноуправляемый мальчик.

– Конечно, мэм, – сказал Пукки. – Подростки могут доставлять проблемы. Знаю, я сам был таким.

Она засопела, улыбнулась и поправила волосы. Чангу был знаком этот жест, и он его огорчил. У ее сына большие неприятности, его друг убит, а Сьюзен Пейнос все еще обеспокоена собственной внешностью. Впрочем, она все-таки женщина. К тому же весьма недурна собой. Если бы все это происходило в какой-то другой день, а Пукки вместо расследования убийства сидел где-нибудь в баре за бокалом пива, то шансы заманить Сьюзен Пейнос к себе в постель он расценивал бы на 75 процентов. А то и больше…

– Я знала Оскара, – сказала Сьюзен. – Они дружили с Алексом еще с начальной школы. Он был хорошим мальчиком, пока…

Она вдруг осеклась. Наверное, тяжело осознавать, что хороший мальчик постепенно стал неуправляемым, выбрал неправильный путь и болтался в компании весьма сомнительных сверстников, среди которых и *твой собственный сын*…

– Послушайте, миссис Пейнос, – сказал Пукки, – мы знаем, что Алекс состоит в шайке. Небольшой, но это все равно шайка. Кто, по-вашему, мог невзлюбить вашего сына? Кто захотел бы причинить боль ему или его друзьям?

Она покачала головой.

Брайан откашлялся, потом вытащил из коробки пару салфеток и вытер себе рот.

– А как насчет *мести?* – спросил он. – Мести со стороны любого из детей, которых преследовала банда «БойКо»?

Тон его голоса был резким и неумолимым. Он отчетливо обвинял Сьюзен в том, что именно при ее попустительстве Алекс вырос таким нравственным уродом. Сам Брайан считал, что воспитан в прекрасной семье. Матери он лишился еще в раннем детстве. Она его очень любила. Отец до сих пор благодарил Бога, что тот в свое время послал ему такую супругу. Выходцам из благополучных семей очень трудно понять, что иногда, независимо от того, как вели себя родители, некоторые дети превращаются в ублюдков.

В прошлом Пукки шел по тому же пути, что и Алекс. У него были отличные родители – они его любили, были внимательны, во всем поддерживали, но Пукки слишком быстро повзрослел. Он стал хулиганом. Он наслаждался своей властью, ему нравилось внушать страх сверстникам, и так продолжалось до тех пор, пока он не угодил в неприятную историю. Просто наткнулся на очень плохого парня и едва унес свою задницу. Парня звали *Шамус Джоунс*. Ну, кто называет своего ребенка *Шамусом*? Это все равно что назвать мальчика женским именем *Сью*. Как только Пукки сошелся с ним в рукопашной, оказалось, что Шамус не просто умел драться – он знал грязные приемчики. Пукки первый раз в жизни был избит металлической трубой. Однако, как оказалось, и в последний: сломанные ребра, сотрясение мозга и несколько дней, проведенных в больнице, стали для него на редкость хорошим уроком.

– Да, да, любого! – кивнул Брайан. – Любого из тех детей, которых избивал и над которыми издевался ваш сынок…

Сьюзен сделала еще одну затяжку, постоянно перекладывая сигарету губами; некоторые курильщики, наверное, думают, что это помогает справиться с волнением. Она взяла новую влажную салфетку и пожала плечами.

– Алекс – все-таки мальчик. А мальчишки, сами знаете, встревают в драки…

– Миссис Пейнос, – сказал Пукки, – нам поможет любая информация, которую вы нам сообщите. Любая мелочь имеет значение.

– Называйте меня просто Сьюзи, зачем так официально? Отец Алекса бросил меня, когда мальчику исполнилось пять лет… Слушайте, ведь полицейские уже не в первый раз беседуют со мной о сыне? Он просто дикий ребенок. Не поддающийся никакому контролю. Иногда он отсутствует дома по несколько дней.

Пукки кивнул.

– Где же он обитает все это время?

– Откуда мне знать?

– Ерунда, – сказал Клаузер. – Как вы, мать, можете не знать об этом?

– Брайан, – Пукки поднял руку, пытаясь прервать напарника. – Не сейчас. – Он повернулся к Сьюзен: – Мэм, куда обычно уходит ваш сын?

– Я же сказала вам, что не знаю. У него есть подружки. Я, правда, никогда их не видела, но знаю, что он ночует у них. Я даже не в курсе, как их зовут. Я не могу его контролировать. Он… он уже слишком большой… Иногда приходит домой, когда ему нужны деньги, когда он проголодался или чтобы переодеться. Остальное время… Послушайте, я вкалываю на двух работах, понимаете? Иногда беру дополнительные дежурства. Меня не бывает дома по двадцать часов в сутки. Мне приходится это делать, потому что мы нуждаемся в деньгах. Если Алекс не хочет приходить домой, я не могу затянуть его сюда силой.

Боль в ее глазах говорила сама за себя. *Если он не хочет прийти домой* на самом деле означало: *если он не любит меня*.

Брайан встал.

– Ладно, к черту все. Я подожду на улице.

Он вышел из квартиры, хлопнув дверью почти так же громко, как и Алекс.

Сьюзен с недоумением проводила его взглядом.

– Ваш напарник – просто сволочь, – наконец проговорила она.

– Да, иногда на него находит. – Пукки сунул руку в карман спортивной куртки, вытащил визитку и передал женщине. – Но поймите: ваш сын в опасности. Если что-нибудь увидите или услышите, что-нибудь мало-мальски важное, немедленно свяжитесь со мной.

Она уставилась на него; ее глаза, словно зеркало, отражали душу убитой горем матери-одиночки. Затем взяла визитную карточку.

– Хорошо. СМС тоже можно отправить на этот номер?

Пукки вытащил сотовый телефон и показал ей.

– Все звонки и текстовые сообщения поступают прямо сюда. Я никогда с этим не расстаюсь.

Она засопела носом, кивнула и положила карточку в карман.

– Спасибо, инспектор Чанг.

– Да, мэм.

Пукки вышел из квартиры. Брайан уже стоял внизу, поджидая напарника возле «Бьюика».

– Нам нужно поскорее в управление, – сказал он, когда они с Чангом уселись в машину. – Звонил капитан Шэрроу.

– Прямо сейчас? Но мы еще не побеседовали с родителями Айзека Моузеса…

– Да, прямо сейчас, – сказал Брайан. – Шеф Зоу вызывает нас к себе.

Бабушка в платочке

Эгги Джеймс сидел, скорчившись, на тонком матраце, обхватив руками колени и раскачивался взад-вперед. Он знал, что со стороны выглядит чокнутым, но это его мало тревожило.

Наркотический кайф закончился. Он все еще не понимал, происходило ли увиденное им здесь на самом деле. Ему казалось, что он пробыл здесь целый день или даже два. Сказать наверняка было трудно: в белой комнате, где всегда горел свет, он мог запросто потерять ход времени.

Здесь по-прежнему пахло отбеливателем. Цепи снова натянулись, прижав Эгги и остальных к стене, после чего в комнату вошел облаченный в белую робу монстр с темно-зеленым лицом демона и вкатил металлический ящик на колесах. Эта штука вытерла и обработала отбеливателем длинные кровавые полосы, оставленные руками мексиканского мальчика. Демон не произнес ни слова и не обратил ни малейшего внимания на мольбы и всхлипывания мексиканских родителей. Как только уборка закончилась, демон так же бесшумно удалился.

С тех пор в комнату больше никто не заходил.

Металлический хомут на шее не давал покоя Эгги. Под ним уже образовались кровавые потертости и раны. Края нижней челюсти, как слева, так и справа, сильно вздулись.

Ему нужна была новая доза. Он понимал, что это единственный способ отключиться и доставить себе хоть какое-то удовольствие. Сильно чесались и покалывали руки и ноги. Живот словно чем-то сдавило, и Эгги чувствовал, что его скоро вырвет. Эх, если б тот, кто упрятал его сюда, понял это и выпустил его ко всем чертям…

Компанию ему в этом помещении составляла лишь мексиканская пара. Женщина почти не разговаривала. Иногда она плакала. Бо́льшую часть времени просто сидела у стены, тупо уставившись в пустоту. Муж пытался как-то поддержать ее; по крайней мере это чувствовалось в тоне его голоса. Видимо, он хотел донести до нее, чтобы она *не теряла надежду,* что *их сын все еще жив*, но женщина либо не слышала его, либо просто не хотела отвечать.

Иногда тем не менее она поворачивалась к нему и что-то тихо говорила. Так тихо, что Эгги не мог разобрать ни слова. Всякий раз, когда она это делала, он медленно отходил от них подальше, насколько позволяла цепь. Потом стоял на одном месте, как истукан, и пялился в пол.

Сейчас они оба молчали. Мужчина уселся на пол. Его жена спала, положив голову ему на колени. Он медленно поглаживал ее волосы.

В животе у Эгги внезапно заурчало, и возникло хорошо знакомое и крайне неприятное ощущение. Это был некий внутренний сигнал тревоги. Он рванулся со своего матраца и пополз к металлическому выступу и отверстию в центре белого пола. Цепь с тихим металлическим лязгом тянулась за ним.

Стянув вниз штаны, он повернулся и присел на корточки над отверстием. По коже прокатилась холодная дрожь. Внезапный приступ диареи встряхнул все его тело. Послышались знакомые хлюпающие звуки от выхода жидких фекалий. Живот скрутили судороги. На лбу выступил пот, и тело обдало холодом. Он вынужден был опереться рукой о пол, чтобы сохранить равновесие. Второй выплеск был уже не таким сильным, как первый. Судороги слегка ослабли.

– *Usted es repugnante*[23], – проговорил мексиканец.

[23] Ты отвратителен (*исп.*).

Repugnante… Это что? *Противный* по-нашему! Ему противно! Чертов недоносок… У него отобрали сына, а он, видите ли, морщит нос по поводу какашек!

– Пошел ты! – злобно огрызнулся Эгги. – Не будь на мне этих цепей, я бы надрал тебе задницу.

Неправда. Мужчина, судя по всему, был из строителей, худой, но очень жилистый. Такие обычно умеют махать кулаками. Правда, когда ты прикован цепью, особенно не побоксируешь…

Возможно, парню надо поделиться с кем-нибудь своим горем: все-таки он потерял сына.

Тебе известно, что это такое, поэтому не будь к нему слишком строг.

На стенах гулким эхом отозвался металлический грохот. Монстры возвращаются? Схватив моток туалетной бумаги, Эгги подтерся, затем быстро натянул штаны и удалился к месту в стене, откуда выходила цепь. Еще один приступ боли в животе… Он повернулся и прижался спиной к белому камню; когда цепь со звоном стала исчезать внутри стены, он уже был на месте. Небольшой толчок, и хомут-кольцо уперся в стену.

Мужчина и женщина также были притянуты цепями к стене. Лицо мужчины было искажено злобой. На лице женщины читались ужас и некоторое замешательство после краткого, но крепкого сна.

Металлический грохот прекратился.

Открылась белая решетчатая дверь.

Эгги затаил дыхание, ожидая снова увидеть облаченных в белые капюшоны демонов. Однако вместо них в помещение вошла какая-то старуха. Она толкала перед собой ржавую металлическую тележку – как из гипермаркета самообслуживания, одно из колесиков которой сильно скрипело.

Старуха была полной и немного сутулой. Она передвигалась по каменному полу мелкими шажками. На ней была серая юбка, коричневый вязаный свитер, простые черные ботинки и свободные серые носки. Голову покрывала косынка грязно-желтого цвета, с розовыми цветочками. Из-под косынки виднелось испещренное морщинами лицо и немного седых волос. Косынка была завязана под самым подбородком, а два ее конца свисали вниз до груди.

Она выглядела, в общем-то, совершенно обыкновенно, как пожилая леди, которых можно встретить на автобусной остановке. От старухи пахло свечами и старым лосьоном.

Она остановила свою скрипучую тележку в нескольких шагах от Эгги. Тот увидел в ней контейнеры и пластиковые пакеты с сэндвичами. Старуха поставила на его матрац контейнер с красной крышкой и завернутый в целлофан сэндвич. Потом снова достала что-то из тележки – это был пакет с соком.

Она взглянула ему прямо в глаза. Что-то в ее сморщенном лице, в пристальном взгляде глубоко посаженных карих глаз вызвало у Эгги непреодолимое желание бежать, *поскорее*, куда угодно, лишь бы убраться подальше из этого проклятого места…

Шаркая, она подошла еще ближе.

– Пусти… пустите меня, – пробормотал Эгги. – Леди, отпустите меня… Я… Я никому ничего не скажу.

Старуха наклонилась вперед и засопела носом. Она *понюхала его*. Ее нос сморщился, глаза сузились. Какое-то время она, задержав дыхание, казалось, размышляла над новым для себя запахом, затем шумно выдохнула, повернулась, пренебрежительно отмахнувшись и словно говоря: «Только зря на тебя время потратила».

Затем она толкнула тележку в сторону мексиканцев. На каждом из матрацев оставила по контейнеру, по сэндвичу и по пакету с соком. Подошла к мужчине, но держалась от него на

почтительном расстоянии. Принюхалась, затем покачала головой. После этого повернулась к женщине.

Снова зафыркала. Потом напряглась, засопела…

Улыбнулась, обнажив целый рот очень редких желтых зубов.

Закивала.

Повернулась и поволокла свою скрипучую тележку из комнаты. Белая решетчатая дверь за нею с шумом захлопнулась.

Металлические цепи ослабли. После ее ухода Эгги стало нехорошо, но он, не раздумывая, схватил бутерброд и сорвал обертку. По поводу возможного яда не волновался: если уж его собирались убить, то уже давно бы это сделали. Он откусил большой кусок. Язык защекотал долгожданный вкус ветчины, сыра и майонеза. Эгги открыл пластиковый контейнер, обнаружив там горячий, дымящийся коричневый перец чили и приличный кусок говядины.

В животе защемило, и он поставил еду на матрац. У него снова начинался понос…

Показательная порка

Пукки Чанг сидел в кресле перед столом начальника полицейского управления Эми Зоу, терпеливо отсчитывая минуты до того момента, когда он сможет наконец поглумиться над Полиэстером Ричем Верде. Это будет редкий момент торжества на фоне, в общем-то, невеселой ситуации.

Брайан сидел справа от Пукки. Вид у него был очень изможденный, и сейчас это была скорее лишь тень от прежнего Брайана, всегда собранного и хладнокровного. Всего сутки назад они сидели в этом же кабинете. Прошло так мало времени, но их мир изменился до неузнаваемости.

Шеф Зоу снова расположилась за своим безукоризненно чистым столом. В центре этого стола снова лежала бумажная папка. И больше ничего, кроме рамки с тремя фотографиями членов ее семьи.

Заместитель начальника полиции Шон Робертсон стоял слева от своего шефа, как будто ждал, что она вот-вот встанет и уйдет, а он сможет занять ее место. Он также держал в руках папку.

Справа от стола Зоу, в кресле у стены, занял место капитан Джесси Шэрроу. У него на коленях тоже лежала папка. Что бы сейчас здесь ни происходило, было совершенно ясно, что Зоу, Робертсон и Шэрроу использовали одну и ту же тактику. Шэрроу сидел прямо, и в его позе чувствовалось напряжение. У него определенно что-то было на уме – не слишком радостное. Даже его обычно безупречный костюм выглядел слегка помятым.

Шеф Зоу открыла свою папку. Пукки узнал ее содержимое – там лежал отчет по делу Оскара Вуди. Она быстро пролистала его. Потом взглянула на Чанга.

– Здесь записано, что вы двое просто проезжали мимо.

– Да, шеф, – кивнул Пукки. – Мы просто ехали по улице. Брайан… э-э… заметил одеяло, и мы остановились.

Она пристально посмотрела на него. Смотрела достаточно долго, чтобы все ощутили неловкость ситуации.

– Так. Значит, вы просто *остановились*, – сказала она. – Ради какого-то человека в переулке, с виду похожего на бездомного? Раньше вы не были таким гуманистом, Чанг. По крайней мере, я лично как-то не замечала. Почему вы решили, что здесь что-то не так?

– По запаху, – вмешался напарник.

Черт побери, Брайан, закрой же рот.

Зоу повернулась к нему.

– Вы, что же, нюхали его, что ли, Клаузер?

Брайан протер глаза.

– Я… я просто почувствовал сильный запах мочи…

– Мочи, шеф, – кивнул Пукки.

Он неодобрительно покосился на напарника. Тот подмигнул, затем откинулся назад. Он понял, что хотел ему сказать Пукки: *позволь мне самому вести разговор*. Чанг не хотел, чтобы Брайан вмешивался. Если он хотя бы вскользь упомянет о своих долбаных снах, их ждут большие проблемы…

– Когда мы оказались на месте убийства Пола Мэлоуни, – сказал Пукки, – там сильно пахло мочой. Так вот, Брайан почувствовал этот запах и на Мичем-плейс, а потом мы сразу же заметили, что под одеялом кто-то лежит. Вот и остановились. Инстинкт полицейского. Так можно сказать.

Зоу снова окунулась в отчет. Вероятно, ей хотелось, чтобы каждый открыл копию на одной и той же странице. Оскар был подростком, и столь зверское убийство автоматически

подразумевало, что репортеры накинутся на них, как коршуны, и ни за что не оставят в покое. Уже был отпечатан спецвыпуск «Кроникл», и фотография Оскара красовалась на газетных стойках по всему городу. Труп был так же обильно полит мочой, как и труп Мэлоуни. Если бы эта информация просочилась в прессу, то дело привлекло бы к себе сотни журналистов.

Конечно, Пукки многое ставил на эту связь. Они с Брайаном первыми прибыли на место убийство Оскара. Зоу могла бы объединить оба дела и передать своей лучшей паре детективов. А значит, Полиэстер Рич может засунуть кактус себе в задницу…

Шеф Зоу продолжала читать отчет. Пукки показалось, что она слишком долго рассматривает фотографии с места преступления.

Чанг бросил взгляд на Робертсона. У Робертсона копия собственного отчета была открыта на той же странице. Опустив серые очки на кончик носа, он тоже впился взглядом в снимки.

Шэрроу держал отчет на коленях и в этот момент пристально рассматривал снимок с кровавым символом на асфальте.

То, как они изучали документы… выглядело по меньшей мере странно.

Вскоре шеф Зоу подняла голову.

– Кого удалось опросить?

– Мы прочесали тот район, – ответил Пукки. – Не удалось найти ни одного свидетеля, который бы что-нибудь видел или слышал. Мы побеседовали с Кайлом Соуллером, директором средней школы «Галилео», где учился Оскар. Пытались переговорить с родителями погибшего, но они слишком расстроены случившимся и пока не готовы к откровенной беседе.

Зоу переключила взгляд на фотографию своих двойняшек у себя на столе.

– Могу представить, что они сейчас чувствуют.

Пукки кивнул.

– Они были просто в шоке. Мы также разговаривали с Алексом Пейносом, главарем шайки «БойКо», в которой состоял Оскар, а также с матерью Алекса, Сьюзен Пейнос. Предстоит также беседа с Айзеком Моузесом и Джеем Парларом. Это еще два члена их банды.

Зоу вытащила из папки три фотографии и разложила их рядом. Пукки включил в отчет фотографии из базы данных Черного Мистера Бёрнса. Он вспомнил эти лица: Джей Парлар с рыжей козлиной бородкой; Айзек Моузес с орлиным носом и голубыми глазами и, наконец, светловолосый и надменный Алекс Пейнос.

Зоу кивнула и снова заглянула в отчет.

– Ну, а эти символы, инспектор Чанг? Что удалось о них выяснить?

Шэрроу и Робертсон сразу же оторвались от своих копий отчетов и дружно посмотрели на Пукки. Тот почувствовал себя лабораторной крысой, над которой склонились с пинцетами и скальпелями трое ученых, ждущих с нетерпением, когда же он наконец отреагирует на новые стимуляторы.

– Гм… Мы прочесали базу данных Региональной совместной информационной системы, – ответил он. – Но нарыть ничего не смогли.

– Ничего? – повторила Зоу. – Совсем?

– То есть, я хотел сказать, ничего на местном уровне.

Она кивнула. Три головы вновь склонились над страницей с фотографиями кровавых символов.

Пукки пошутил по поводу *инстинктов полицейского*, но на самом деле они все-таки существовали; и сейчас они внезапно проявились, заставив его по-новому взглянуть на происходящее. В системе имелась информация о символах, но она была намеренно кем-то удалена… Стоп! А что, если у Зоу, Робертсона и Шэрроу имелся привилегированный доступ в базу данных? Не исключено…

На этой стадии лучше всего было бы умолчать о той работе, которую ведет Черный Мистер Бёрнс. Однако имя Джона уже фигурировало в отчете, и если бы Пукки мельком не упомянул о Джоне, Зоу вполне могла вызвать того к себе в кабинет на «проработку».

– Мы нашли кое-что, – сказал Чанг. – Это информация о серийном убийце из Нью-Йорка, но дело было закрыто больше двадцати лет назад. Мы показали этот символ людям в округе, рядом с местом убийства, но никто такого раньше не видел. Джон Смит из оперативной группы отдела убийств говорит, что рисунок не связан ни с одной из местных группировок. Короче, ничего существенного мы так и не нашли.

Зоу слегка откинулась назад. Полученная информация дала ей возможность расслабиться? Хотя бы немного?

– Больше ничего не удалось откопать?

Пукки отрицательно покачал головой.

Зоу перевела взгляд на Брайана.

– А вы, Клаузер? Есть что добавить?

Тот также покачал головой. Она долго сверлила его глазами, но Брайан так и не отвел взгляд. Наконец Зоу вновь опустила голову, просматривая отчет.

Пукки терпеливо ждал. Зоу, конечно, была чертовски дотошна, но отнюдь не склонна раздувать скандалы.

Заместитель шефа Робертсон тоже чего-то ждал; раскрыв папку, он то и дело посматривал на Зоу.

Пукки покосился на Шэрроу. Седовласый капитан свою папку уже закрыл и теперь держал ее обеими руками. Пукки заметил, что папка слегка подрагивает. Робертсон сидел все так же прямо, но его глаза были почти закрыты.

Что, черт возьми, здесь происходило?!

Зоу подняла голову.

– Теперь несколько слов о моче, – сказала она. – Значит, она такая же, как и в деле Пола Мэлоуни: убийство, искалеченное тело, моча на трупе… Инспектор Чанг, как, по-вашему, эти два убийства связаны между собой?

Пукки сразу же кивнул.

– Ставлю все, что угодно, шеф. Простое совпадение здесь исключено.

Зоу закрыла папку.

– Согласна, – сказала она. – Эти два случая, несомненно, связаны. Тогда все ясно. Передайте всю накопленную информацию и контакты Ричу Верде и Бобби Пиджену.

Нет, ему наверняка *послышалось*… Как же так?!

– Шеф, – растерянно пробормотал Пукки, – разве не они должны передать нам свою информацию по делу Мэлоуни?

– Разве я нечетко выразилась? Или страдаю заиканием? Вы отстраняетесь от ведения этого дела.

– Но, шеф, мы же первыми прибыли на место происшествия!

Робертсон захлопнул свою папку.

– Пукки, не спорь, – сказал он. – Просто передай свою информацию, и всё.

Выходит, теперь им не только не достанется дело Мэлоуни, но и Верде получит в свои руки дело, в которое каким-то образом замешан Брайан! Полиэстер, конечно, порядочная мразь, но коп он хороший. Начнет копать и что-нибудь выкопает. Если ему удастся нарыть информацию, которая хоть как-то свяжет Брайана с этим делом… Нет, Пукки просто *не мог* позволить этому человеку сунуть нос в это дело.

– Шеф, – сказал он, – Оскар Вуди *наш*. Мы его нашли, мы первыми оказались на месте преступления. Бобби Пиджен лишь недавно перешел сюда из отдела нравов. Разве он может похвастать расследованием *четырех* убийств?

Капитан Шэрроу встал со своего места. В руке у него была папка с копией дела. Дрожь в руках, видимо, прекратилась.

– Не стоит, Чанг, – сказал он. – Пиджен – хороший полицейский. А Верде начал ловить убийц, когда ты еще в подгузниках ползал.

– Но, кэп, это *наше* дело! Мы хотим сами заняться его расследованием!

Шеф Зоу поправила папку, убедившись, что та лежит строго параллельно краям стола.

– Инспектор Чанг, достаточно прений.

– Но, шеф, вы же сами…

– *С этим покончено,* – отрезала она, раздраженно взмахнув ладонью. – Чанг, на сей раз вам придется *послушаться*. Другого случая, как с Блейком Йоханссоном, не будет.

Она даже об этом вспомнила?!

– А под этим вы, конечно, подразумеваете того нечистого на руку копа, которого я разоблачил, не так ли?

– Вам же настоятельно посоветовали оставить в покое это дело, – сказала Зоу. – Вам сказали, что этим займутся люди из отдела служебных расследований, но вы не послушались. В результате едва не погиб Джон Смит, и его карьера с тех пор уже не могла продолжиться в прежнем качестве.

А Блейк Йоханссон *действительно* умер.

Пукки заскрежетал зубами, пытаясь сохранить спокойствие. Отдел служебных расследований, казалось, был частью цепочки Йоханссона – эти люди не замечали его так же, как он сам закрывал глаза на деятельность банд, которые ему платили. Пукки устроил облаву, и не его вина, что Йоханссон решил отстреливаться вместо того, чтобы тихо уйти на дно.

По крайней мере, именно это повторял себе Чанг всякий раз, когда видел за компьютерным столом Черного Мистера Бёрнса. Тот уже давно просиживал дыру в кресле вместо того, чтобы гоняться за бандитами.

– Инспектор Чанг, на сей раз вам придется подчиниться, – повторила Зоу. – Мои приказы не обсуждаются. Отправляйтесь к Верде и Пиджену и передайте им все, что у вас есть. И если тот директор школы, с которым вы беседовали, узнает что-нибудь новое, то пусть звонит Верде, а не вам.

С этими словами она повернулась к Брайану.

– А теперь, Клаузер, мне хотелось бы лично убедиться в вашей адекватности. Вы отдаете себе отчет, что больше не занимаетесь *этим делом?*

Брайан ответил ей холодным взглядом. В его глазах читалось желание плюнуть шефу в лицо, и он этого не стеснялся.

– Мы отстранены от этого дела. Что уж тут непонятного, – сказал он. – Со слухом у нас, слава богу, пока что все в порядке.

Зоу коротко кивнула.

– Ну, вот и прекрасно. Хорошего дня, господа.

Брайан вышел из кабинета. Пукки последовал за ним. Нет, это просто чертовщина какая-то! Ну, хорошо, пусть оба дела отдали Верде с напарником, но тогда Пукки и Брайану следовало поручить помогать им, а не давать столь откровенного пинка под зад. Может быть, Зоу было известно нечто такое, о чем не догадывался Пукки? Например, о странных снах Брайана Клаузера?

От этой мысли у него похолодело внутри. Пукки замер на месте. Он оглянулся, однако капитан Шэрроу, шеф Зоу и ее заместитель Шон Робертсон как будто ничего не заметили. Они опять раскрыли свои папки. И дружно уставились на странные символы…

Робин берет бразды правления в свои руки

Днем поступили еще три трупа. Двое, по всей видимости, умерли от естественных причин, в то время как причиной смерти третьего человека явилось огнестрельное ранение в висок. Сейчас в морге кипела работа и было многолюднее, чем обычно. Даже в отсутствие Метца четко соблюдались его принципы и подходы, поэтому все шло достаточно гладко.

Робин закончила работу с очередным трупом. Немного освободившись, она решила проверить результаты анализа образцов слюны, предположительно принадлежащей организму убийцы Оскара Вуди. Покинув секционную, перешла в свой кабинет, расположенный в административной части отдела. Вздохнув, взглянула на фотографию Эммы. На часах было почти семь. Робин хотелось уйти, вернуться домой, заползти в постель и обнять свое мохнатое сокровище. Собака, естественно, запрыгнет на кровать, оближет ей лицо и, довольная, заснет рядом, точнее не рядом, а взобравшись к Робин на грудь. Эмма не могла спать на свободной стороне постели – ей непременно требовалось некоторое время полежать на груди хозяйки. Но это женщину нисколько не напрягало. После расставания с Брайаном мужчины в ее постели больше не было, поэтому единственным утешением оставалась Эмма, ее веселый лай и теплое дыхание.

Робин повернулась к монитору и запросила результаты анализа. Да, все подтвердилось: образец слюны, обнаруженной на трупе Оскара Вуди, принадлежал человеку – так же, как и материал, взятый из фолликул волос. Судя по травмам на теле, в нападении, по-видимому, участвовало очень крупное животное, но сомнений в том, что слюна принадлежит убийце-человеку, больше не было.

Компьютерная система автоматически передала результаты теста в систему КОДИС. Совпадений выявлено не было; кем бы ни являлся этот жестокий убийца, его ДНК ни разу не вводилась в базу данных ФБР…

Но в образце слюны обнаружилось нечто необычное. В дополнение к генетическим данным, этот тест также выявлял и пол человека – по гену AMEL. AMEL присутствует как в мужских, так и в женских хромосомах, но везде он разный. У мужчин есть две различные половые хромосомы – X и Y, в то время как у женщин – две одинаковые – X. Какие именно хромосомы содержатся в ДНК слюны, тест не выявил. Это можно сделать в другом известном тесте – на *кариотипы*. Однако были выявлены выступы, указывающие на наличие и относительное количество генов AMEL на каждой шестой хромосоме. Если бы тест выявил только выступы на AMEL–X хромосомах, то, значит, речь шла о женщине. Если бы обнаружились два одинаковых выступа, по одному для AMEL–X и для AMEL-Y хромосом, это означало бы, что убийца – мужчина.

В ее образце, однако, были выявлены неодинаковые выступы AMEL–X и AMEL-Y хромосом. Выступы на X-хромосомах оказались вдвое выше, чем на хромосомах Y-типа. Это предполагало наличие второй X-хромосомы. То есть в структуре ДНК убийцы могло оказаться *три* половые хромосомы.

И это не был какой-нибудь загрязненный образец – она провела достаточное количество параллельных тестов и знала наверняка, что материал принадлежал лишь одному убийце. Робин ощутила волнение: либо в ДНК убийцы необычная комбинация XXY-хромосом, либо его ДНК имели еще более редкую структуру, которую ей предстояло определить.

Робин услышала звуки приближающихся шагов. Подняв голову, она увидела, что к ее столу направляются Рич Верде и Бобби Пиджен. На лице у Бобби была традиционная улыбка. Рич, как всегда, хмурился. Боже мой, он так и не научился нормально одеваться…

– Хадсон, – начал Верде. – Мне нужно поговорить с тобой о деле Оскара Вуди.

Робин тут же почувствовала приступ глубокого разочарования.

– А я думала, что этим делом занимаются Брайан Клаузер и Пукки Чанг…

Верде покачал головой:

– Нет, делом занимаемся мы. Это ведь тот самый обоссанный труп, верно?

Странная формулировка, подумала Робин. Но кивнула.

– Наше дело, можешь не сомневаться, – хрипло повторил Верде. – Обычно Метц сам занимался такими трупами.

– Это так, но уверяю тебя, что я отлично справлюсь…

– Да ради бога! – раздраженно проговорил Рич. – Просто это расследование немного не такое, к которому, возможно, ты привыкла. Это особое дело. Позвони начальнику полицейского управления. Прямо сейчас. Она ждет твоего звонка.

Робин выгнула брови.

– Ты имеешь в виду шефу Зоу?

– Совершенно верно, – кивнул Верде. – И поскорее. А то у меня еще куча дел впереди.

Что касается Метца, то ее руководитель часто беседовал с Зоу. Робин была назначена временно исполняющей обязанности начальника отдела. Значит, именно ей сейчас предстояло отвечать на любые вопросы, которые могла задать Зоу. Робин сняла трубку, затем просмотрела список телефонов, прикрепленный к стенке кабины, в поисках нужного добавочного номера.

Верде нагнулся к ней и сам набрал телефон Зоу.

– Вот, пожалуйста, – недовольно засопев, сказал он.

Ожидая ответа, Робин впилась в него взглядом. Неужели он не мог просто продиктовать ей добавочный, вместо того чтобы демонстративно набирать его самому?

– Офис начальника полицейского управления.

– С вами говорит Робин Хадсон из отдела судебно-медицинской экспертизы. Мне сказали…

– Минуточку, доктор Хадсон, шеф как раз ждет вашего звонка. Соединяю.

В трубке послышался сухой голос Зоу. По телефону она говорила такими же краткими фразами, как и при личном общении.

– Доктор Хадсон?

– Да, я слушаю.

– Расследованием убийства Оскара Вуди занимается Рич Верде, – сказала Зоу. – Это дело находится под моим личным контролем. Мне не хотелось бы, чтобы хоть какая-нибудь информация просочилась в СМИ. Вы понимаете?

Отдел судебно-медицинской экспертизы и полицейское управление тесно сотрудничали, но все-таки Зоу не являлась начальником Робин. Она попыталась представить себе, как Метц, будь он сейчас на ее месте, поступил бы в такой ситуации. Серебряный Орел держался бы вежливо, но вместе с тем твердо стоял бы на своем.

– Шеф Зоу, вы же знаете, что мы и так ничего не передаем СМИ.

– И все же репортерам порой удается заполучить информацию из многих мест, – сказала Зоу. – Доктор Хадсон, я здесь ни на что не намекаю, а просто прошу. Пожалуйста, ограничьте любой доступ к информации по поводу Оскара Вуди. А тело лучше переместить в другую смотровую – ту самую, которую доктор Метц использовал в исключительных случаях. Доступ к любым электронным отчетам имеет только инспектор Верде. Мэр города сказал, что если у вас возникнут какие-нибудь вопросы, вы можете позвонить ему.

Позвонить мэру? Хорошо, это уже более чем прозрачный намек. *Если хотите получить хорошее место, начинайте сотрудничать*. Но разве шеф Зоу просила ее сделать что-нибудь из ряда вон выходящее? Возможно, у нее были серьезные основания не раскрывать до поры до времени никакую информацию. *Обоссанный.* Так выразился Рич Верде. Робин снова вспомнила о Поле Мэлоуни. Возможно, ее первоначальная догадка была все-таки пра-

вильной, и эти два случая как-то связаны между собой и существует потенциальный серийный убийца. Любая информация, просочившаяся в прессу, может запросто его спугнуть.

– Хорошо, шеф, – ответила Робин. – Тело я отправлю в частную смотровую и не собираюсь никого, кроме Верде, посвящать в детали.

– Спасибо, что уделили мне время, доктор.

Шеф Зоу повесила трубку. Странный звонок. Казалось, в нем прозвучал некий намек на то, что если она ответит согласием, то может рассчитывать на пост главного судмедэксперта. Или, наоборот, в нем была угроза потенциального наказания… Что несогласие с начальством будет стоить ей рабочего места…

Робин повернулась к Верде. Тот смотрел на нее с кривой усмешкой, как бы говорившей: «Ну, я же говорил тебе. Придется подчиниться и сделать так, как тебе сказали, детка».

– Знаешь, Рич, она не бог весть о чем меня попросила, поэтому не надо напускать на себя такой важный вид.

– Когда мне понадобится твое мнение, я сам попрошу об этом, – отмахнулся Верде. – Просто выполни свою работу, составь отчет и не болтай об этом деле с подружками в кафе или туалете. Все, Бобби, пошли.

Верде повернулся, чтобы уйти. Бобби смущенно покосился на него. Он тоже, как и Робин, был несколько растерян.

– Подожди-ка минутку, – сказала Робин. – Я обнаружила кое-что действительно интересное. Это может помочь в расследовании. Разве тебе не интересно узнать?

– Про нападение животного? – усмехнулся Верде. – Я и так потом прочитаю твой отчет. Вполне достаточно.

– Там не только нападение животных.

Он вздохнул.

– Ну, хорошо, там, конечно, были и люди. Те, которые привели и натравили зверя, чтобы убить этого подростка. Какая разница? Смерть наступила от тяжелых увечий, и так далее. В предварительном отчете Сэмми Берзона, составленном на месте происшествия, указано, что на теле обнаружена шерсть крупной собаки.

– Это не собачья шерсть, – проговорила Робин. – Образцы волос оказались человеческого происхождения.

Глаза Верде сузились. Казалось, он… *обеспокоен* полученной информацией.

– Это животное, – сказал он. – Твои результаты неправильные.

Ну что за самоуверенный ублюдок!

– И ты считаешь так потому, что, наверное, имеешь свою собственную медицинскую степень, не так ли? Ты не сможешь опровергнуть мои результаты только потому, что они тебе не нравятся.

Верде всплеснул руками от раздражения.

– Подумаешь! Мальчишка подвергся нападению взрослого парня или нескольких взрослых парней… неважно. Его бьют, потом натравливают на него гребаное животное. Зверь отрывает ему руку, мальчишка умирает. И все, дело сделано. А если это животное, скажем, похоже на утку, ходит утиной походкой или…

– Оно не *квакает*, – заметила она. – И не *лает*. Все исследованные ДНК были определенно человеческими.

До этого Робин много раз передавала свои отчеты Ричу. Он всегда был недоверчив, но обычно интересовался деталями. Почему сейчас эти детали его не волнуют?

– Мои данные указывают лишь на *одного* нападавшего, – сказала Робин. – У меня есть образцы слюны и волос *человека*, Рич. Заставь свои куриные мозги понять это!

Бобби улыбнулся, но не так, как обычно улыбаются мужчины симпатичной женщине. Видимо, он получал удовольствие от ее отпора. Вены на седых висках у Рича вздувались и пульсировали – казалось, они вот-вот лопнут.

Она несколько вышла из себя, но зато Верде был теперь целиком сосредоточен на ней. Он выглядел сердитым. Все еще спокойным, но сердитым.

– Ладно, валяй, – сказал он. – Ты хочешь мне сказать, что это *не может* быть нападением животного?

Робин задумалась. Она получила генетические свидетельства, указывающие на то, что убийца – человек, но зубные отметины были явно животного происхождения. Робин надеялась, что это животное могло оставить на теле Оскара Вуди другие следы или частицы, которые она пока еще не обнаружила.

– Я уверена, что здесь не обошлось без животного. Но при этом у меня имеются данные, которое могут помочь отыскать убийцу Оскара, – сказала она. – Я обнаружила индикаторы *трех* хромосом, двух X и одной Y.

– Трех? – спросил Бобби. Он, казалось, несколько приободрился при первом упоминании о генетике. – Ты же говорила, что был только один убийца. Парням соответствует сочетание XY. Разве три хромосомы не указывают на второго убийцу?

Верде впился взглядом в Бобби.

Бобби в ответ пожал плечами.

– Ричи, нам ведь тоже не мешало бы слегка разбираться в этом, как ты думаешь?

У Верде задергалась нижняя челюсть. Он повернулся и пристально посмотрел на Робин.

– Ладно, трудолюбивая пчелка, выкладывай, что тебе удалось накопать.

Пару минут назад Верде выглядел рассерженным. Теперь он был просто в ярости.

– Если б имелся второй нападавший мужского пола, я нашла бы следы второй хромосомы Y, – ответила Робин. – Если б второй нападавший оказался женщиной, я бы, по крайней мере, нашла признаки третьей X-хромосомы. Это заставляет меня сделать вывод, что убийца Оскара – *треххромосомный*, то есть у него три половые хромосомы вместо обычных двух. Если у нападавшего три хромосомы XXY, то, вероятно, у него имеется синдром Клайнфельтера.

Бобби кивнул. У него в глазах был сейчас такой же блеск, какой она часто наблюдала у Брайана; для таких парней, как они, всякого рода зацепки и подсказки служили своего рода первоклассным кокаином, от которых учащался пульс.

– Я слышал о синдроме Клайнфельтера, – сказал он. – Но это ведь не единственный вариант, верно? То есть разве не могут два человека иметь идентичные хромосомы? Как те же близнецы? Не идентичные, а разнояйцевые близнецы?

От удивления Робин даже улыбнулась. Для непрофессионала он задал весьма интересный вопрос.

– Возможно, убийцы были близнецами – женщиной и мужчиной, – сказала она. – И, чисто технически, у обычных братьев от одного и того же отца имеются одинаковые хромосомы Y. Однако я почти уверена, что, согласно обследованным образцам, мы имеем дело с единственным убийцей. Я еще проведу ряд тестов, чтобы лишний раз в этом убедиться.

Глаза Верде сузились.

– И что это за тесты?

– Один из них называется исследование на кариотип, – ответила Робин. – Кариотип – это совокупность особенностей числа и формы хромосом клетки. Для теста нам понадобятся живые клетки, но возраст слюны на трупе составляет всего несколько часов, поэтому таких клеток хоть отбавляй. Кариотип показывает общее количество хромосом в организме. У тебя, у меня, у Бобби и почти у каждого человека, которого ты знаешь, имеется сорок шесть

хромосом – это совершенно нормально. Если тест покажет наличие сорока шести хромосом, значит, моя дополнительная Х-хромосома принадлежит второму убийце. Но если тест выявит человека с сорока *семью* хромосомами, значит, у нас имеется только один убийца с уникальным генетическим набором, который поможет вам быстрее его поймать.

Бобби улыбнулся.

– Умница, – сказал он. Во рту у него блеснул золотой зуб, который иногда делал его похожим на сутенера.

– Метц не проводил такие анализы, – сказал Рич. – И тебе не нужно. Нам этот тест тоже без надобности. У нас и так уже есть кое-какие зацепки, о которых мы просто помалкиваем.

Робин заметила, что Бобби с удивлением покосился на Рича. Если и были какие-то зацепки, молодой напарник о них, видимо, ничего не знал…

Робин скрестила руки на груди.

– Не хочешь ли ты сказать, что тебе просто не нужны другие зацепки? Если у нашего парня имеется синдром Клайнфельтера, он может стесняться своего пола или, возможно, проявлять необычные сексуальные наклонности. Вы могли бы поискать в смешанных гендерных группах или…

– Занимайся *своим* делом, – отрезал Верде. – Тебе платят за то, чтобы ты копалась в трупах, а не за расследование убийств. Это дело оставь нам, детективам. Сделай то, о чем тебя просят. Бобби, идем отсюда!

Он вышел из кабинета. Его напарник закатил глаза и улыбнулся, словно извиняясь за грубость старшего товарища.

Робин проводила их взглядом, вращаясь в кресле. Как все-таки странно – почему это Рич не хочет рыть землю и обшаривать каждый угол, чтобы раскрыть это страшное убийство? Возможно, ей вообще не стоило задавать – ни себе, ни кому бы то ни было – такой вопрос. За спиной у Верде стояла шеф Зоу, и кое в чем он был все-таки прав: расследование преступлений не входило в ее компетенцию. Поэтому здесь Рич Верде, возможно, и заткнул ей рот, но, с другой стороны, он не являлся ее боссом. Как, впрочем, и Зоу. Они могли что-то предложить, о чем-то попросить, но не могли сказать ей, какие именно тесты нужно проводить, а какие нет.

Для теста на кариотип Робин могла бы использовать новый аппарат «РапСкан» – достаточно было лишь загрузить образцы ДНК в картриджи. Процесс занимал приблизительно пятнадцать минут и был полностью автоматизирован – для обработки требовалось несколько часов. Робин собиралась запустить тест, а затем забрать домой всю работу, которую следовало закончить к утру.

Завтра утром она получит результаты теста на кариотип…

Художник и его рисунок

Рекс рисовал. Он хорошо умел рисовать и знал об этом. Госпожа Эванс, преподаватель рисования в школе «Галилео», говорила, что у него есть *задатки*. Никто ничего подобного ему никогда не говорил. С тех пор, как умер отец, – никогда и никто.

Однако свои лучшие рисунки он госпоже Эванс не показывал. Те, на которых есть пистолеты, ножи, цепные пилы, веревки – и им подобные вещи. Она видела некоторые из тех рисунков и сильно рассердилась, поэтому Рекс держал их при себе.

Теперь он знал, что другим детям и подросткам тоже нельзя показывать эти картины. Никогда, иначе ублюдки из «БойКо» совсем замучают его.

Но если они еще раз попытаются наброситься на него, с ними уже не будет ненавистного Оскара Вуди.

Поскольку Оскар Вуди мертв.

Рекс сделал очень много рисунков. Даже нарисовал одно из странных лиц, которые видел во сне. Этот рисунок вместе с остальными он повесил на стене и подписал именем, которое чаще других слышал в своих снах: *Слай*.

Рекс продолжал рисовать. Его карандаш очертил овал головы, затем глаз, контуры носа. Он увлекся, добавляя новые линии и штриховку. Постепенно лицо становилось узнаваемым.

Скрежет карандаша о бумагу становился все громче. Появились очертания туловища. Потом была нарисована цепная пила. Потом – брызги крови.

Рекс почувствовал странное тепло. В груди начало покалывать.

Сотри часть носа, перерисуй… подкорректируй углы рта, добейся того, чтобы линии, формы и оттенки на лице выражали мучение и ужас.

Он почувствовал, что его пульс участился, а дыхание стало частым и прерывистым.

Сотри бицепс, затемни эту линию… цепная пила только разрезала руку, и брызнула кровь…

Рекс почувствовал сильное напряжение у себя между ног.

Он со стоном потер глаза.

Сделай глаза больше. Наполни их страхом.

Это страх перед ним, перед Рексом.

Он ведь не раз рисовал Оскара Вуди, вкладывая в рисунки всю свою ненависть. И вот теперь Оскар Вуди мертв.

Может быть, это не простое совпадение.

И, возможно, Рекс, сделает так, чтобы это произошло еще раз.

Новое лицо?

Джей Парлар, подросток, который подкладывал деревяшки под его запястье и локоть…

Рекс еще крепче сжал в руке карандаш…

Большой Макс

Ну, наконец-то она дома! В поисках ключа от квартиры Робин пришлось несколько минут копаться в сумке. В ближайшем супермаркете, неподалеку от дома, она купила несколько пакетиков с собачьей едой, молоко, бутылку «Мальбека» и несколько пирожных «Твинки». Цепочка с ключами, как всегда, провалилась на самое дно сумки. Робин и сама не знала, зачем ей столько ключей. Вероятно, это были ключи от старых почтовых ящиков, от шкафчика в спортивном зале, от несуществующего секретера и еще бог знает от чего. Робин никак не могла заставить себя выбросить любой из них, потому что знала: как только она это сделает, выброшенный ключ на следующий же день где-нибудь понадобится, и тогда проблем не избежать.

В конце коридора открылась дверь. Наружу вышел огромный мужчина, а мимо него в коридор, хлопая ушами и врезаясь когтями в ковролин, ураганом пронеслось скулящее черно-белое мохнатое существо весом семьдесят пять фунтов.

Эмма подпрыгнула, едва не сбив Робин с ног. Продукты из сумки посыпались на пол. Робин пыталась поймать пакет с молоком, но тот с глухим стуком шлепнулся на ковер.

Едва успев опустить сумку, Робин обхватила ладонями морду собаки и принялась гладить и ласкать ее, не забыв потрепать за уши. Эмма обезумела от радости; она облизывала руки и лицо своей хозяйки, вертелась, извивалась и никак не могла успокоиться.

– Девочка моя! Как я по тебе скучала, – приговаривала Робин.

Слегка отстранившись от собаки, она опустилась на колени, пытаясь собрать рассыпавшиеся из сумки продукты. Это была стратегическая ошибка. Эмма снова подскочила, чтобы лизнуть Робин в лицо. Лапы собаки опустились на плечи Робин, и женщина, не удержавшись, опрокинулась навзничь. Эмма, еще больше развеселившись, забралась прямо на хозяйку и принялась вылизывать ей лицо.

– Тише, тише, девочка! – посмеиваясь, приговаривала Робин. Приподнявшись, она гладила свою любимицу.

Внезапно Эмма сделалась невесомой. Робин подняла голову, увидев, что Большой Макс держит семидесятипятифунтовую собаку в левой руке, прижав ее голову к своему плечу. Но, даже оказавшись в воздухе, Эмма продолжала повизгивать от радости и отчаянно вилять хвостом.

– Боже мой, девочка, – воскликнул Макс. – Твоя собака совсем взбесилась.

Робин кивнула и улыбнулась. Она сложила обратно в сумку рассыпавшиеся продукты и почту.

– Спасибо тебе, Макс. Спасибо за все.

– Не бери в голову, дорогая. Мне ведь не составляет никакого труда присмотреть за Эммой.

Эмма вполне неплохо чувствовала себя в огромной руке Макса. *Огромные* – это даже не совсем подходящее слово для описания его рук – скорее они были *гигантскими*. Макс походил на женоподобного профессионального рестлера. Большие руки, толстые ноги, огромная бочкообразная грудная клетка. Добродушное лицо дополнялось светлой козлиной бородкой и такими же светлыми вьющимися волосами.

Одного взгляда хватало, чтобы понять, что Макс – гей, и это всегда вызывало горечь, ведь мужчина был первоклассным красавчиком. Он оказался весьма интересным соседом: любитель собак, хорошо разбирался в местной политике, по ночам работал вышибалой в клубе и даже пытался сниматься в эротических фильмах. Не какой-нибудь типичный зануда.

Макс был лучшим другом Робин: яркий, может при случае защитить и дать обидчику в морду, да еще и будущая гей-порнозвезда.

– Эй, – сказала Робин. – Как твое прослушивание на Kink.com?

Здоровяк улыбнулся.

– Нормально. Ты спрашиваешь из вежливости или хочешь знать жуткие подробности моей съемки?

Робин рассмеялась и покраснела.

– Скорее первое. Не уверена, что смогу переварить детали.

– Эх вы, застенчивые канадские девчонки…

Из квартиры Макса вышла вторая собака. На ее фоне Эмма выглядела крошечной: это был питбультерьер весом девяносто фунтов. Серый, с белыми лапами и самой добродушной мордой, какую только можно себе представить.

Макс, не раздумывая, нагнулся и правой рукой схватил свою псину под мышку. Сто шестьдесят фунтов – столько весили две собаки – он держал, словно пару пуховых подушек.

– Привет тебе, Билли, – обрадовалась Робин и поцеловала питбуля прямо в нос. Толстый хвост Билли не находил себе покоя.

Макс склонился над Робин. Его глаза сузились, когда он присмотрелся к пятнам под глазами у женщины.

– Милая моя, что это у тебя за круги? Я смотрю, эта чертова работа просто губит тебя.

Робин сложила почту в сумку с продуктами и наконец отыскала ключ от квартиры. Отперев дверь, она зашла в прихожую. Макс проследовал за нею, все еще не выпуская собак из рук.

– Ах, не говори, – ответила она. – Ты бы видел, какого подростка мне сегодня привезли в морг…

– Что, совсем плохо?

– Не то слово, – Робин поставила сумку на стол. – Его рука была… Постой, а *ты* спрашиваешь тоже из вежливости или потому, что хочешь знать жуткие подробности? Потому что эти подробности и в самом деле… кровавые. Сам знаешь, где я работаю.

Макс опустил обеих собак, затем поднял обе руки вверх.

– О, я только из вежливости. Мне, конечно, нравится смотреть телесериал «C.S.I.: Место преступления», но там все так приглажено и не слишком натурально, а вот от твоих историй у меня иногда мурашки по коже бегут. Что, попалось важное дело?

– Для меня – да.

Макс улыбнулся, и эта улыбка, едва обозначенная краешком губ, могла красоваться на любых плакатах или веб-страницах, где бы ни рекламировалось порно…

– Понимаю, – сказал он. – А в нем участвует мистер Человек в Черном?

Робин почувствовала, как кровь прилила к лицу.

– Я этого не говорила.

– Тебе и не нужно было. Я ведь все вижу по твоим глазам. Может быть, тебе стоило пригласить его к себе, чтобы вместе обсудить это дело? Ведь ты не была… в постели с тех пор, как он съехал от тебя.

– Макс! Это ведь не твое дело. И откуда ты знаешь, что я ни с кем не была в постели? Может быть, я проститутка, и на мне клейма ставить негде!

Макс показал свой огромный кулак и демонстративно постучал костяшками пальцев по стене, разделяющей их квартиры.

– Эта штука довольно тонкая. Соответственно, слышимость хорошая. Если б ты… Если б у тебя там что-нибудь такое происходило, я бы знал наверняка. Я, конечно, был в курсе всякий раз, когда вы с Брайаном… скажем так… *обсуждали дело*.

В голове у Робин закружился водоворот мыслей: замешательство при мысли о том, что Макс знал о пребывании Брайана в ее квартире; воспоминания о том, как они с Брайаном занимались любовью; отголоски счастья, которое они делили в этой квартире; все еще све-

жие воспоминания о спорах с Брайаном, о ее криках, о том, как он с ледяным спокойствием и немой укоризной смотрел на нее. Ее крики… Макс, должно быть, тоже их слышал.

– Между мной и Человеком в Черном все кончено, – ответила Робин. – И я слишком занята, чтобы сейчас волноваться по поводу секса.

Большой человек пожал плечами.

– Моя мама говорила, что есть две вещи в жизни, на которые должно всегда хватать времени.

– Платить налоги и пылесосить ковер?

– Нет, – усмехнулся Макс и подмигнул ей. – У тебя всегда должно хватать времени на то, чтобы заботиться о своем домашнем питомце и… чтобы заниматься любовью.

– Это тебе говорила твоя *мама*?

Тот кивнул:

– Конечно. Думаю, она внушила это мне еще до того, как я родился. Теперь она, главным образом, сосредоточила свое внимание на собаке. Послушай, нет ведь ничего плохого в том, что тебе снова позвонит бывший партнер и предложит встретиться. Тебе нужно все обставить так, как в старых кинофильмах 50-х годов. Немного покривляться, немного пошалить, а потом – окунуться в омут с головой.

Робин закатила глаза:

– Он не такой, Макс. Он – простак.

Макс засмеялся, но потом покачал головой:

– Нет, милая моя, Брайан вполне может быть *джентльменом*. Он никак не простофиля. К тому же он… *опасный*.

Брайан был сдержанным, уверенным, но *опасным*? Наверное, никто, кроме нее – и, возможно, Пукки, не знал, какой Брайан на самом деле. Или, может быть, наоборот, все знали, а Робин – нет…

– Но ведь ты встречался с Брайаном всего пару раз, – сказала она, прищурившись. – Как ты можешь так уверенно говорить о нем?

– Но это часть моей работы. Я ведь вышибала, если помнишь. И должен мало-мальски разбираться в людях. Твой малыш из тех парней, с которыми мне не хотелось бы встретиться в глухом переулке.

– Но ведь ты тяжелее его по крайней мере на пятьдесят фунтов, Макс.

– Размер – это не самое главное. Если речь не идет о порно, конечно. Мне нравятся мои зубы, и я хочу, чтобы они находились на месте. Поэтому таких, как Брайан, я стараюсь обходить стороной.

Как смешно и нелепо. Макс такой большой… Брайан худой и сильный, но разве он может внушить опасения такому громиле, как Макс? Впрочем, сейчас это не имело никакого значения. Робин больше не хотела думать о Брайане Клаузере.

– Спасибо за то, что присмотрел за Эммой, Макси. С меня обед.

– Семь, – сказал он.

– Семь чего?

– Семь обедов. И это только за истекшие три месяца.

– Семь? *В самом деле?*

Макс кивнул.

– Я не хочу советовать тебе, как лучше распоряжаться своей жизнью, милая, но Эмма начинает любить меня больше, чем тебя.

– О нет!

Макс улыбнулся, затем пошел к выходу. Эмма понеслась за ним.

– Эмма! А ты куда?

Собака остановилась и посмотрела на Робин, затем оглянулась в сторону Макса.

Тот пожал плечами.

– Не волнуйся, Эмма, скоро увидимся.

Подмигнув, он закрыл за собою дверь. Эмма с удивлением уставилась на дверь, потом заскулила.

Робин хлопнула в ладоши, чтобы привлечь внимание собаки.

– Эмма, девочка моя, хочешь кушать?

Собака тут же подбежала к ней, завиляв хвостом.

Может быть, Брайан Клаузер и разлюбил Робин, но Эмма разлюбить не могла. И если Робин приходилось добиваться этой любви, покупая лакомства своей любимице, то ничего плохого она в этом не видела. Сейчас она покормит Эмму, и можно будет отправляться спать…

Телефонный звонок

Пукки почувствовал, как под мышками у него стал собираться пот. Тащить взрослого человека через четыре пролета оказалось неожиданной и малоприятной разминкой…

– Брай-Брай, если тебя сейчас вырвет, получишь под дых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.